

de visu

5'93

ежемесячный
историко-
литературный
и библиографический
журнал

de visu 5(6)'93

ежемесячный
историко-литературный
и библиографический
журнал

ПУБЛИКАЦИИ И РЕПУБЛИКАЦИИ	5	М.Ф.Ликиардопуло. Письма М.А.Кузмину <i>Н.А.Богомолов</i>
	12	Переписка В.Ф.Ходасевича и М.О.Гершензона <i>Инна Андреева</i>
	52	М.А.Волошин. Письма С.Ф.Платонову <i>В.А.Колобков</i>
СТАТЬИ	62	<i>М.Л.Гаспаров</i> Стих и смысл
БИБЛИОГРАФИЯ	75	<i>В.В.Попов, Б.Я.Фрезинский</i> Материалы к библиографии <i>И.Г.Эренбурга</i>
ОБЗОРЫ	81	Книги. Журналы. Газеты
ХРОНИКА	93	
POST SCRIPTUM	99	

**Журнал редактируют:
Александр Галушкин и Александр Розенштром**

**Над номером работали:
Юрий Бин, Елена Дворецкая,
Юлия Дронова,
Андрей Лебедев (Париж), Сергей Путилов**

**Оформление:
Татьяна Чернова**

**При перепечатке ссылка на «De Visu» обязательна
Рукописи не рецензируются, но возвращаются**

**С №4(5) журнал издается при поддержке
Союза учредителей фондов немецкой науки (Эссен)
Stifterverband der deutschen Wissenschaft (Essen)**

**Писать по адресу:
Россия, 117437, Москва,
ул. Островитянова, 19 — 139.**

Телефоны: 289-63-08, 335-28-84

**Подписку за рубежом осуществляет
Galina Zlotnikova:
PO Box 1641
Madison Square Station
New York, NY 10159-1641, USA**

**ЛР № 070205 от 22.10.91
Формат 60x84 1/8 Печать офсетная
Бумага офсетная Заказ 3324
Тираж 1000 Усл. печ.л. 12,5
Производственно-издательский
комбинат ВИНТИ
140010, Люберцы, Октябрьский пр-кт,403**

Ежемесячный историко-литературный и библиографический журнал «De Visu» посвящен русской литературе конца XIX — первой трети XX вв. (от зарождения символизма до торжества социалистического реализма).

В каждом номере:

- Публикации и републикации неизвестных и забытых текстов русской литературы 1890-1930-х гг.*
- Статьи и исследования, посвященные литературе этого периода.*
- Книжные обзоры и рецензии*
- Ретроспективная библиография (указатели содержания журналов, тематическая библиография, Personalia и др.)*
- Текущая библиография (аннотированные тематические указатели книг, публикаций в журналах и газетах, посвященных русской литературе 1890-1930-х гг.)*
- Хроника научной жизни.*

М.Ф.Ликиардопуло Письма М.А.Кузмину

Почти с первых шагов своей литературной деятельности М.Кузмин оказался связан с издательством «Скорпион» и журналом «Весы». Обстоятельства первых контактов были уже изложены в печати¹, потому не станем на них специально останавливаться. Однако следует отметить, что довольно часто сношения с Брюсовым и журналом шли не напрямую через обращения к мэтру, а через посредников, главным из которых был Михаил Федорович Ликиардопуло (1883-1925). В героический период существования «Весов» он был секретарем редакции журнала и чрезвычайно активно входил не только в деловые перипетии, но и в обстоятельства литературной жизни².

Нам известно семь его писем к Кузмину и одно ответное³. По большей части письма Ликиардопуло носят характер чисто деловой и не представляют живого интереса для читателя, специально не занимающегося историей кузминских публикаций. Однако среди них выделяются три письма лета 1907 года, которые, на наш взгляд, представляют интерес гораздо более широкий, ибо касаются литературных отношений этого времени, серьезной журнальной борьбы и роли Кузмина в ней.

Для того, чтобы понять смысл и контекст появления этих писем, необходимо обрисовать положение, которое Кузмин в то время занимал в литературе, а также напомнить общую литературную ситуацию, сложившуюся внутри русского символизма.

Как хорошо известно, впервые произведения Кузмина были опубликованы в «Зеленом сборнике стихов и прозы», вышедшем 20 декабря 1904 года⁴. Эта публикация не прошла незамеченной (среди прочих ее рецензировали Блок и Брюсов), однако Кузмин и после ее появления продолжал чувствовать себя стоящим вне литературы. Лишь выход части цикла «Александрйские песни» и повести «Крылья» в «Весех» 1906 года (№№ 7 и 11) сделал Кузмина заметной фигурой в литературных кругах⁵. Однако его дневник и письма лета 1907 года свидетельствуют, что и тогда, через год после своего дебюта в популярном журнале, он особенно тщательно фиксирует всякие, даже малейшие упоминания своего имени в газетной хронике, обращает внимание на пародии, всякого рода «ругань», даже на неконкретизированные выпады, которые могли бы относиться (но вовсе не обязательно относились) к нему. Никогда

впоследствии подобного не происходило. Очевидно, именно лето 1907 года сделало его сознание сознанием профессионального литератора, следящего за критикой, откликающегося на полемику, отстаивающего свое место в литературной борьбе и пр., но не обладающего еще выработанным впоследствии хладнокровием по отношению к симптомам нарастающей популярности.

Письма Ликиардопуло свидетельствуют прежде всего о том, что редакция «Весов» уже в эти месяцы смотрит на Кузмина как на авторитетного и популярного писателя, привлечение которого в собственный лагерь способно принести определенные дивиденды. Именно в эти дни Брюсов так характеризовал положение в литературе в письме к отцу, несколько, естественно, упрощая картину: «Среди «декадентов», как ты видишь отчасти и по «Весам», идут всевозможные распри. Все четыре фракции декадентов: «скорпионы», «золоторунцы», «перевальщики» и «оры» — в ссоре друг с другом и в своих органах язвительно поносят один другого. Слишком много нас расплодилось и приходится поедать друг друга, иначе не проживешь. Ты читал, как мы нападаем на «петербургских литераторов» («Штемцелеванная Калоша»): это выпад против «Ор» и в частности против А.Блока. Этот Блок отвечает нам в «Золотом Руне», которое радо оплатить нам бранью на брань. Конечно, не смолчит и «Перевал», в ответ на «Трихину». Одним словом, бой по всей линии!»⁶. В подобной ситуации естественная логика подсказывала возможный выход: для увеличения подписки привлечь в свой журнал как можно большее число популярных и широко читаемых авторов. То, что только что начавший свою литературную деятельность Кузмин оказался среди них, должно было немало льстить его самолюбию. Именно поэтому Ликиардопуло регулярно предлагает ему присылать на склад «Скорпиона» издания для распространения, извещает о движении тиража «Крыльев» и пр. В то же время литературная политика заставляла «весовцев» требовать от авторов, печатавшихся в их журнале, решительного отказа от сотрудничества в других изданиях. Таким актом было, к примеру, письмо художника Н.П.Феофилактова, который в октябре 1906 г. настоятельно просил Кузмина не участвовать в новообразованном журнале «Перевал», так как «этот журнал социалистический и очень безвкусный»⁷. Совершенно очевидно, что такой ход был предпринят по инспирации Брюсова, а не по собственной инициативе Феофилактова.

Весна и лето 1907 года были временем самого решительного размежевания «Весов» и «Золотого руна», и публикуемые письма отражают ту борьбу, которую «Весы» вели за одного из высоко ценимых ими авторов. Сначала осторожное прощупывание, потом требование решительного поступка, а затем благодарное облегчение, — вот основная тональность публикуемых писем. Вместе с тем они помогают понять и настроение самого Кузмина, который, только что окончившись в бурю литературной войны, сразу же оказался на ее переднем крае и притом — в очень сложном положении. Его средства в то время были довольно ограниченны. Долгое время тянувшееся дело о разделе вологодского имения, принадлежавшего деду Кузмина, так ни к каким осязаемым для него результатам не приводило⁸. После смерти матери Кузмин получал от Г.В.Чичерина ежемесячно по 100 рублей⁹, однако этой суммы было недостаточно. К тому же нам не известно, получал ли он деньги после 1 сентября 1907 года¹⁰, так что очевидно, что литературные доходы постепенно становились все более и более существенным источником потребных для жизни средств. Кузмин всегда, сколько мы можем судить, писал легко и много, а мест, где бы его охотно печатали, не хватало, тем более, что «Весы» предъявляли к своим авторам достаточно серьезные требования.

Показательный в этом отношении эпизод произошел в сентябре 1907 года, то есть как раз в то время, когда борьба за то, чтобы Кузмин принадлежал единственно к лагерю «Весов», вероятно, еще не была завершена. 26 сентября Брюсов пишет Кузмину: «Нам очень хотелось бы дать в октябрьской книжке “Весов” Ваш рассказ. У нас есть Ваша рукопись “Кушетка тети Сони”. Нам этот рассказ не кажется на уровне Ваших лучших произведений. Поверьте, это вовсе не “редакторское” замечание. После “Александрийских песен”, “Любви этого лета”, “Элевзиппа” и мн. и мн. — Вы приобрели себе, право решать самостоятельно, что должно напечатать из Ваших вещей, что нет. Мои слова — только дружеский совет или, еще того вернее, дружеский вопрос. Мы только еще раз спрашиваем Вас: настаиваете ли Вы, что “Кушетку” напечатать должно?»¹¹ Однако для Кузмина этот рассказ был принципиально важен¹². Получив не сохранившийся ответ Кузмина, Брюсов написал ему: «Так как Вы настаиваете на “Кушетке” или так как Вам дорог этот рассказ, мы поместим его непременно в № 10»¹³. Кузмин в ответном письме рассыпался в благодарностях: «...я не настаивал, я только признался в пристрастии, м<ожет> б<ыть>, незаслуженном, к этой вещи. Но я и радуюсь в глубине. Моя искреннейшая просьба — не оставлять меня и впредь такими дружескими советами, потому что если не Вам, то кому же мне и верить?»¹⁴ Совершенно очевидно, что подобная снисходительность могла быть обусловлена единственно желанием Брюсова прочнее привязать Кузмина к «Весам».

Сам же Кузмин вовсе не собирался, несмотря на все излияния в письмах, хранить журналу непоколебимую верность. Для него было важно иметь как можно больше возможностей для публикации, потому он вел сложную игру, позволявшую ему оставаться

сотрудником принципиально враждовавших изданий. Поддавшись первому искушению стать на сторону «Весов», он через несколько дней пошел на попятный и вернулся (конечно, не думая порывать с «Весами») в «Золотое руно»; несколько ранее началось и активное сотрудничество с «Перевалом». Печатаясь в разнородных изданиях, Кузмин как бы готовился к тем годам, когда он решительным образом переместится в журналы далеко не самого высокого пошиба, охотно публикуясь в «Ниве», «Огоньке», «Аргусе», «Лукоморье», «Синем журнале» и тому подобным. Пока же он только пробует свои силы, оставаясь в пределах первоначально избранного поприща.

Таким образом, публикуемые материалы позволяют восстановить как довольно напряженный эпизод литературной борьбы, так и позицию постепенно становящегося известным поэта и прозаика, в эту борьбу (отчасти не по своей воле) вовлеченного.

Письма печатаются по автографам, хранящимся: РГАЛИ, ф.232, оп.1, ед.хр.268, л.1-3 об. Небольшие фрагменты текста были использованы А.В.Лавровым в статье «Золотое руно»¹⁵.

1. См. предисловие Ж.Шерона к его публикации: Letters of V.Ja.Brjusov to M.A.Kuzmin // Wiener slawistischer Almanach. Wien, 1981. Ё.7.

2. Подробнее о нем см. содержательную статью Т.В.Павловой // Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь. Т.3 (в печати).

3. Два из них находятся в той же единице хранения, что и три публикуемых, еще два, относящихся к 1906 г., — ИРЛИ, ф.123, оп.2, ед.хр.276. Письмо Кузмина к Ликиардопуло присоединено к его письмам к Брюсову (РГБ, ф.386, карт.91, ед.хр.13).

4. Сведения о дате выхода почерпнуты из дневника Ю.Н.Верховского // РГБ, ф.697, карт.3, ед.хр.38, л.27.

5. В начале 1907 г. (письмо не датировано) Брюсов сообщал отцу: «“Крылья” Кузмина имеют большой успех. Все хотят купить № 11, где они напечатаны. Выпускаем роман отдельной книжкой» (РГБ, ф.386, карт.142, ед.хр.9, л.1 об).

6. Письмо от 21-24 июля 1907г. Цит. по: Ямпольский И.Г. Валерий Брюсов и первая русская революция // Литературное наследство. М., 1934. Т.15. С.214. Текст сверен с рукописной копией: РГБ, ф.386, карт.142, ед.хр.9, л.16 об — 17.

7. Письмо без даты // РНБ, ф.124, №4488; датируется на основании письма Кузмина к К.А.Сомову от 25/12 октября: «Сегодня получил несколько нелепое, но очень трогательное письмо от Феофилактова, где он просит меня не соглашаться на участие в новом журнале Грифа “Перевал”» (ГРМ, ф.133, ед.хр.232, л.15).

8. Некоторые материалы, относящиеся к этому процессу, — ЦГАЛИ С.-Петербурга, ф.437, оп.1, ед.хр.187.

9. Об обстоятельствах, при которых начинались эти выплаты, шедшие через брата Чичерина Николая

Васильевича и его жену Наталью Дмитриевну, см. письмо Г.В.Чичерина к Н.Д.Чичериной от 22 ноября/5 декабря 1904 г.: «...обращаюсь к Вам, так как Вы с самого начала отлично отнеслись к Кузмину и сумели оценить его выдающуюся натуру. Умоляю Вас теперь заняться им. Продолжавшаяся почти 1/4 столетия жизнь разрушилась. Он с детства жил вдвоем с матерью и теперь остается совершенно один. Он несомненно вполне беспомощен и растерян. Нельзя его так оставить без содействия. <...> Поймите положение! В этой квартире, где почти 1/4 столетия протекала вся его жизнь, он остается вдвоем с трупом матери!! Надо как можно скорее устроить его у каких-нибудь хороших знакомых, где он чувствовал бы себя тепло. <...> Он “менестрель на готовых хлебах”, он таким создан и таким должен быть. Я считаю возможным для себя уделять на него 100 руб. в месяц. <...> Главное сейчас — поддержать его в первое время катаклизма. Еще раз умоляю Вас заняться им!» (РНБ, ф.1030, №16, л.5-5 об).

10. До этой даты деньги ему были выплачены. См. письмо Г.В.Чичерина к Н.Д.Чичериной от 1/14 февраля 1907: «У меня значится, что в 1905 было передано Николе (Н.В.Чичерину. — Н.Б.) для Кузмина 1200 р. от 1/X 905 до 1/IX 906; в 1906 было передано Николе для Кузмина 1200 р. от 1/X 906 до 1/IX 907» (Там же, №58, л.3).

11. Cheron G. Op.cit. S.72. Печ. с небольшими исправлениями по автографу (РНБ, ф.124, №675).

12. 2 декабря он сообщал В.В.Руслову: «Я сам питаю большую нежность к этой вещи», а 8-9 декабря дополнял это суждение рядом аргументов (см.: Новое литературное обозрение. 1992. №1. С.144, 146. Публ. Н.А.Богомолова).

13. Cheron G. Op.cit. S.73.

14. Письмо от 6 декабря 1907 г. // РГБ, ф.386, карт.91, ед.хр.12, л.21.

15. Русская литература и журналистика начала XX века. 1905-1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984.

1.

Москва, 1.VI.<19>07

[Именной бланк М.Ф.Ликиардопуло с адресом:]
Малый Харитоньевский пер., д. Котова, кв. 16

Дорогой Михаил Алексеевич!

Получил Ваше письмо, «Приключения Эме Лебефа» и «Три пьесы»¹. В восторге от книжечек. Все так стильно и выдержанно и внешне и внутренне. «Эме Лебеф» даже прочитал уже два раза. Очень мне понравилась также и Ваша мистерия в «Орах»². Это лучшая вещь всей книги.

Теперь несколько слов о делах: если Вы заинтересованы в распространении Ваших книг, то пришлите нам на склад какое-нибудь количество (100 экз., скаж^{ем}) и также сообщите цену на них, чтобы мы могли Вам сделать объявление в «Весах»³.

Сергей Александрович⁴ из Крыма все еще не возвратился — думаю, вернется к 15 — и до тех пор ничего не могу Вам сказать определенного о «Александрийских песнях», кроме того, что это издание решенное⁵.

У «Золотого Руна» дела очень неважные, никак дальше № 3 не могут пойти⁶. Говорят, что Ряб<ушинский> собирается ликвидировать дело и «рассчитать» или, вернее, «уволить» своих сотрудников⁷. Т<ак> к<ак> надежд на возобновление «Руна» в прежнем его виде, по-видимому, нет никаких⁸ и ввиду слухов о появлении в след<ующем> № «Руна» (если он появится) весьма бранной статьи (написанной Рябушинским пополам с Тастевеном) против «Весов» и, кажется, Брюсова в частности,⁹ — небольшая группа москвичей: Брюсов, Балтрушайтис, Белый, я и Сергей Соловьев, а также, по всей вероятности, З.Гиппиус — решили демонстративно выйти из состава сотрудников «Золотого Руна». Т<ак> к<ак> Вы не мало подвергались «немилости» Рябушинского¹⁰ и ввиду того, что надежд на возобновление беллетристики в прежнем своем виде — нет, то, может быть, и Вы к нам примкнете? Если согласны, то уполномочьте или меня, или В.Я.Брюсова в случае нашего коллективного ухода из «Руна» присоединить и Ваше имя¹¹.

Пишите, как Вы живете и что теперь делаете.

Ваш любящий

Мих.Ликиардопуло.

2.

19 июля 1907
[Именной бланк М.Ф.Ликиардопуло]

Дорогой Михаил Алексеевич!

Простите, что не ответил на целый ряд Ваших писем, но случилось, что я уезжал на несколько дней в деревню под Москву и только недавно вернулся.

«Жар-Птицы» не посылал Вам еще, т<ак> к<ак> обложка Сомова еще не готова, а она-то именно представляет для Вас интерес¹. Стихи Ваши В<алерий> Я<ковлевич> получил, но об этом он Вам сам напишет². Рассказ Ваш взял для прочтения С.А.Поляков, и когда он его вернет мне — не премину сообщить Вам о результатах³. Скоро же окончательно решится и вопрос о «Алекс<андрийских> Песнях»⁴. Вот, кажется, все дела. Как проводите лето, что теперь пишете? Неужели конец «Картонного Домика» погиб безвозвратно⁵? Что за гадости выкидывают Петербургские газеты! Я не знаю, как охарактеризовать выходку г.О.Л.Д'Ора (кто это?) в приложении к «Руси», кот<орый> сочинил нехватяющие главы и подписал их Вашим именем. Это больше наглости, это форменное хулиганство⁶. Кстати, вспомнил еще «дело»: ради бога, убедите Гржебина⁷ немедленно выслать нам 25 экз. «Эме Лебефа» и «Пьес». У нас их до сих пор нет, а после объявления в «Весах» поступают запросы. Только, пожалуйста, как можно скорее. Можно ли нашим подписчикам делать 15% скидки? «Крылья» одно время было окончательно «стали», но теперь опять «пошли». Осталось экземпляров 300 всего⁸. Скидка не была помечена в объявлении, т<ак> к<ак> я не знал, можно ли делать на издания Гржебина.

Мне очень понравилась «Прерванная повесть»⁹. Когда я купил «Белые Ночи», я сейчас же ее прочитал Брюсову, Белому и Эллису, кот<орые> были все в восторге. Отзыв о «Белых Ночах» написал для «Весов» Белый, приблизительно в том же духе, как и о «Орах»¹⁰. С «Руном» мы прекратили всякие сношения, хотя еще не выходили.

Про себя мало что могу написать, — работы, как всегда, по горло. Жду не дождусь сентября, когда уеду на месяц в мой любимый «Город», как мы, греки, называем Константинополь¹¹. А пока приходится томиться в Москве, читать корректуры, ругаться с типографией и т.д.

Пока до свидания.

Любящий Вас

Мих.Ликиардопуло.

3.

<7 августа 1907>¹
[Бланк издательства «Скорпион»]

Дорогой Михаил Алексеевич!

Ваше письмо меня бесконечно обрадовало, но должен признаться — я именно и ждал от Вас такой ответ². Мы никогда не сомневались в том, что Вы наш, но за последнее время нам пришлось не раз ошибиться, вдруг открыв, что люди, которых мы привыкли считать своими, — становились нашими противниками. И я лично, более всех отстаивавший Вашу верность «Весам», вызвался получить от Вас определенное, окончательное заявление. Вы просите дать Вам каких-либо инструкций? Пока — мы с петербуржцами еще не порвали окончательно и не приходится предпринимать никаких шагов. Вот только «Руно». Мы недавно сделали последнюю попытку снова стать с ними в дружеских отношениях — предложили им составить редакционную комиссию, куда вошли бы из москвичей Брюсов и Белый, но вместо этого пришлось выслушать кучу дерзостей, и к тому же вышла новая грязная история — на этот раз с Белым. Подробности Вы найдете в прилагаемой вырезке из «Столичного Утра»³. После этой нахальной выходки «Руна» оставаться в нем нет возможности. Сегодня мы получили согласие на коллективный выход от Д.Мережковского и З.Гиппиус, т<ак> ч<то> составляется большая группа: 2 Мережковских, Брюсов, Балтрушайтис, Соловьев, я и, надеюсь, Вы. Если Вы сейчас рассчитались с Рябушинским и согласны присоединиться к нашей демонстрации, то, пожалуйста, пошлите или прямо в «Руно» (или нам, а мы передадим со всеми остальными, одновременно) заявление о Вашем выходе, и уполномочьте нас присоединить Вашу подпись к различным заметкам и письмам,

которые мы пошлем в разные газеты⁴. Не пишу Вам сейчас больше, т<ак> к<ак> <1 слово неразборчиво> у нас собирается сейчас публика (в «Весах»). Ожидая Ваш скорый ответ, остаюсь искренно любящий Вас

Мих.Ликиардопуло.

P.S. «Эме Лебеф» и пьесы получены и уже разосланы заказчиком.

На днях напишу об одном плане — для будущего — котор<ый> имеет предложить Вам «Скорпион»⁵.

Примечания

1.

1. Речь идет о книжках Кузмина «Приключения Эме Лебефа» (СПб., 1907) и «Три пьесы» (СПб., 1907). В «Весах» обе эти книги рецензировал В.Я.Брюсов (1907. №7).

2. «Комедия о Евдокии из Гелиополя, или Обращенная куртизанка» // Цветник Ор: Кошница первая. СПб., 1907.

3. Объявление о книгах Кузмина было напечатано в шестом номере «Весов», что Кузмин специально отметил в дневнике: «Прислали “Весы”; бранят Чулкова, но и Иванова и Блока, объявляют мои книги». Здесь и далее дневник Кузмина цитируется по рукописи, подготовленной для издания Н.А.Богомоловым и С.В.Шумихиным.

4. Поляков С.А. (1874-1942) — переводчик, критик, меценат издательства «Скорпион» и журнала «Весы».

5. Речь идет о задуманном еще в 1906 г. отдельном издании «Александрийских песен» с рисунками Н.П.Феофилактова. См. в письме Феофилактова от начала октября 1906 г.: «Я пленен Вашими “Александрийскими Песнями” и скоро начну оканчивать к ним рисунки» (РНБ, ф.124, №4488, л.2 об.).

6. Четвертый номер «Золотого руна» появился только в начале лета (Кузмин в дневнике отметил его появление 26 июня). Запоздание, очевидно, было вызвано денежными затруднениями издателя Н.П.Рябушинского.

7. Эти слухи, по всей видимости, были вызваны скандальным разрывом фактически заведовавшего литературным отделом «Золотого руна» А.А.Курсинского с Рябушинским. Отношение последнего к своим сотрудникам характеризует фраза, произнесенная им в разговоре с Брюсовым: «Неужели я не могу *отказать* своей *кухарке* без того, чтобы в это дело не вмешивались “Весы”?» (Письмо В.Я.Брюсова к Ф.Сологубу от 31 августа 1907 г. / Публ. В.Н.Орлова и И.Г.Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С.110).

8. Сведения об этом, циркулировавшие весной 1907 г., зафиксированы в переписке заинтересованных лиц (см.: Лавров А.В. «Золотое руно» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905-1917. Буржуазно-либеральные и модернистские из-

дания. М., 1984. С.155). Однако радикальной перестройки журнала не состоялось.

9. См.: Эмпирик. Причины одной литературной метаморфозы // Золотое руно. 1907. №4. С.79-80. Ответ Брюсова см.: Р. «Золотому руно» // Весы. 1907. №6. С.75-76. Тастевен Генрих Эдмундович (1880-1915) — журналист, литературный критик, секретарь редакции «Золотого руна».

10. В начале 1907 г. Рябушинский отказался печатать в «Золотом руно» «Прерванную повесть» и пастораль «Два пастуха и нимфа в хижине» (Дневник, 12 января и 15 марта).

11. В письме Кузмина особенно взволновали именно эти слова. 2 июня он записал в дневнике: «Письма от Лемана, Ликиардопуло, Павлика (П.К.Маслова, которому адресован цикл “Любовь этого лета”. — Н.Б.) В Москве опять распри с “Руном”, собираясь выходить из которого приглашают и меня присоединиться. Что же, лишивши меня “Перевала”, хотят лишить и “Руна”?» 15 июня Кузмин сообщал в письме В.Ф.Нувелю: «“Скорпионы”, ожидая ругательной статьи против них, предлагают и мне участвовать в их демонстративном выходе из “Руна”. Думаю оттолкаться» (РГАЛИ, ф.781, оп.1, ед.хр.8, л.28).

2.

1. Бальмонт К. Жар-птица: Свирель славянина. М., 1907.

2. См. в письме Кузмина к Брюсову от 17 июля: «Посылаю Вам “Ракеты”, новые 9 стихотворений, Ваше мнение о которых мне бы крайне важно было знать. Если Вы найдете их достаточно удачными и если в “Весах” 1908 г. найдется место для моих стихов, то, м<ожет> б<ыть>, это и могут быть “Ракеты”?» (РГБ, ф.386, карт.91, ед.хр.12, л.13-14 об). Ответ Брюсова нам не известен, однако «Ракеты» были напечатаны (Весы. 1908. №2).

3. По всей вероятности, речь идет о рассказе «Кушетка тети Сони», отправленном 12 июня Брюсову (о судьбе этого рассказа см. в нашей преамбуле).

4. См. примеч. 5 к письму 1. Ср. в письме Брюсова к Кузмину от 26 сентября 1907 г.: «...не думаете ли Вы об издании сборника Ваших стихов, ибо издание “Александрийских песен” тормозится медленностью Ник<олая> Петр<овича> Феофилактова?» (Cheron G. Letters of V.Ja.Brjusov to M.A.Kuzmin // Wiener slawistischer Almanach. Wien, 1981. Bd.7. S.73)

5. Повесть «Картонный домик» была опубликована в альманахе «Белые ночи» без последних четырех глав, затерянных в типографии. Кузмин извещал об этом в письме в редакцию «Весов» (1907. №6. С.74). Г.И.Чулков, деятельно участвовавший в издании «Белых ночей», далеко не сразу вернул найденное окончание рукописи автору.

6. Речь идет о публикации: О.Л.Д'Ор. «Картонный домик» (Окончание) // Русь: Ил. приложение. 1907, №227 (16 июля). С.381-382. Под текстом стояла подпись «М.Кузмин», а после нее — «Сообщил О.Л.Д'Ор». О.Л.Д'Ор — псевдоним журналиста и юмориста Осипа Львовича Оршера (1878-1942). Сам Кузмин отозвался об этой публикации так: «В “Руси” опять какая-то пошлость, даже не смешная, о “Картонном домике”» (Дневник, 18 июля).

7. Гржебин Зиновий Исаевич (1868-1929) — художник, издательский деятель, выпускавший названные далее книги Кузмина.

8. Речь идет о первом отдельном издании повести Кузмина «Крылья» (М., 1907). 26 сентября Брюсов сообщал Кузмину: «“Крылья” — распроданы, по крайней мере, те экземпляры, что остались в Москве» (Cheron G. Op.cit. S.73. Печ. с исправлением по рукописи: РНБ, ф.124, №675).

9. «Прерванная повесть» — цикл стихотворений Кузмина, опубликованный вместе с «Картонным домиком» в альманахе «Белые ночи» и связанный с повестью сюжетными линиями и прототипической основой.

10. См.: Весы. 1907. №7. С.71-74. Рецензия на «Цветник Ор» — Весы. 1907, №6. С.66-70.

11. Эта фраза была особо отмечена в дневниковой записи Кузмина от 21 июля: «Известия из “Весов” и “Руна”, “Филлида” (повесть “Тень Филлиды”. — Н.Б.) принята, из “Весов” более личное и дружеское. Ликиардопуло осенью едет в Константинополь, и воспоминанье об этом незабвенном, очаровательном городе наполняет меня почти какою-то тоскою».

3.

1. В оригинале письмо не датировано. Кузмин получил его, согласно дневнику, 9 августа: «Дома ждало письмо от “Весов” о выходе из “Руна” Брюсова, Мережковского и т.д.». Т.к. письма из Москвы обычно приходили в Окуловку, где тогда жил Кузмин, на второй день, то, по всей видимости, оно было написано 7 августа.

2. К сожалению, письма Кузмина и к Кузмину, касающиеся проблем выхода из числа сотрудников «Золотого руна», сохранились далеко не полностью. Однако приблизительную последовательность и содержание переписки оказывается возможно восстановить. 1 августа Кузмин получает письмо от Ликиардопуло, о котором записывает в дневнике: «От Ликиардопуло письмо, чреватое новостями: раскол с Петербургом, я — москвич, Брюсов будет хвалить “Эме”, Белый пощадит меня в “Белых ночах”, статью Гиппиус парализует послесловие редакции». 2 августа Кузмину написал В.Ф.Нувель, находившийся в Мо-

скве и беседовавший с Брюсовым, Белым, Ликиардопуло, Поляковым, Эллисом: «Разумеется, все москвичи ругательски ругают петербуржцев. Вы составляете почти единственное счастливое исключение. Ярость направлена главным образом против Чулкова, Блока, Вяч. Иванова, Леонида Андреева, Лидию Дмитриевну (так! — Н.Б.) и Городецкого. <...> “Руно” и “Перевал” скоро погибнут естественной смертью. Это факт достоверный. Останутся одни “Весы”» (Cheron George. Letters from V.F.Nuvell to M.A.Kusmin: Summer 1907 // Wiener slawistischer Almanach. Wien, 1986. Bd.19. S.73). В дневниковой записи имеются в виду следующие факты: рецензия Брюсова на «Приключения Эме Лебефа» и «Три пьесы» (Весы. 1907. №7. С.80-81); о переменах в тексте рецензии Андрея Белого на «Белые ночи» Кузмин сообщал Нувелю еще 16 июля: «В корректурах, когда временно Брюсова не было в Москве, было: “К сожалению, он напечатал плохо отделанный, очевидно наспех написанный роман “Крылья”». После прибытия Валер<ия> Я<ковлевича> это обратилось в скобки (“Мне не нравятся его “Крылья”»), поставленные, как объясняют, в оправдание перемены Белого сравнительно со статьей в “Перевале”» (РГАЛИ, ф.781, оп.1, ед.хр.8, л.35-36); написанное Брюсовым «Послесловие редакции» к статье Зинаиды Гиппиус (подписанной «Антон Крайний») (Весы. 1907. №7. С.55), действительно, защищало Кузмина от резких нападок критика.

5 августа Кузмин получает письмо от Брюсова, которое, очевидно, служило ответом на его письмо к Ликиардопуло с согласием присоединить свою подпись к числу подписей выходящих из «Руна»: «Ответ от Брюсова, сдержанный, но крайне благоприятный. В дипломатии литературы большой важности» (Дневник, 5 августа; текст письма нам не известен). В тот же день он отвечал Брюсову: «В моих словах М.Ф.Ликиардопуло о безусловной преданности Вам, о готовности быть scientiae cadaveri жужна поправка: это — не готовность, это — пламенная просьба, современнейшее желание. Но кроме необходимости руководящих инструкций для внешних действий в этой области мне изредка нужны будут несколько дружеских слов, как связь с далекой и любимой “митрополией” (так! — Н.Б.), как благословение Рима» (РГБ, ф.386, карт.91, ед.хр.12, л.15-16 об). Очевидно, именно на это письмо Кузмина и отвечает Ликиардопуло.

3. Суть этой истории в следующем: после опубликования статьи Андрея Белого «Против музыки» (Весы. 1907. №3; подпись: Борис Бугаев), на нее последовал ответ Э.К.Метнера «Борис Бугаев против музыки» (Золотое руно. 1907. №5; подпись: Вольфинг). Белый решил обратиться с письмом в редакцию «Золотого руна», однако условием напечатания этого письма Рябушинский поставил возвращение Белого в число сотрудников журнала, что заставило Белого написать открытое письмо в газету «Столичное утро» (5 августа; именно эту вырезку Ликиардопуло и посылал Кузмину, хотя при письмах она не сохранилась). О дальнейших перипетиях взаимоотношений см.: Лавров А.В. Цит. соч. С.160-

163; Русские советские писатели: Поэты. Библиографический указатель. М., 1979. Т.3. Ч.1. С.144.

4. Результатом этого письма и прочих переговоров штаба «Весов» с литераторами явилось появление 21 и 22 августа в «Столичном утре» писем о выходе из числа сотрудников «Золотого руна» Мережковских и Брюсова, а на следующий день — Ю.Балтрушайтиса, Кузмина и Ликиардопуло. Однако, по всей вероятности, уже в августе Кузмин восстановил отношения с «Золотым руном». 22 августа он записал в дневнике: «Письмо от Рябушинского, смешное до трогательности. Нувель ждет меня. Рябушинский пишет, что человек с черными глазами, духами, по всем направлениям не может делать некрасивых поступков, и вдруг бойкот и т.д.». В самом начале сентября Рябушинский был в Петербурге, встречался с Кузминым, заказал ему стихи, а его портрет — К.А.Сомову, что свидетельствует о возобновлении отношений.

5. См. в дневнике 19 августа: «Предложение “Скорпиона” есть издание вместе “Картонного дома”, “Крыльев”, “Красавица Сержа”». Планировавшаяся повесть из современной жизни «Красавец Серж» написана Кузминым не была, о судьбе же предложения см. в письме Брюсова от 3 октября (текст письма Кузмина, на которое Брюсов отвечает, нам неизвестен): «Ваше соображение — что несправедливо лиц, имеющих “Крылья” и желающих иметь “Картонный Домик”, заставлять покупать “Крылья” вторично — очень важно и убедительно. Нам теперь кажется всего лучше просто переиздать “Крылья”. К набору мы приступим теперь же, а М.Ф.<Ликиардопуло>, (который сегодня вернулся в Москву) напишет Вам о подробностях “условий”» (Чергов Г. Оп.цит. S.73).

Публикация, подготовка текста, предисловие и примечания Н.А.Богомолова.

Переписка

В.Ф.Ходасевича и М.О.Гершензона

19 июня 1915 г. Ходасевич писал Муни (С.В.Кисину): «Я послал Гершензону отгиск своей статьи. В ответ получил письмо, набитое комплиментами, похвалами, приветствиями и другими пряностями, но хорошее и простое. Старик мне мил. Он напечатал в “Невском Альманахе” (вышел такой, дрянь “и в прозе и в стихах”) прекрасную статью о евреях»¹. Отклик Гершензона на статью Ходасевича «Петербургские повести Пушкина» (Аполлон. 1915. №3) не сохранился.

Дружба завязалась с первой встречи, когда Б.А.Садовской по просьбе Гершензона привел к нему Ходасевича. С той поры они бывали в Никольском переулке и вместе и врозь. 4 августа 1915 г. Гершензон сообщил жене: «Вчера вечером пришли Б.А.Садовской с поэтом Ходасевичем. Сидели до 12, читали свои стихи, Ходасевича очень хорошие»². Впоследствии Гершензон выразил Б.А.Садовскому благодарность за это знакомство, написав 3 мая 1916 г.: «По Вашему совету я познакомился с Ходасевичем и полюбил его»³.

Мемуаристы также оставили свидетельства влюбленности Гершензона в поэзию Ходасевича: «Утром был у него Ходасевич. Михаил Осипович в полосу увлечения им: читает записанные им новые стихи и, одновременно торопясь и несносно медля, вьедчиво анализирует каждый оттенок мысли и выражения поэта»⁴.

Ходасевич ценил умение Гершензона слушать стихи, радоваться им, читать замыслы автора. Об этом говорит и шутливая эпитафия Гершензону-критику в письме Ходасевича, и комментарии, которые поэт оставил на экземпляре «Собрания стихов» (1927), подаренного Н.Н.Берберовой. Так, рядом со стихотворением «Ручей» Ходасевич написал: «30 янв<аря> — вторая строфа. Первая — летом 1908, в Гирееве. С этих стихов началась моя дружба с Гершензоном. Когда я вторично читал их по просьбе Герш<ензо>на Вяч. Иванову, тот угадал, что между 1 и 2 строфой прошло много времени...»⁵.

С Гершензоном у Ходасевича сложились особые отношения, каких прежде не случалось ни до, ни после: письма Ходасевича освещены уважением к старшему, признанием морального авторитета «старика», которому в 1915 г. исполнилось 46 лет. Ни о ком больше Ходасевич не писал, как об «учителе и друге»⁶. Признать это было тем более легко, что старшинство Гершензона не было авторитарным, подавляющим, мысль его не была застывшей, отлитой в отточенные формулы опыта, но — живой и ищущей. Ходасевич ценил интуицию Гершензона, восстающую из точного знания («Изучение фактов, мне кажется, представлялось ему более средством для проверки догадок, нежели добыванием материала для

выводов», — писал он в очерке «Гершензон»⁷), и право на ошибку, заблуждение как свидетельство пути.

В памяти Ходасевича и его современников облик Гершензона врезался не только «пламенным» горением, но и умением действительно, физически осуществлять движения сердца. А.Белый в очерке «М.О.Гершензон» писал: «Он весь был — любовь. Антиномии жизни его объяснялись редчайшим, конкретнейшим перемещением сознания; сердце его было вложено в мысль: пылко мыслил и — мыслил сердечно; в движениях сердца, мгновенных порывах таилась инстинкт прозорлившей мудрости; действовал он, как мудрец; познавал же, как любящий; этим-то он отличался от всех, окружавших его, у которых встречаешь обычное в нас разделение рассудка и чувства»⁸.

Как нянька, склонялся Гершензон над незащищенными, житейски слабыми, — будь это А.Белый, Ю.Верховский или Ходасевич. Вот почему Ходасевич мог обратиться к нему с просьбой достать немедленно деньги и доверить обиду на старшего брата, а Белый в 1918 г., когда керосин был на вес золота, снова и снова посылал к Гершензонам за керосином и получал — последнее. Чаще и просить не приходилось: Гершензон сам знал, как и чем следовало помочь, и действовал. 21 декабря 1917 г. он писал А.Белому:

«Милый Борис Николаевич,

У меня к Вам дело. Владислав Фелиц<ианович> Ходасевич находится в стесненном положении: необходимо ему помочь. Мы с А.Н.Толстым придумали литературный вечер, и одна богатая дама предоставила для этого залу в своем доме возле Арбата. Можно собрать тысячу рублей. Помогите, не откажитесь участвовать: прочтите что-нибудь, стихи новые или отрывок из 2-ой части Котика Летаева. Будут участвовать еще: Вяч. Иванов, Бальмонт, А.Н.Толстой...»⁹.

Точно так же в берлинскую пору рванется Гершензон на помощь А.Белому в совсем другой беде.

Вот почему письма к Гершензону занимают особое место в эпистолярном наследии Ходасевича. Они отмечены доверием, серьезностью и прямоотой: мы слышим подлинный голос Ходасевича, когда он не прячется за шутку, иронию, а размышляет над тем, что тревожит и задевает его.

Не разделили их и то, что Гершензон принял решение вернуться с семьей в Россию. Напротив, присутствие Гершензона в России стало последней нитью, связывающей Ходасевича с прошлым, Москвой, российской литературной жизнью. Его письмо Марии Борисовне Гершензон по поводу смерти друга — не обычные слова участия, но — правда. Чувство растерянности от неожиданной утраты отражает и приписка Н.Н.Берберовой («Когда я думаю о Москве, первым вспоминался мне он. Так грустно, так жалко,

что он ушел от нас...»), и концовка очерка Ходасевича «Гершензон» напечатанного в «Современных записках»: «Иногда хочется просто пожаловаться на судьбу. Так и сейчас хотелось сказать, что вот нет уже Гершензона»¹⁰, — слова, которые при включении в «Некрополь» пришлось убрать, хотя очерк почти не потребовал правки от автора.

Смятение и потребность рассказать о друге, поделиться отражает и «камерфурьерский журнал». 2 января 1925 г. отправлено многодневное дневниковое письмо Гершензону. 23 февраля из газет Ходасевич узнает о смерти друга и в тот же день пишет письмо Марии Борисовне. 5 марта он обещает дать М.В.Вишняку очерк о Гершензоне для «Современных записок», как только придет ответ от Марии Борисовны и письма Гершензона, которые он просил прислать из России. 12 марта Ходасевич снова пишет М.В.Вишняку, умоляя прислать статью Белого о Гершензоне: «(необходимо спешно!): без нее не могу сесть за статью». 24 марта, сообщив Вишняку, что получил статьи Андрея Белого и Шестова, добавляет: «Статью Шестова читать не хочу. Бог с ней»¹¹, — хотя Шестов старый и близкий друг Гершензона. Но в хоре голосов Ходасевичу важно различить и услышать один — Андрея Белого — чтоб начать свою статью, выбрать свою интонацию. Наконец, 26-е, четверг. «[Вяч. Иванову. О Гершензоне]»¹² — квадратные скобки в «камерфурьерском журнале» обозначают, что Вяч. Иванову Ходасевич отправил письмо: мы его не знаем, но, возможно, оно сохранилось в частных архивах.

Вяч. Иванов в памяти Ходасевича навсегда связан с Гершензоном летом 1920 г.¹³, которое они провели в здравнице «для переутомленных работников умственного труда»: здесь создавалась книга «Переписка из двух углов»¹⁴, шел спор о смысле и значении культуры, в котором Ходасевич был на стороне Гершензона и даже поддержал его стихами: когда он посылал Гершензону «Хранилище», он знал, что стихотворение будет ему близко.

Весь март прошел «под знаком Гершензона». 14 апреля очерк отправлен в журнал и напечатан рядом со статьей Л. Шестова «О вечной книге: (Памяти М.О.Гершензона)».

Были два периода особенно тесной близости Гершензона и Ходасевича. 1917-1920 гг., связавший их общими замыслами и совместными работами. М.О.Гершензон предисловие к 4 тому «Русских Пропилей» (письма из Огаревского архива) кончал словами: «Приношу искреннюю благодарность В.Ф.Ходасевичу за добрую помощь в настоящей работе»¹⁵. Эта работа не прошла для Ходасевича даром и отозвалась в пастисье «Жизнь Василия Травникова»: придумывая биографию героя, он вспомнил историю женитьбы Н.Огарева и Н.Сатина на родных сестрах Тучковых, запрет, судебное разбирательство. Часы и дни проводили они вместе, готова «Антология еврейской поэзии». Знакомство с Гершензоном оставило след в стихах и прозе Ходасевича, и об этом при случае еще будет сказано. Мне кажется, влияние Гершензона не было только литературным: он расколдовал, выпустил на волю угнетенную, подавленную часть души молодого друга.

Ходасевич гордился своими польскими корнями, его глубокая вера находила поддержку не только в материнских молитвах, в детстве («Мама! Молитва, любовь, верность и смерть — это ты!»¹⁶), но и в польской поэзии. Еврейские корни смущали его, заставляя ежиться и, торопливо отражая воображаемый насмешливый взгляд, выкричать, выплюнуть: «...Я жиденко, хоть мать у меня католичка, а отец поляк»¹⁷, «я поляк, я жид, у меня ни рода, ни племени...»¹⁸. А пожалуй что и не воображаемый: братья-литераторы в выражениях не стеснялись, близкие в особенности — Б.Садовской, А.Белый. С этой точки зрения чрезвычайно любопытна переписка А.Белого с Э.Метнером 1909-1911 гг., в пору, когда задумывался журнал «Труды и дни» (впрочем, и названия еще не было придумано, они только подыскивались, примерялись: «Гальциона», «Плеяды»), но составлялись программы, планы, намечались авторы, среди которых были и Гершензон, и Ходасевич. Предложил их А.Белый. За Ходасевичем закреплялись стихи, разборы, полемика, статьи. В портфеле редакции его статья о поэтессе Ростопчиной, в планах — «О личности Пушкина». Имя Гершензона потребовало особых пояснений: «Гершензон (не жид, а еврей, знаток эпохи 30-х годов, честный, часто интересный, благородный — *очень полезен*)»¹⁹. Даже «благородный» Гершензон, как видим, был запятан оскорбительным пусть не «жид» — «еврей». «Жид» Ходасевича отчасти идет от польского языка, где «zyd» и значит «еврей». Он может написать в письме о Гершензоне, который просил его при лечении непременно взвешиваться, «какой милый жид», с той шутивно-нежной интонацией, где грубость призвана нейтрализовать растроганность. Но в большинстве своем иронические (или ернические) признания Ходасевича выдают стыд и желание прикрыть его иронией или перекричать.

В Гершензоне естественно и гармонично сливались влюбленность в русскую душу, русское самосознание, за движением которого он как историк любовно следил (его очерки вскрывали целые пласты: от Чаадаева, Герцена, Киреевских — до образа современника в «Вехах»), и — осознание себя евреем. Критику А.Г.Горнфельду он писал 20 января 1910 г.: «...я чувствую себя евреем и социально, и субъективно-психологически. Насчет первого я как раз последнее время (постарел, должно быть) часто мучаюсь: не вижу для себя никаких путей к активному участию в еврейских делах. Второе же во мне всегда было очень ясно и теперь только сильнее: я чувствую свою психику совершенно еврейской и совершенно разделяю точку зрения Чуковского, Андрея Белого и пр.»²⁰, т. е. уверен, что *интимно* понять русских я не в состоянии. Поэтому я тщательно избегаю таких тем (в противоположность Айхенвальду, напр<имер>). Вся моя работа в области рус<ской> литературы имеет предметом вечные темы — общечеловеческие»²¹.

Причем жизнь в русской культуре, пожизненный интерес к истории русской общественной мысли :1 самоощущение себя евреем не создавали в его душе противоречий, образуя характер цельный. О ком бы ни писал Гершензон, «цельность» — его любимое

слово, и привлекали его личности цельные, как И.В.Киреевский, о котором Гершензон напишет, что он «проповедовал познавать и жить *цельным духом*»²². И напротив — отсутствие цельности, которая включала в себя не только внутреннее устройство, но и действенные связи между личностью и обществом, воспринимались Гершензоном как симптом болезни духа. Так, раннюю старость Тургенева объяснял историк тем, что «вне себя Тургеневу нечего было делать, а единственное дело, которое занимало его кровно — устройство своего духа, — оказывалось бесцельным: для чего выдвораивать, когда и здоровому мир не сулит никакой существенной и увлекательной задачи?». «Трагедия его в том и заключалась, — уточнял Гершензон, — что цельность духа он должен был искать в полном слиянии хоть с одной частицей мира, а слияние это было для него невозможно. Мир предстал ему как нечто чуждое, не как переживаемое безотчетно, а как предмет созерцания и оценки»²³.

Таким образом, цельность в представлении Гершензона непременно предполагала, говоря словами А.Белого, «со-осознание знаний, со-чувствие чувств и со-действие действий». И на каждом новом витке своей жизни он искал форму наиболее полного воплощения своей идеи: это могла быть Комиссия по организации домашнего чтения, и журнал «Критическое обозрение», и Профессиональный союз писателей, и подготовка еврейской антологии. Пожалуй, это и поразило Ходасевича при первом, еще заочном знакомстве с Гершензоном, когда он в письме к Муни отметил статью в «Невском альманахе» и восхитился ею.

Точнее — поступком. Только Гершензон в 1915 г., в разгар обострения всех национальных противоречий, мог обратиться к русскому народу со словами о несправедливости отношения к евреям в России и призвать немедленно отменить черту оседлости и уравнивать евреев в правах (не только гражданских — «божеских»), в противном случае это грозит перерождением России, русскому народу:

«В такие дни, я говорю, острее горит всякая общественная обида, и еврею невозможно молчать. Не просить кусочков себе при общей раздаче правды, но требовать должны мы, евреи, во имя совести и разума, чтобы нам была воздана вся божеская правда, подобающая нашему человеческому образу.

...Догадываются ли русские, что чувствует мыслящий еврей в России? Он терпит тройную пытку — за свой телесно-терзаемый народ, за глубокое духовное искажение, на которое обречен этот народ, <...> и за Россию, которая вся духовно отравляется еврейским бесправием»²⁴.

Гершензон за руку ввел Ходасевича в сумрачный тусклый мир местечкового еврейства, в котором он вырос, чувствовал его в себе и замечательно сумел передать в своих афоризмах: «Я родился и рос во тьме. По пятницам, в сумерки, мать в столовой, стоя пред столом, зажигала три свечи, складывала пред ними ладони, пальцами к пальцам и шептала короткую молитву. Этих свечей нельзя было гасить, — они должны выгореть. Когда все расхотелось, я, лежа в постели, из темноты смотрел через открытую

дверь в столовую. Я не мог уснуть: мне было невыразимо тяжело. Вот одна свеча догорела; из глубины подсвечника протянулось длинное пламя, — погорит, и западет назад, потом опять вспыхнет, и опять запало — и гаснет; потом другое пламя так же борется с тьмою, и уже третье поспекает за ним, равнодушно к его судьбе, оба каждое борются за себя, то вспыхивая, то померкая; по потолку и стенам движутся тени и в углах темно. Я лежал без движения, смотрел в ночной тишине и глотал такую страстную, беспомощную тоску, словно вся скорбь мира наполняла меня. Так я лежал каждую пятницу вечером — годы. Во все эти часы я неотвязно думал одно: «О, какая страшная, темная жизнь!»

Позже, лет в 15, я уже видел людей. Не знаю, как во мне родилась и надолго стала неотвязная мысль (я совсем не умел думать): что дает этим людям силу жить? — Я знал жизнь каждого из них: заботы, внезапная тревога и горесть, и опять забота, одна и та же изо дня в день, хотя каждый день иная. Темная жизнь, и сами они темные; как они могут жить? — И жадно, с упоением читал поэтов. А когда днем, идя из гимназии, встречалась грязная нищая-старуха или случалось видеть, как ломовой извозчик заскорузлыми руками швырял с телеги тяжелые поленья, громко и грубо ругаясь с кем-нибудь, — в такой вечер я ложился спать с переполненным сердцем: Господи! зачем они такие? и как они могут жить? — Я тогда уже твердо знал, хотя и не думая, что таким человеку нельзя быть и так жить нельзя. Этой тоскою мой дух, как червь из земли, пробуравливал безмерный слой тьмы вверх — на свободу, к солнцу»²⁵.

Следующее поколение, выпестованное городской культурой, выросшее в городских квартирах, на руках русских нянь, обучавшееся в классических гимназиях, как Ходасевич, — понятия не имело об этом тесном, замкнутом, особым образом освещенном мире.

Гершензон открыл перед ним трагическую судьбу, историю, самую душу еврейского народа в наиболее сконцентрированном и эмоциональном выражении — образах поэзии, поэтическом слове. Он познакомил Ходасевича с деятелем еврейского общественного движения Львом Яффе, организовавшем в Москве журнал «Еврейская жизнь», литературные альманахи «Сафрут», задумавшем «Антологию еврейской поэзии». Яффе делал подстрочники, вслух читал Ходасевичу стихи Бялика, Черниховского, Фихмана и др.

С тех дней на долгие годы вошел Ходасевич в выжженный солнцем мир обычных и вечных вещей Саула Черниховского, простой, библейски-выпуклый.

Пар благовонный восходит
над круглой горячею миской...²⁶

Без Черниховского, пожалуй, не явилось бы название «Хлебы»²⁷, и само это стихотворение, где совершенно по-новому поэт увидел кухню, почувствовал тяжесть «взанки дров, кувшина молока», героиней и хозяйкой которой предстала женщина «в переднике, осыпана мукой». Правда, в пространстве ходасевичевского стихотворения откуда ни возьмись вокруг кухонной плиты и взанки дров завихрились, закружились ангелы, и передник здесь — не просто

передник, но вызов поэзии символистов, стихам В.Брюсова о «жрицах любви». Давно ли Ходасевич-критик восхищался ими: «Сколько грубого и прекрасного в стихах о Миньоне!»²⁸ Сегодня он утверждал: «Всех Сандрильон и всех Миньон ты краше...» Словно в открытую форточку, врывается в стихотворение и воздух улицы, с революционными выкриками, и под торжественную медь кастрюль ангелы возносят под облака лозунг: «Земля, любовь и труд» (Чем не «Мир, Труд, Май!»?) Стихотворение «Хлебы» вместило в себя множество разнородных влияний и не переплывало их, не перебродило, поэтому они очевидны, «торчат». И солнце — южное, будущее, слепящее и заливающее все, несмотря на человеческие, земные трагедии, — конечно же, выкатилось из «идиллии» Черниковского. Где еще в стихах Ходасевича вы найдете такое солнце?

А солнце,
Теплое солнце весны,
поднялось и залило светом
Поле, и лес, и луга.
И луч на лице у старухи
Тихо играет; она же сидит неподвижно
и слышит
Ропот и рокот воды,
клокотанье, бурление — и видит
Пар над горшком, пузыри —
и вареники в пене кипящей²⁹

Когда же в эмиграции Ходасевичу захотелось крикнуть об одиночестве, о «мертвом берегу», на который его выбросило, о тоске по родине, его голос слился с голосом Давида Шимоновича: он вернулся к его стихотворению «На реке Квор», опубликовав новую, вторую редакцию в газете «Возрождение» (1928. 20 декабря).

Со всеми, кто ушел в скитанье,
Бреду и я в чужой простор.
И без конца, без упования,
Твой вечный берег длится, Квор!..

Все переводы Ходасевича так или иначе связаны с его творчеством, прорастали в нем. В этом его характерная особенность: из переводимого он всегда извлекал нечто близкое себе, присваивал, усыновлял, а точнее «прививал» к своим произведениям. Переводя Мериме или Стендаля, он обучался у них прозе, и рассказ Ходасевича «Заговорщицы» (Аргус. 1915. №10) — своего рода «прописи» с явственными следами ученичества. И даже «случайно» ради денег переведенный «Дядя мой, Венъямин» Клода Тиллье, подарил ему первый набросок, эскиз мысли о Каине, Вечном Жиде, скитальце с посохом и в семимильных сапогах — фрагмент, который, кстати, позднейшими советскими переводчиками из романа изымался, выбрасывался³⁰. Но стихи еврейских поэтов оставили особенно сильное впечатление, тем более, что с Саулом Черниковским³¹ они были современниками, сверстниками («Вареники» также, как и стихотворение «Хлебы», написаны в 1918 г.).

Любопытно отметить, что рассвободившись, Ходасевич обнаружил в себе не национальное чувство, но — человека, свободного от национальных предубеждений. И в этом немалая заслуга Гершензона.

Ходасевич не знал, что проблемы соотношения национального и общечеловеческого обдумывались Гершензоном в споре с таким острым и сильным оппонентом, как В.В.Розанов.

Переписка Гершензона с Розановым (1909-1913, 1918) была опубликована В.Проскуриной в «Новом мире»: это замечательно интересная публикация, умно и тонко прокомментированная. По-моему, справедливо фигура Розанова, злобно, как мальчишка, приплясывающего перед Гершензоном, поддразнивающего: «Ах, вы жид, жид!» — только Розанов при этом не забывал извиняться и тут же вворачивал «жида в пейзаж», — так вот фигура эта объяснена жестокой ревностью собственника, носителя и знатока «русского духа» к человеку, проникшему в русскую историю как бы контрабандой, нарушив «процентную норму» и с коварным желанием «пролезть» в душу русского народа, оставив там свой след, свою печать. Будь книги Гершензона похуже, поплше, он бы простил. Но он восхищался ими, и этого простить не мог: «Но как хорошо Вы пишете. Только у меня догадка, которую страшно сказать: — Да, я еврей. *Sum ut sum aut non sim**. И вы, черви русские, антисемиты, Балашовы и Розановы, ничего не подделаете с тем фактом, что я буду о вас и вашей истории писать так хорошо, как вы сами не сумеете, и ума не хватит и таланта нет. Хорошее всегда хорошо, и поскольку хорошо, — оно непобедимо. Плюясь и ругаясь, ваши Самарины и Аксаковы будут в будущем читать Гершензона, учиться у него даже “спокойному русскому повествованию”, и этим “хорошо” я, *sum ut sum*, привью к великорусской душе такую закваску обрезания, что вы все не отмоетесь и не сбросите. Я отлучился, но чтобы через 50 лет вы поживовели.

Неужели нет этой мысли? Она у меня всегда, когда думаю о Вас» (январь 1912 г.)³²

А Гершензон, не обращая внимания на прямые оскорбления, терпеливо, через годы, продолжал спор: «...в Вас, в Ваших писаниях, так перемешаны чистое золото сердца с шлаком самой наружной, самой материальной периферии человеческого существа, как ни в ком другом. <...>

Я не скрываю от себя, что мой еврейский дух вносит чрез мое писательство инородный элемент в русское сознание, напротив, я это ясно сознаю: иначе не может быть. Но я думаю, что жизнь всякого большого и сильного народа, каков и русский народ, совершается так глубоко-самобытно и неотвратимо, что сдвинуть ее с рокового пути даже на пядь не способны не только экономическое или литературное вмешательство евреев, засилие немцев и пр., но даже крупные исторические события — 1612, 1812, 1905 гг., исключая разве величайших, вроде древних завоеваний. Это — как доменная печь: что ни бросить в нее, либо сгорит, и значит ускорит выплавку, либо улучшит качество металла»³³. И в другом письме, от 7 сентября 1909 г.: «Дело и: в еврействе; тяжело

* Таков, какой есть, и другим не буду (лат.)

мне видеть в Вас, что Вы чувствуете национальность, что я считаю звериным чувством»³⁴.

Не зная об этой схватке Гершензона с Розановым, которая в 1913 г. привела к разрыву отношений, Ходасевич чувствовал твердость позиций Гершензона и бессознательно именно к нему обратился за поддержкой в труднейшую для себя минуту, в эмиграции, пытаясь определить свою позицию, увидеть направление движения и характер русской литературы в эмиграции. Глубоко чужды были ему попытки просто взять и перенести во Францию русский дух и русскую жизнь в ее привычных формах. При этом за козырную карту: национальность прежде всего! — хватались все партии: от гукасовского «Возрождения» до сменовеховского «Накануне». Потребность сохранить не человеческие ценности и человеческое достоинство, а русское или даже «рассейское» высмеял Дон-Аминадо в фельетоне «Без заглавия»: «...Но ведь не затем же, Господи помилуй, устраивал Владимир Ильич социальную революцию и братство народов, чтобы эмиграция сидела сложа руки и мочеными яблоками прохладчалась!

Надо же, чтоб хоть в чем-нибудь разница чувствовалась.

Иначе какой было смысл и отречься от старого мира, и отряхивать его прах со своих ног, и вообще ездить за границу, не имея паспорта?

Зато во всем остальном — как ни в чем не бывало.

Как будто взяли пятьдесят две губернии за коллективный шиворот, подняли их по мановению волшебного жезла на прохладные воздушы и опустили изо всей силы на набережную Сены, которая чуть-чуть из берегов от неожиданности вышла. <...>

Тут тебе и широкая русская масленица, с блинами и расстегаями.

И суд над Катюшей Масловой, с присяжными поверенными.

И вечер Игоря Северянина как ни в чем не бывало. <...>

И костюмированный бал дворян — «маска, я тебя знаю!»

И пронзительные песенки Вертинского на неблагодарные темы любви и печали.

Не говоря уже о столь отрадных явлениях, как впадение Волги в Каспийское море с применением волшебного фонаря...

И если внимательно прочитать отдел хлеба и зрелищ в любой газете, независимо от направления, то разве можно не впасть в восторг перед незыблемостью законов, управляющих глобусом?»³⁵

В этот ряд и поставил Ходасевич строительство Сергиевского Подворья «всем миром», с ежедневными отчетами в печати о пожертвованиях, с братанием «правых» и «левых» вокруг общего русского дела. Скорее всего в этом конкретном случае он был не прав: не только православная Академия, но и православная мысль нашли приют и обитание в Сергиевском Подворье. Но восстановление институтов, национальных прежде всего, — в быту, духе, литературе — воспринималось им как воссоздание простейших форм духовной жизни, как путь, приго-

варивающий эмиграцию к опустошению и духовному возрождению.

Хотя, как и другие, он тосковал и по привычным формам жизни, и по русской природе, и ждал снега в рождественскую ночь, и рождественскую елку, которой не могли заменить ветки апельсинного дерева, полные плодов. И признавался Гершензону, что вне России чувствует себя, как герой его книги «Декабрист Кривцов» — на пробковой ноге, мешающей «танцевать по-своему»³⁶. В этом, конечно же, заключалась одна из причин, объясняющих, почему поэт в нем замолчал.

И какой же радостью, какой отдушиной для Ходасевича было появление Гершензона в Германии, возможность говорить, читать стихи. Девять августовских дней, когда они — А.Белый, Ходасевич, Гершензон — встречались почти каждый день и по нескольку раз в день.

Дочь Гершензона, Н.М.Чегодаева, вспоминала, как Ходасевич играл в шахматы с братом Сережей, а, проигрывая, «по-настоящему злился и, выражая свою досаду, старался найти слова, которые могли уколоть самолюбие счастливого партнера и снизить значение его выигрыша» — таким запомнился он девочке-подростку, почти девушке. И еще, как «Ходасевич часто и охотно читал по папиной просьбе вслух свои прекрасные стихи, которые мы все слушали с величайшим удовольствием. Иногда читала стихи своего сочинения и его молоденькая жена, поэтесса Нина Берберова, хорошенькая женщина с большими светлыми глазами...» (из семейного архива).

В ту же осень, 23 октября 1923 г., возвращался в Россию Андрей Белый, о котором Ходасевич писал: «Он — один из самых важных людей в моей духовной биографии и один из самых дорогих мне людей вообще»³⁷. Уезжал нервно, в истерике, бросая упреки и обвинения остающимся. И так велика была боль, напряжения от расставания, что они поссорились, поссорились навсегда. Контраст между предъездной истерикой А.Белого (скорее увозимого, нежели уезжающего) и спокойным, без позы и жеста, решением Гершензона был очень силен. Гершензон привык брать ответственность на себя (а приходилось за четверых, за семью), а сделав выбор, не жаловался. Так, разве тихий благодарный вздох в письме к Л.Шестову: «Баденвейлер — как сон в Елисейских полях, встреча с тобой — как совершившееся чудо»³⁸.

Гершензон был дружен с А.Белым³⁹ до последних дней жизни и незадолго до кончины писал о нем: «Б<орис> Н<иколаевич> читал весь вечер (начало романа «Москва». — И.А.) ты знаешь, что я его обожаю, — мне очень понравилось; глубоко задумано и великолепно на мой взгляд вырисовано; язык прежний, как в «Пет<ербурге>». А несколько дней спустя в Акад<емии> Худ<ожественных> Н<аук> был Пушкинский вечер, годовщина смерти, — и речь говорил Б<орис> Н<иколаевич>, 1 1/2 часа. Были опасения, что он ляпнет что-нибудь неподходящее, как с ним бывает, но он был корректен, говорил хотя не очень вдохновенно, но интересно»⁴⁰. Вспоминает об этом вечере и А.Белый в своем очерке,

как журил его Гершензон за «ненужную робость»: «...ведь нарочно подстроил Вам чтение, имея в виду, что Вы будете импровизировать: нужно, чтоб лекция Ваша прошла парадоксом; уже парадокс — самый факт: *Белый* скажет о *Пушкине*... Вы ж испугались: и не были — *Белым*... Напрасно...»⁴¹

Сам он не боялся сопоставлений смелых и рискованных: в книге «Гольфстрем» одним мощным течением духа, «текущим от пращуров до нас и дальше, в будущее»⁴², подхватил, соединил имена Гераклита Эфесского и Пушкина. Занятия Пушкиным объединяли в последние годы Гершензона и Ходасевича. В прочтении и понимании Пушкина они были близки и шли в одном направлении. Я имею в виду небольшие статьи Гершензона напечатанные в последние годы его жизни и собранные в книге «Статьи о Пушкине». Последняя статья «Плагии Пушкина» осталась незавершенной и для многих пушкинистов загадочной по своему замыслу.

Независимо и параллельно, собирая самоповторения Пушкина, Гершензон и Ходасевич увидели в них свидетельство «божественной цельности»⁴³. Из отдельных цитат, фрагментов, образов, рифм и слов, вновь и вновь повторяющихся, так как в них заключены сгустки сильных впечатлений, воспоминаний, мыслей, — складывался единый текст судьбы и творчества. В статье «В спорах о Пушкине» (1928) Ходасевич настаивал, что «Пушкин умел и хотел сделать их (самоповторения. — И.А.) самостоятельным приемом... <...> В известном смысле все творчество Пушкина — одно творение, в котором отдельные пьесы при всей их законченности и цельности — как бы лишь части, а повторения подобны лейтмотивам или повторениям в симфонии. Может быть только для восстановления этих *симфонических рядов*, только для хотя бы условного созерцания этой божественной цельности, — стоит заниматься его самоповторениями»⁴⁴.

И оба вызывали недовольство, подчас возмущение собратьев по перу. Имена Ходасевича и Гершензона многие пушкинисты в 20-е гг. соединяли, как, например, Н.Измайлов в обзоре «Puschkinian'a за 1923-25 гг.». О «Поэтическом хозяйстве Пушкина» Ходасевича он писал: «...основное ее содержание — исследование "самоповторений" (автореминисценций) в творчестве Пушкина: т<о> е<сть> устойчивых, возвращающихся образов, эпитетов, обращений и т.п., переходящих из одного стихотворения в другое, из письма в стихи и обратно. Собран значительный и любопытный материал (и мог бы быть значительно увеличен), но истолкован чисто психологически: тождество или близость образов означает, по мнению Ходасевича, тождество психических состояний поэта, и отсюда — тождество событий, лежащих в основе произведений, и лиц, к которым они обращены. Это ведет часто к рискованным приурочиваниям — а между тем, такие самоповторения следовало бы объяснять не психологически, а технически — как элементы стиля, неизбежно возвращающиеся при одинаковых поэтических построениях, или даже составляющие часть "стилистического среднего" Пушкинской эпохи, и как своеобразную поэтическую "экономику" всякого автора (не только Пушкина),

дорожащего раз найденным образом или приемом и переносящего его иногда даже механически».

К работам покойного Гершензона Н.Измайлов отнесся несколько снисходительнее, хотя и его упрекнул в пристрастии к психологии творчества. «В крайне парадоксальной книге "Гольфстрем" автор извлечением многих десятков и сотен цитат, куда входят понятия огненности, горения и потухания, эфирности и окаменения, полета и неподвижности, — доказывал общность мировоззрения (огненно-динамического) Пушкина с Гераклитом Эфесским. Теперь в статье "Пушкин и Батюшков" он находит и у последнего ту же "огненную" образность, только ослабленную. Ясно, кажется, что дело идет не об общности философской системы, но о некоторых общих явлениях стиля, где играют роль и творческий темперамент, и поэтическая школа, и традиция. <...> Некоторые, однако, наблюдения Гершензона над творчеством Пушкина (о реальности для него явлений загробного мира, конкретности теней, о значении снов) несомненно очень интересны — только если их перевести из шатких областей психологии творчества в область формально-литературную...»⁴⁵

Но в том-то и дело, что область формально-литературная была глубоко чужда им. Резко и определенно отозвался Гершензон о литературоведах нового поколения: «Не скажу, чтобы молодое поколение было плохо; напротив, в старом, в наших сверстниках, обнаружилось за эти годы много непривлекательного; молодые чище, менее практичны, менее корыстны. Зато в молодых преобладают формальные интересы, не идейные или нравственные; на первом плане — т<ак> наз<ываемая> "научность", затем эрудиция; если теория литературы, то работает над изучением ассонансов, или рифмы, или ритма прозы у Тургенева и т.п., и дела ему нет до поэзии самой. Это мне скучно; все головастики»⁴⁶.

А защищая «Поэтическое хозяйство Пушкина» на секции ГАХН'а 5 декабря 1924 г., Гершензон, как пишет свидетель, «подчеркнул, что эта книга — продукт медленного чтения, проповедником которого он сам является»⁴⁷. Гершензон имел в виду свою статью «Чтение Пушкина», которую Ходасевич знал и на которую ссылался в рецензии на сборник «Пушкин и его современники»: «Еще Гершензон писал, что Пушкина читают наспех, точно едут на велосипеде»⁴⁸. Как и Ходасевич, он относил себя к последнему пушкинскому поколению, которому дано было ощутить живую связь с пушкинским временем: он видел прогуливающимся на Тверском бульваре сына Пушкина Александра, а дед его в Кишиневе встречал самого Пушкина. Всю жизнь стремился Гершензон исполнить пушкинский завет, данный в «Пророке»⁴⁹, и образ Пророка наплывает на образ Илии, совмещается с ним в эссе «Человек, одержимый Богом», ставшем своеобразным завещанием Гершензона.

«Наша жизнь устремлена наружу; личность истощает свою силу на буйную поросль ветвей, старается выслать их из себя как можно больше числом, как можно длиннее и лиственней. Это наши замыслы, привязанности, предприятия, — все наши чувства, мысли и дела, которые простерты в мир.

Илия стоит, как голый ствол, питаемый одними своими корнями: верно, могучие корни! — только далеко вверх небольшая крона — лицо. Его личность вся с невиданной силой сосредоточена внутри, его воля — стихийная воля, и его воля — его мышление. <...>

Как Пушкинский пророк, он подлинно видит и слышит, тогда как мы подслеповаты и глуховаты. Люди, вероятно, думают, что он в своей одержимости ничего не видит кругом; а он зорко смотрит и помнит. <...>

Образ Илии изваян еврейским народным разумом, как предельный образ человека, и мудро одет им в звериную шкуру далекого прошлого. Эта первоизданная цельность духа стала невозможна, — да она и не нужна. Не хочет и не должен человек быть одержимым, чтобы рука Бога вела его почти физически. Он должен пройти чрез все сомнения своего ума и чрез всю глухоту и каменность своего сердца, должен все раскрыть и сознать в себе; тогда он станет Илиею, свободно и весело исполняющим волю Хозяина⁵⁰.

Можно сказать, что всю жизнь Гершензон писал одного героя, носившего разные имена.

Андрей Белый и Ходасевич узнали в этом эссе портрет Гершензона и таким написали его, не повторяя, — дополняя друг друга. А.Белый в своем очерке вывел как бы формулу его духа, прочертил острый график внутренней жизни: «...весь в "выпрыге": в сферу свободы, в искусство; и — можно сказать, эта свобода ему диктовала веленье подчас: опускаться в мир факта научного, чтоб самый факт претворить в звуки песни...»⁵¹

Ходасевич увидел его человеком во плоти и крови, ошибающимся и мудрым, — ищущим; чистым и цельным в помыслах и поступках; практичным, мило-смешным и нелепым, — каким обычно открывается человек любящему взгляду. Он запечатлел Гершензона несущимся через улицу, наперерез движению, не видящим машин и ломовиков, с цитатой из Платона на губах, которую поэт бережно подхватил и перенес в стихи:

Мне каждый звук терзает слух,
И каждый луч глазам несносен.
Прорезываться начал дух,
Как зуб из-под припухших десен...⁵²

1. Письма Ходасевича к Муни (ИРЛИ) здесь и ниже приводятся по копиям А.Б.Устинова.

2. Сообщено Н.В.Котрелевым (по копии из семейного архива). Автограф — РГБ, ф.746, карт.21, ед.хр.28.

3. РГАЛИ, ф.464, оп.1, ед.хр.42.

4. Герцык Е. Воспоминания. Paris, 1973. С.160.

5. Ходасевич В. Собрание сочинений / Под ред. Д.Мальстада и Р.Хмоза. Алл Арбор, 1983. Т.1. С.300.

6. Книжная палата // Ходасевич В. Колеблемый треножник. М., 1991. С.387.

7. Ходасевич В. Некрополь. Воспоминания. Paris, 1976. С.155. В дальнейшем ссылки на это издание.

8. Россия. 1925, №5 (14). С.248.

9. РГБ, ф.25, карт.14, ед.хр.3.

10. Современные записки. Париж, 1925. Кн.ХХIV. С.223.

11. Ходасевич В. Письма М.В.Вишняку // Знамя. 1991. №12. С.181. Ошибочно указана дата письма: 27 марта. Цифры «4» и «7» Ходасевич пишет так, что их легко принять одну за другую.

12. Здесь и ниже «камерфурьерский журнал» цитируется по фонду М.М.Карповича, Бахметьевский архив, Колумбийский университет (США).

13. М.Гершензон близко сошелся с Вяч. Ивановым в 1911 г., о чем писал брату: «Кстати, о Вяч. Иванове. Он жил это лето в Силломягах, и я очень сблизился с ним (мы давно приятели, но редко видались). Он очень замечательный человек, по глубине мысли — мудрец и великий художник для немногих» (Гершензон М. Письма к брату. М., 1927. С.176). Брат М.Гершензона — Абрам Осипович Гершензон был детским врачом.

14. Иванов Вяч., Гершензон М.О. Переписка из двух углов. Пб., 1921.

15. Русские Пропилен: Материалы по истории русской мысли и литературы / Собрал и приготовил к печати М.Гершензон. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1917. Т.4. С.2.

16. Ходасевич В. Стихотворения / Вступ. ст. Н.А.Богомолова; Примеч. Н.А.Богомолова и Д.Б.Волчека. Л., 1989. С.188. В дальнейшем ссылки на это издание — БП.

17. Муратова Е. Встречи. — РГБ, ф.218 (Собрание отдельных рукописей), карт.1353, ед.хр.6.

18. Письмо Ходасевича к Муни от 9 августа 1915 г.

19. Письмо А.Белого Э.К.Метнеру (август-сентябрь 1909 г.) — РГБ, ф.167, карт.2, ед.хр.4.

20. Еще в 1907 г. в фельетоне «Спасите!» (Судьба народа. 1907. 30 апреля) К.Чуковский с ужасом писал о нашествии в русскую литературу дантистов, шулеров — «литературной сволочи», сформировавшей новый этап русской литературы — «фабричный» (в отличие от предыдущего, «журнального»). Один из ведущих публицистов газеты «Новое время» М.О.Меньшиков «поправил» и уточнил мысль автора: «Он стесняется добавить, что все эти агенты, дантисты, шулера — евреи» (Новое время. 1907. 31 мая/13 июня). 14 января 1908 г. в газете «Свободные мысли» появилась статья К.Чуковского «Евреи и русская литература», в которой критик пенял на то, что в ущерб своей евреи «заняты русской литературой». Трагедию русского интеллигентного еврея он видел в том, что «он всегда только помогает родам русской культуры <...>, а сам бесплоден и фатально неспособен родить». «Чем больше поэт, тем он национальнее; чем он национальнее, тем менее он понятен чужому слуху, чужой душе. Певцы классового сознания, а не национального жизнеощущения — Рылеев, Плещеев, Горький, Надсон, Скиталец, —

доступны всем и понятны евреям — зато же они и фатально второстепенны и не поднимаются выше известного уровня». Эту статью имел в виду Гершензон, о ней писал К.Чуковскому, см. письма М.Гершензона К.Чуковскому в журнале «Литературное обозрение», (1992. №11/12).

Последовавшая за этим статья Бориса Бугаева «Штемпелеванная культура» подхватывала и вариировала мысли, изложенные в статье К.Чуковского. Причем трудно сказать, был ли это непосредственный отклик, или скорей А.Белый, который медиумичен по природе своей, говорил то, что носилось в воздухе: «Культура есть процесс воспитания и роста человеческого духа; но точка отправления здесь — раса; она на земле всякой культуры, — писал Борис Бугаев. — <...> Разве вы не замечаете ужасающего роста интернациональной прогрессивно-коммерческой культуры во всех областях искусства?» И на главный вопрос статьи: «Кто же эти посредники между народом и его культурой в мире гениев? Кто стремится "интернациональной культурой" и "модерн-искусством" разделить плоть нации от ее духа так, чтобы плоть народного духа стала бездушна, а дух народный стал бесплоден? Кто, кто эти оскопители?» — отвечал, что «рать критиков пополняется одной нацией, в устах интернационалистов все чаще слышится привкус замаскированной проповеди самого узкого и арийству чуждого национализма: юдаизма». Белый приводит самый оригинальный довод в защиту равноправия евреев: это отаекло бы их от литературы и искусства: «евреи по природе государственники» (Весы. 1909. №9. С.73-76).

21. Переписка В.В.Розанова и М.О.Гершензона / Вступит. ст. и публ. В.Проскуриной // Новый мир. 1991. №3. С.218. Пользуюсь случаем поблагодарить автора публикации за дружескую помощь.

22. И.В.Киреевский // Гершензон М. Исторические записки. Берлин, 1923. С.42.

23. Гершензон М. Мечта и мысль Тургенева. М., 1919. С.114.

24. Гершензон М. Дело правды и разума! // Невский альманах. Жертвам войны. Писатели и художники. Пг., 1915. С.34-35.

25. Гершензон М. Солнце над мглою: (Афоризмы) // Записки мечтателей. 1922. №5. С.100.

26. Черниковский С. Вареники: Идиллия / Пер. В.Ходасевича // Сафрут. 1918. Ки.Ш; БП. С.341.

27. БП. С.121.

28. Ходасевич В. Собрание сочинений. Т.П. С.139.

29. БП. С.347.

30. См.: Клод Тилье. Мой дядя Бенжамен. / Пер. с фр. Н.А.Коган. М., 1937.

В России за короткий срок было сделано четыре перевода романа: первый принадлежит Владиславу Ходасевичу; второй — И.Б.Мавдельштама — издан в серии «Общедоступная библиотека» (№171-174, издательство «Сеятель», 1926); третий сделан Бенедиктом Лившицом и выпущен приложением к журналу «Огонек» (1930). Во всех трех переводах центральную часть VII главы «Что говорилось за

столом у мусью Мэнкси» составляло разветвленное сравнение Вечного Жида, Агасфера с судьбой еврейского народа, и только из четвертого оно исчезло. Между тем, эти несколько страниц (в переводе В.Ходасевича с.82-88) могут служить комментарием к циклу «У моря» или к циклу стихов о Канне.

Отрывок начинался словами: «— Но не хотите ли — я вам изложу, что такое для меня Вечный Жид?»

Вечный Жид — это изображение еврейского народа, начертанное безвестным поэтом на стене лачуги. Этот миф так бросается в глаза, что надо быть слепым, чтобы его не разглядеть». И он предстает перед читателем «в треуголке, в кафтане, в сапогах и с огромным посохом».

В романе мы найдем объяснение строк: «Он очень беден, / Но опрятен, / И перед выходом на пляж / Для выведения разных птен / Употребляет карандаш». — «Вечный Жид может тратить зарез не более пяти су. Еврейский народ, вынужденный скрывать свои богатства, стал скареден и бережлив до мелочности».

«У Вечного Жида нет ни дома, ни очага, ни политически узаконенного обиталища; у народа еврейского нет родины. Вечный Жид обречен скитаться без отдыха, без остановки, без передышки. Он уже семь раз обошел вокруг света. Еврейский народ нигде не является постоянным жителем; всюду живет он, как на бивуаке; он непрестанно носится из стороны в сторону, как волны по океану; он — точно пена, оскипающая на поверхности народов (курсив мой. — И.А.), он — точно соломинка, подхваченная течением цивилизации, и он уже много раз исколесил земной шар».

Когда поэт писал: «прибой размыленной пеной / Взбегает на покатый пляж...» — он, возможно, видел перед собой не только «мисдройский» пляж. И пиво в стихах — не просто прославленное берлинское пиво, реалия быта, но и напиток забвения, который подносила к губам пришельца Европа, цивилизация с ее шумными радостями:

Он все забыл. Как мул с поклажей,
Слоняется по нашим дням,
Порой просматривает даже
Столбцы газетных телеграмм,

За кружкой пива созерцает,
Как пляшут барышни фокстрот...

В романе «Дядя мой, Венъямин» бруссельские граждане встретили Вечного Жида «у городских ворот и угостили холодным пивом. Конечно, евангелисты — люди достойные доверия. Но что такое, в сущности, евангелисты, если оставить в стороне их боговдохновенность? Самые обыкновенные люди, у которых не было ни кола, ни двора, которые не платили налогов и которых нынешний суд стал бы преследовать за бродяжничество. А бруссельские граждане были люди с положением, домовладельцы». Как не узнать тут одну из основных тем и главного персонажа «Европейской ночи» — политически надежного налогоплательщика, который ходит в синема и смеется «над идюотствами шарло» —

слепца, не видящего неба. Литературная память наполнилась в стихах живой тоской человека, оторванного от родины, изгнанника, — независимо от национальности, к которой принадлежит он, — чувством бесполезности, обреченности жизни без корней. Все, что в романе французского писателя разыгрывалось как фарс, трагикомедия, обернулось в судьбе и стихах Ходасевича трагедией опустошенной души.

31. Черниковский Саул Гутманович (1873-1943) — поэт, переводчик, публицист — родился в России, в Таврической губернии, получил образование в Гейдельбергском и Лозаннском университетах и в 1907 г. в звании доктора медицины вернулся на родину, где работал земским врачом. В годы Первой мировой войны служил врачом в армии. В 1922 г. приехал в Берлин, где они с Ходасевичем встречались, судя по «камерфурьерскому журналу». См. статью Ходасевича «О Черниковском» (Еврейская трибуна. 1924. №13).

Именно поэму Черниковского «Свадьба Эльки» в переводе В.Ходасевича задумали выпустить его друзья к 25-летию литературной деятельности Ходасевича (1930 г.) Издание предполагалось «роскошное», с иллюстрациями известного художника Мане-Каца; под объявлением о подписке стояли имена И.А.Бунина, Б.К.Зайцева, М.О.Цетлина и др. Издание не состоялось, так как не было поддержано читателями. С 1931 г. Черниковский жил в Палестине.

32. Новый мир. 1991. №3. С.227.

33. Там же. С.228. Письмо М.О.Гершензона от 18 января 1912 г. чрезвычайно интересно все, целиком.

34. Там же. С.224.

35. Последние новости. 1931. 22 февраля.

36. О Николае Кривцове, герое своей книги, М.Гершензон писал, что при Кульме французским ядром ему оторвало ногу выше колена; в Лондоне ему сделали искусственную, «с которой он мог не только ходить, но даже танцевать» (Гершензон М. Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914. С.10; 2-е изд.: Берлин, 1923).

37. Письмо В.Ф.Ходасевича П.Н.Зайцеву от 11 июня 1921 г. (ИМЛИ, ф.15, оп.2, №146).

38. Гершензон М.О. Письма к Льву Шестову / Публ. А.д'Амелиа и В.Аллоя // Минувшее. Исторический альманах. Paris, 1988. [Вып.] 6. С.289. (Письмо от 3 сентября 1923 г.)

39. Первые письма Гершензон написал А.Белому в 1907 г., предложив ему писать для журнала критическое обозрение. Близко, домами, они были знакомы с 1908 г. В «Письмах к брату» А.Белый упоминается среди тех, кто приходил в гости 20 октября 1908 г.: «...поэт декадентский, очень милый, умный человек» (с.171). 24 ноября 1909 г.: «У нас кое-кто бывает, преимущественно петербургские литераторы. На прошлой неделе сразу приехали Сологуб и Андрей Белый. Сологуб мрачный, подтрунивает на собеседником, а Белый милейший юноша, очень талантливый, но немного сбитый с толку» (с.173).

40. Минувшее. С.311 (письмо от 14 февраля 1925 г.)

41. Россия. 1925. №5(14). С.253.

42. Гершензон М. Гольфстрем. М., 1922. С.5.

43. Стремление написать биографию Пушкина Ходасевич пронес через всю жизнь. Не утоляли, не удовлетворяли его ни многочисленные статьи и очерки, ни даже книги статей. Нужна была книга, так как цельность судьбы и творчества определялась для него личностью Пушкина. «О личности Пушкина» называлась одна из первых задуманных им статей пушкинского цикла (1911 г.) И готова для студентов Пролеткульта лекции о биографии Пушкина (конспект их сохранился в архиве И.И.Бернштейна (А.Ивича), возможно, это даже не конспект лекций, а заявка), Ходасевич парадоксально, фантастично сравнивал, сталкивал два реальнейших и мифических создания тогдашней России: А.С.Пушкина и П.И.Чичикова. При этом он не спрашивал, что объединяет их, вопрос ставился иначе: «...гений, счастье и гордость; ничтожество, пошлость, позор и низость, что же их рознит? Личность».

И в первой главе биографии Пушкина, написанной тотчас же после заключения договора с М.Сабашниковым в 1922 г., автор обстоятельно и неторопливо задерживался на том, что за люди были родители Пушкина: «в какой обстановке, в каких традициях и преданиях выросли они сами, какая физическая и духовная наследственность на них тяготела». Другими словами, внимание исследователя и тут было приковано к условиям формирования личности. (Искренняя благодарность С.И.Богатыревой, познакомившей меня с «пушкинскими» материалами из архива отца, которые она готовит к печати).

И в первой главе биографии Пушкина, написанной Ходасевичем в Париже (20 неопубликованных страниц машинописи сохранились в фонде М.М.Карповича, Бахметьевский архив Колумбийского университета), в центре внимания — личность, но акцент здесь несколько смещен: в лицейской юности видит исследователь «пучок причин, вызвавших ряд неизбежных и трагических следствий», вплоть до гибели поэта. Портрет Пушкина в этом позднейшем отрывке приобретает ярко выраженные черты автопортрета: «...Уже вполне выяснился характер Пушкина, — порывистый, неровный, с острыми переходами от любви к вражде и обратно. Внутренно Пушкин всегда подходил к людям с открытой душой, с «доверчивой надеждой» — и резко отворачивался от них, если в ответ не получал того же. Но многие часто бывали повинны лишь в том, что внешнюю робость и застенчивость молодого Пушкина принимали за внутреннюю замкнутость и враждебность. От него сторонились, и несколько болезненное самолюбие Пушкина страдало. Он настаивался и на кажущиеся уколы отвечал действительными обидами. Злой язык доставлял ему неприятности, а порой оскорбления...»

Станным образом попытки написать биографию Пушкина равновесно и симметрично завершают российский и парижский периоды жизни Ходасевича. Уже тяжело больной, отказавшись от осуществления

своей «главной книги», передавая остановленность, погруженность жизни эмиграции (и состояние болезни) в прозаическом отрывке «Атлантида» (19 мая 1938 г.), писатель сознательно повторил пушкинский прием, пушкинский жест, развесив по стенам глубокого темного подвала, где собираются играть в карты, цветные картинки с изображением скачек: «Лошади с раздутыми ноздрями мчатся в неистовом посыле, вытянув шеи и не касаясь земли; их нахлестывают жокеи в разноцветных вздутых камзолах; вдали мутнеют трибуны с неясной россыпью зрителей. На других картинках лошади скачут и падают в расплывчатой глубине, а на первом плане — зеленый газон, голубые и розовые платья, военные мундиры прошлого столетия; узкие рединготы, серые цилиндры и кружевные зонтики». Как тут не вспомнить картинки из «Станционного смотрителя», где представлена история блудного сына. (Но равно автор почерпнул из прозы Л.Толстого, создав своеобразную обобщенную цитату). Видно, что прикосновение к Пушкину было столь целительно для Ходасевича, что вначале он в точности перенес из «Станционного смотрителя» четыре картинки. Но затем исправил число их на пять, и, окончательно возвращаясь в мир сегодняшний, изображенный как бы в кривом зеркале, добавил: «Шестую в позапрошлом году расшиб пьяный негр. Чтобы закрыть дырку в обоях, (читатели Ходасевича сразу вспомнят: “И заходя в дыру всю ту же...” — И.А.) хозяин повесил снимок с картины Брейгеля, купленный за франк вместе со стеклом; человеческие головы, лишенные туловища, похожие на уродливые картофелины, стремятся пожрать друг друга; самая тощая носатая морда воткнула единственный зуб в самую толстую, как тупой нож в подушку» (ф. М.М.Карповича).

44. Современные записки. 1928. Кн. XXXVII. С.293-294.

45. Атены: Историко-литературный временник. Л., 1926. Кн.3 С.141-143.

46. Минувшее. С.298.

47. См.: Трифонов Н.А. Из дневника читателя 20-х годов // Шестые Тыняновские чтения. Рига; М., 1992. С.209.

48. Статья «Чтение Пушкина» вошла в сборник М.Гершензона «О Пушкине» (М., ГАН. 1926). Рецензия Ходасевича напечатана в газете «Возрождение» от 31 декабря 1927 г.

49. Ср. со статьей В.Ходасевича «Окно на Невский»: «В тот день, когда Пушкин написал “Пророка”, он решил всю грядущую судьбу русской литературы; указал ей “высокий жребий” ее: предопределил ее “бег державный”. В тот миг, когда Серафим рассек мечем грудь пророка, поэзия русская навсегда перестала быть всего лишь художественным творчеством. Она сделалась высшим духовным подвигом, единственным делом всей жизни. Поэт принял высшее посвящение и возложил на себя величайшую ответственность. Подчиняя лиру свою этому высшему призванию, отдавая Серафиму свой “грешный” язык, “и празднословный, и лукавый”, Пушкин и себя, и всю грядущую русскую литературу подчинил голосу внутренней правды, поставил художника лицом к лицу с совестью, — не даром он так любил это слово. Пушкин первый в творчестве своем судил себя страшным судом и завещал русскому писателю роковую связь человека с художником, личной участи с судьбой творчества» (Лирический круг. М., 1922. [Вып.]1. С.83-84).

50. Современные записки. 1922. Кн. XII. С.134-137. Нами исправлена очевидная опечатка: вместо «еврейским народным разумом» было набрано «европейским».

51. Россия. 1925. №5(14). С.254.

52. Из дневника // БП. С.138. Первым обратил внимание на то, что тема, образы и самая лексика первой строфы заимствованы из «Федра» Платона американский исследователь Омри Ронен.

1. В.Ф.Ходасевич — М.О.Гершензону

Многоуважаемый Михаил Осипович.

Перевод Семенова, как увидите сами, гораздо лучше, чем перевод Славинского.

Во второй части «Дзядов» у Соколова¹ пропусков нет ни одного: я сверил реплику за репликой. IV-ую часть сверю сегодня в музее и часа в три позвоню Вам по телефону.

Искренно Ваш

Владислав Ходасевич.

14/1 916.

2. В.Ф.Ходасевич — М.О.Гершензону

Глубокоуважаемый Михаил Осипович!

Я решаюсь писать Вам потому, что сегодня восемь раз говорил по телефону — и все с неприятностями. Это становится дурной приметой.

Алексеевский, редактор «У<тра> Р<оссии>»¹, обещался мне честным словом дать 100 руб. — и уехал в отпуск на месяц, не оставив никаких распоряжений. На утро 4-го июня взят уже билет, чтобы мне ехать в Крым². Если я не выеду, то не выеду никогда, — так сложились дела. Между тем до отъезда мне *необходимы* 200 руб., иначе пойдет такая каша, которую вынести мне будет не под силу.

Поэтому я очень прошу Вас: достаньте мне 200 рублей, не дожидаясь ответа от Сабашникова, — из того благотворительного (увы!) источника, о котором Вы мне говорили. Но я бы хотел, чтобы деньги эти можно было вернуть через Вас же, — когда, этого я сейчас твердо сказать не могу. Но летом я буду работать, ибо у меня будет полный покой. Если бы оказалось возможным вернуть при помощи перевода Тиллье³ — это бы всего лучше, ибо всего вернее и скорее.

К Фонду мне обращаться поздно и это меня сейчас не устроит. Мне нужно 200 сразу и за день, за два до отъезда, чтобы оставить жене, заплатить за квартиру и купить необходимые вещи.

Простите, что я Вас утруждаю так назойливо. Но люди, которых я знаю, состоят или из таких, которые могут, да не хотят, или из таких, которые хотят, да не могут. Вы — буквально единственный доброжелательный и не беспомощный человек из всех, меня окружающих.

К братьям я не могу обращаться: они лишат меня и того, что обещали. Я их слишком знаю. Кроме того, я в таком состоянии, когда говорить с ними для меня невозможно. Старший⁴ решил кое-что сделать, когда посторонние люди (без моего ведома) его пристыдили. Больше его и стыдом не проймешь: упрется, и мы рассоримся. Он сказал однажды: «В чужом несчастье не люблю принимать никакого участия, даже в виде облегчения. Зато приятно участвовать в успехе». Это было лет пять назад. Румыны думают теперь то же самое. Это — *реальная политика*, тут целое мирозерцание, стенка, которой и лбом не прошибешь. Простите.

Жму Вашу руку.

Владислав Ходасевич.

27 мая 916.

3. В.Ф.Ходасевич — М.О.Гершензону

Глубокоуважаемый Михаил Осипович!

Разрешение запоздало, и к Севастополю меня не пустили. Пожалуй, это и к лучшему. От Джанкоя кинулся я к Феодосии, хотел ехать в Судак, но побоялся 52-верстной тряски и осел в Коктебеле.

Живу здесь шестой день, т<о> е<сть> шестой день ем, пью, сплю, жарюсь и ничего не делаю. Решил отдохнуть еще с неделю. Руки и шею я уже себе сжег, намазался вазелином и стал настоящим дачником. В бездельи много хорошего.

Впрочем, читаю «L'abbesse de Castro»¹ и, кажется, стану ее переводить: очень хорошо.

Здесь Макс Волошин, конечно, и Мандельштам². Зовут к себе, да мне не хочется. К тому же, люди они ночные, а я пока что ложусь спать в половине десятого.

В общем, я здешним существованием своим очень доволен и сообщаю Вам весь этот вздор только потому, что было бы несправедливо донимать Вас жалобами и невзгодами, а о радостях молчать.

Думаю, что если проживу здесь три месяца, то основательно поправлюсь. Будьте здоровы. Всего Вам хорошего — и еще раз благодарю за заботы обо мне. Крепко жму Вашу руку.

Искренно любящий Вас

Владислав Ходасевич.

Коктебель

11 июня 916.

Мой адрес таков: Феодосия, Таврич<еская> губ<ерния>, Коктебель, дача Мурзанова.

4. М.О.Гершензон — В.Ф.Ходасевичу

Москва, 16 Июня 1916 г.

Многоуважаемый Владислав Фелицианович,

Благодарю Вас очень за письмо. Я был рад узнать, что Вы хорошо устроились и пошли на поправку. Одобряю Ваш образ жизни, бездельничайте сколько хватит решимости, не спешите приниматься за перевод. И так как без работы Вы очень скоро соскучитесь, то, чтобы не скучать, напротив, сойдитесь с Макс. Волошиным и его кружком. Он очень хороший и интересный человек. Скажите ему от меня, пожалуйста, дружеский привет. Простите за советы: они продиктованы искренним участием. Мы все еще здесь из-за тяжелой болезни отца моей жены. Верховский¹ достал здесь 1000 руб. займа и, окрыленный, помчал в Петроград. Хорошо, что Вы не поехали с Ивановыми в Красную Поляну. Они пишут, что ехали туда целую неделю, замучились, потеряли корзину с книгами Вяч<еслава> Ив<ановича>, по морю пробрались в моторной лодке в виду немецкой подводной лодки, шнырявшей у берега. А там, пишут, очень хорошо.

Ну, будьте здоровы. Напишите еще. Взвесьтесь, чтоб узнать прибавки веса².

Ваш

М.Гершензон.

5. В.Ф.Ходасевич — М.О.Гершензону

Москва, 22-го ноября 1918 г.

Дорогой Михаил Осипович.

Пожалуйста, заполните прилагаемые бланки, так, чтобы в общем получилось две тысячи, но на каждом бланке не больше одной. Я перешлю деньги Розанову частями и не сразу, ибо говорят, что переводы больше чем на тысячу рублей на руки получателю не выдаются, а заносятся на его текущий счет, и значит — пиши пропало¹.

Жду также списка немецкой литературы и списка, сделанного Вами².

Как обстоит дело с письмом Союза³? Если мой телефон работает, то вечером я к Вам позвоню.

Если мой посланный Вас не застанет дома, то зайдет за бланками сегодня вечером: оставьте их у Марии Борисовны⁴.

Ваш Владислав Ходасевич.

6. В.Ф.Ходасевич — М.О.Гершензону

Москва, 5 декабря 1918 г.

Дорогой Михаил Осипович,

к несчастью, решительно все отмеченные Вами вещи переведены или переводятся. Еще раз посылаю Вам списки: не найдете ли еще что-нибудь? Завтра вечером, часов в шесть, зайду за ними.

Жму Вашу руку.

Ваш Владислав Ходасевич.

P. S. Ставки повышены до комиссариатских.

7. В.Ф.Ходасевич — М.О.Гершензону

Петербург, 24 ноября 1920 г.

Дорогой Михаил Осипович, сегодня неделя, как мы в Петербурге¹. Не скажу, чтоб я раскаялся в своем переезде, но, конечно, никаких чрезвычайных благ от него не жду. Есть у нас пока две комнаты: одна очень большая, наша с Анной Ивановной, другая меньше — Гаррику². Кажется, неделя через две хозяева наши уедут. Тогда

будет три комнаты и вообще удобнее. Есть небольшой запас дров — и нет грязи, ибо печи голландские. У нас 9-10° — жить можно вполне. Хозяин квартиры — антиквар по профессии, поэтому все предметы вокруг нас старинные и вид имеют благожелательный.

С первого декабря начну работать в Пушкинском Доме, составлять описания рукописей. Модзалевский³, как всегда, очень мил и доброжелателен. Обещал приставить меня к пушкинской эпохе. Для начала, кажется, буду разбирать альбомы. Официальное мое звание будет — ученый сотрудник, но это с первого января, когда пройдут новые штаты. Пока я не знаю, как буду называться.

Модзалевский просил очень Вам кланяться и передать, что вопрос о посылке Вам книг будет обсужден в ближайшем заседании, решен, конечно, положительно, и тогда книги Вам будут доставлены. Если кто-нибудь из москвичей будет здесь, то можете поручить ему взять книги, дайте только нечто вроде доверенности. «Евгения Онегина» Гофман⁴ Вам тоже придет.

Из литературных людей я видел пока только Чуковского, Щеголева, Мандельштама да еще двух-трех маленьких поэтов. Дух здесь решительно лучше московского. Нет ни футуристических зуботычин, ни придворных интриг, ни протекций. По-видимому, здесь писатели пишут, а не лезут ни в боксеры, ни в министры. Дров и картошки не больше здесь, чем в Москве, но говорят о них куда меньше. Однако, чтобы помянуть Москву, позвольте поговорить о том и другом. Очень нужно.

Пуш<кинский> Дом обещает хлопотать об ученом пайке для меня, но говорит, что выхлопочет не скоро. Кроме того, я принципиально хотел бы отстоять перевод своего московского. Обо всем этом деле знает Горький, но он еще в Москве — и я думаю, что моим пайком он сейчас нисколько не занимается, ибо у него дела *чрезвычайной* важности. Между тем вопрос о пайке для меня тоже крайний. Так вот, не спросите ли Брюсова, как обстоит это дело. Он обещал мне посодествовать, но его надо подогреть⁵. Если Брюсов станет сваливать все на Покровского⁶, то, как ни стыдно мне утруждать Вас, — не поговорите ли Вы с Покровским? Ведь и по человечеству, и *юридически* нелепо и несправедливо у меня паек, данный Совнаркомом (23/ХІІ 1919) — только за то, что я уехал. Если бы Вы поговорили с Покр<овским>, то дело двинулось бы, я в этом уверен.

Ну вот Вам пока все мои петербургские «сенсации и приключения». Как напишутся стихи — сейчас же пришлю. Будьте здоровы, напишите о себе. Кроме Вас да Белого не люблю в Москве никого. Привет Марии Борисовне и детям.

Любящий Вас Владислав Ходасевич.

Мой адрес: Садовая, 13, кв. 5, М.М.Савостина.

8. В.Ф.Ходасевич — М.О.Гершензону

Дорогой Михаил Осипович,

в ноябре, в конце, написал я Вам письмо с просьбой навести у Брюсова справку о моем пайке. Вы ни звука не ответили — я обиделся и не писал к Вам больше. Думаю, однако, что Вы просто не получили моего письма и уж давно перестал обижаться, не писал же по лености.

Я весь ноябрь ужасно мучился с военными делами, весь декабрь искал квартиру (первая оказалась непригодной), а январь и половину февраля пролежал в постели — все с теми же нарывами. Последний был сто двадцать первый. С тех пор живу сносно, читаю неинтересные лекции почтовым служащим, немного пишу стихи, статьи.

Здесь тихо, мирно и благожелательно. От угорелой Москвы очень отдохнул. Физически здоров, не отъелся, но отлежался и отогрелся в прекрасной комнате, из которой виден весь Невский и в которой было тепло и идеально чисто всю зиму. В комнате, словом, хорошо. Но выходя из нее, каждый раз угнетаюсь пустыней, скукой, мертвечиной. П<етер>бург сейчас — отличный кабинет для историка, но как подумаешь, что история здесь не только пишется, но и совершается — начинается горечь и угнетенность.

Думаю, что через месяц или около того приеду в Москву¹. Хорошо бы, однако, до тех пор получить от Вас несколько слов и узнать, как провели Вы зиму и над чем работаете.

Привет Марии Борисовне и детям. Анна Ивановна тоже всем кланяется.
Чтобы Вы не сердились за молчание — вот последние стихи мои. Напишите на них рецензию.

Психея! Бедная моя!
Дыханье робко затая,
Внимать не смеет и не хочет,
Заслушаться так жутко ей
Тем, что безмолвие пророчит
В часы мучительных ночей.

Увы! за что, когда все спит,
Ей вдохновение твердит
Свои пифийские глаголы?
Простой душе невыносим
Дар тайнослышанья тяжелый.
Психея падает под ним².

Сердечно Ваш

Владислав Ходасевич.

П<етер>бург,
7 мая 1921.

Морская, 14, «Дом Искусств», кв. 30-а.

9. М.О.Гершензон — В.Ф.Ходасевичу

Москва, 28 Мая 1921 г.

Милый Владислав Фелицианович,

Спасибо за письмо. А то письмо я ведь получил и не отвечал на него. Тогда же, дня через 2-3, я видел Брюсова и сказал ему Вашу просьбу, на что он ответил, что уже поздно, что он наводил справку по Вашей просьбе, но узнал, что Ваш паек уже передан кому-то. И опять скоро после того я передал Вам — не помню через кого, ехавшего в Петербург, этот ответ. Сам же не писал, потому что у нас был дифтерит в доме, и долго, дети болели.

Отчасти по этому делу, отчасти по недостатку дров зима была трудная, а с теплом стало лучше. Я порядочно много писал, листов 5, верно, все отвлеченности. Из Лито¹ давно ушел, дома сижу. Вышел 6-ой том Пропилей², еще — Видение поэта, а Тургенев все еще не сброшюрован³. Вижу только тех, кто ко мне приходит. Живем впроголодь, потому что заработков нет, я и лекций не читаю, — один паек; только теперь получил мартовский, т<о> е<сть> за пять месяцев этого года — три, и по городским карточкам хлеба не дают. Я персонально обижаюсь на начальство, и Вы тоже можете. Одна надежда — на потомство, авось, оно воздаст нам славою то, что здесь на досаду нам провизией.

Стихи Ваши прочитал с удовольствием, а критики не напишу. Замучила меня критика; в середине зимы я объявил, что больше не буду разбирать никаких стихов, и с тех пор тверд — как скала. Как приносит мне стихи, я благодарю, говорю, что непременно прочитаю, потому что люблю стихи, но суждения не произнесу.

Вяч<еслав> Ив<анович> в Баку — кажется, замнаркомом тамошнего просвещения⁴, но сам об этом не пишет. Я получил от него письмо дня 4 назад, пишет только, что ездил в Персию; читает в Университете, пьет коньяк и вино, стихов ничего не пишет.

Как приедете, привезите чего-нибудь петербургского почитать; у вас там и журналы выходят, здесь их не видать. Петербург Вам вновь приятен, как любовница; погодите, еще вспомните законную жену — Москву. <...>

Жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вам

М.Гершензон.

10. В.Ф.Ходасевич — М.О.Гершензону

Дорогой Михаил Осипович,

в Москве ли Вы, т<о> е<сть> в городе ли? Анна Ивановна была в Москве дня четыре, заходила к Вам — не достучалась.

Хочется мне по старой памяти рассказать Вам о своем житье. Трудно. Голодно и безденежно до легкости. Никакой хлебной работы у меня нет. Живем на мой паек, ставший ничтожным, да на жалкие даже в сравнении с ним полочки Анны Ивановны. Продали все решительно, что только можно было продать. Съедаем втроем в день фунта два хлеба и фунтов пять картофеля (или кашу). Но — странное дело! — так тихо здесь в городе, такие пустынные, ясные вечера, так прекрасен сейчас Петербург, что отчего-то живется легко. Только слабость ужасная, у всех троих.

Но живем мы не одиноко — и это хорошо. Каждый день кто-нибудь заходит. Однако и суетни не бывает — это еще лучше. В последние дни стал часто заходить Белый, я этому очень рад. Написал он поэму (точнее — первую часть трилогии) «Первое свидание»¹, четырехстопным ямбом, без нарочитых хитростей, но каким-то необычайно летучим. В поэме — первая любовь и ранняя мистика, и «Летаевская» Москва². Кроме самого начала, как бы дающего каталог тем, которым предстоит развернуться, — все чудесно, и сам он чудесный. Пришел, прочитал, наговорил — и опять столько наколдовал вокруг себя, сколько один он умеет.

Нет у меня хлебной работы, т<о> е<сть> принудительной, никуда и ни за чем я не гонюсь — и потому, а вернее — еще по некоторым причинам, пишу много стихов. Кроме неоконченных «рассад», как Вы раз хорошо сказали, написал за четыре месяца около двадцати стих<отворений>³, т<о> е<сть> в пять раз больше, чем за весь прошлый год, когда не писал почти вовсе. В последнее время пишу почти каждый день. Но — потерял всякую охоту переправлять и отделявать. То, что совсем не выпишется — просто выбрасываю. Прочее, сознавая все недостатки, оставляю в первоначальном виде. Стихи чаще всего короткие, в общем — нечто вроде лирического дневника, очень бедного красками (значит, и не *прикрашенного*), зато богатого прозаизмами, которые мне становятся все милее. Как видите — написал Вам целую авто-критику, в наказание за Ваше бегство от критики. Очень мне досадно, что Вы это делаете, — говорю это из неприкрытой корысти. Психологически — ох, как Вас понимаю. Но не выгодно мне не слышать Вашего суда; я к нему пристрастился, хоть не всегда, конечно, был с ним согласен. «Покойный критик Гершензон не гнался, в конце концов, за справедливостью, иногда сочинял себе то, что “критиковал”, но и умел видеть иной раз то, чего не видит никто, — а главное, судил от живого духа»⁴. Вот Вам моя эпитафия. Но о чем пишет Ваша «multipars»⁵? Пожалуйста, напишите о себе. Во всей Москве люблю Вас одного — душой. (Еще люблю — Лидина⁶, но уж каким-то своим литературным боком, люблю за его беспросветную любовь к литературе, к литературшине, к переплетам, к литературной чепухе. Что он делает? Торгует, небось?⁶)

С Пушкинским Домом не ладится у меня. Уважаю, понимаю — но мертвечинкой пахнет. Думал — по уши уйду здесь в историю литературы, — а вышло, что и не хочется. Кроме того — Гофман очень уж пушкинист-налетчик, да Котляревский⁷ — ужасно видный мужчина, и все для него несомненно. А Модзалевский совсем хворает. Лернер⁸, простите, глуп. Самый тонкий человек здесь Щеголев (по этой части) — да и в нем семь пудов весу⁹. Нет, не хочу. У меня большое окно, виден весь Невский вдоль, видно небо. Здесь у меня лучше, чем в Академии Наук, где заседают по-дундуковски прочно.

У Горького мне тоже не нравится. Спекуляцией несет нестерпимо, и все в международном масштабе. Прежде бывал там по доброй воле (в самом Горьком все-таки «что-то есть»¹⁰), но теперь захожу только изредка, чтобы выхлопотать что-нибудь для кого-нибудь. Для себя ничего не могу, окончательно, тошно, язык не повернется.

Хотел было приехать в Москву в связи с одним делом первостепенной важности. Но дело все откладывается, да и я в нем разочарываюсь. Однако ж надеюсь под осень приехать в гости: к Арбату, к Вам.

Будьте здоровы. Жму руку. Пожалуйста, передайте поклон Марии Борисовне.

Любящий Вас Владислав Ходасевич.

* Ваше Многообразие, Ваше Разнообразие (лат.)

А все-таки вот Вам

Ласточки

Имей глаза — сквозь день увидишь ночь,
Не озаренную тем воспаленным диском.
Две ласточки напрасно рвутся прочь,
Перед окном шныряя с тонким писком.

Вон ту прозрачную, но прочную плеву
Не прободать крылом остроугольным,
Не выпорхнуть туда, за синеву,
Ни птичьим крылышком, ни сердцем подневольным.

Пока вся кровь не выступит из пор,
Пока не выплачешь земные очи, —
Не станешь духом. Жди, смотря в упор,
Как брызжет свет, не застилая ночи¹¹.

— В.Х.

П<етер>бург, 24 июля 21 г.

11. М.О.Гершензон — В.Ф.Ходасевичу

Москва, 11 Августа 1921 г.

Милый Владислав Фелицианович,

На этот раз отвечаю с опозданием — простите. Слышу от Эфроса¹, что Вы на днях будете здесь; пожалуй, письмо Вас не застанет. Блок умер! Мне было очень жаль. Я думал о его жизни — кажется, безрадостной жизни; он был как надломанный тростник. В России до сих пор не могло быть радостной, бодрой и ясной жизни даже вовне, а Блок был еще и внутри отравлен русской мглой, и оттого вдвойне болен. И еще жаль всех за него, потому что, каков он был, он написал бы еще немало соловьиных поэм и песен. Рад я за Вас, что Вы хоть день-другой чувствуете себя хорошо и даже снова пишете стихи. Ваше стихотворение я вполне понял; но как странно! в те же дни, или немного раньше, я писал — не «сквозь день увидишь ночь», а как раз обратное: «имей глаза — сквозь ночь увидишь день». В начале июля я заболел дизентерией, пролежал восемь дней; и тут-то, лежа, написал афоризмы, в том числе упомянутый; они набираются теперь для «Записок мечтателей»². Я говорю там: как глаз, мигая, ежеминутно погружается в тьму, так вечный свет мигает ежедневною ночью, и так, может быть, вечная жизнь мигает индивидуальной смертью³. — Да, так я болел и потом ослабел от болезни до крайности, но духом был цел и даже светел. Я и всегда двойной: внутри покой, снаружи нервность и скорая речь; и когда мрачно настроен — внутри покойно-углублен.

Ну, вот: писал Вам вчера, тут пришел для знакомства петербургский санскритолог и философ Тубянский⁴ (рекомендую: интересный человек), и обедали, и долго разговаривали; потом пришел один бывший мой слушатель и читал вслух свою статью, а я покорно слушал, стараясь не критиковать; а потом был утомлен. А теперь мне надо уходить — это я пишу уже на другой день, — и потому кончаю. Ежели Вы правда скоро приедете, то поговорить лучше, чем писать монолог. Привезите мне последние номера литературных журналов, которые издаются у вас всякими Домами — искусств, литераторов⁵ и т.д. Мы их здесь никогда не видим. <...>

Ваш

М.Гершензон.

12. В.Ф.Ходасевич — М.О.Гершензону

Петербург, 22 окт<ября> 1921

Дорогой Михаил Осипович,

нога моя так болела все время, пока я был в Москве¹, что предпринять путешествие с Цветного бульвара в Никольский пер. и обратно у меня просто не хватило решимости. После того, как был у Вас, я выходил из дому всего трижды, и то лишь поблизости. Вот почему не пришел я к Вам читать стихи. Пожалуйста, не поминайте меня лихом. Всего Вам хорошего.

Любящий Вас Владислав Ходасевич.

Начинаю собирать книги, которые необходимо иметь под руками, чтобы писать биографию Пушкина. Думаю через неделю начать работу².

В.Х.

Мойка, 59, Дом Искусств, кв. 30-а.

13. М.О.Гершензон — В.Ф.Ходасевичу

Москва, 6 Ноября 1921 г.

Милый Владислав Фелицианович,

Ваше письмо я получил, благодарю Вас. Мне было 1) жаль, что я больше не видел Вас, 2) и жаль, что не слышал ваших стихов, и 3) обидно мне было вот что: когда Вы днем были у меня, я сидел очень утомленный и пасмурный: писал все время до обеда и забрел в дебри, где под конец потерял свет, — так и сошел к обеду, и тут, помните, Вы пришли. И вот, мне было жаль, что Вы — как я подумал, узнав о Вашем отъезде, — отнесли мое настроение к себе и не поверили, что оно не к Вам относится, хотя должны были бы знать, что я рад Вас видеть. Что-то я запутал фразу, но суть проста, и Вы поймете.

Ну, Бог с ним. Передаю Вам мою любовь к Юрию Ник<андровичу>¹ — впрочем, верно, и Вы его любите или наверное полюбите. Помогите ему получить комнату в Вашем доме; он едет на трудное житье. Надеюсь, что Вы в тепле. Мне очень хвалили разные люди Ваши, здесь читанные стихи².

Ю<рий> Н<икандрович> хочет уходить, поздно. Дружески жму Вашу руку. Не забывайте меня, напишите когда. И моя жена Вам кланяется. <...>

Ваш

М.Гершензон.

14. М.О.Гершензон — В.Ф.Ходасевичу

Badenweiler, Pension Eckerlin
12 Ноября 1922 г.

Милый Владислав Фелицианович,

Наконец собрался написать Вам. Собираюсь с самого приезда, да все недосуг: то звонок к обеду — и табль д'от в целый час с мертвыми антрактами, то лежать надо, в пальто, с открытым окном и т.д.; передохнуть некогда; разве только газету за день считаешь. Не шутя говорю: очень скучно, а свободного часа нет. Я уж так и отдался: лечиться так лечиться. Показывался я медицине и в Берлине, и здесь: говорят, процесс в легком и большое истощение, следовательно, много есть, быть на воздухе, лежать и ничего не трудиться. Мы здесь, кажется, уже немного поправились. Пансион изрядный, кормят хорошо и сравнительно недорого¹.

Напишите мне побольше о себе, во всех возможных отношениях. Я очень жалею, что не видел Вас в Берлине. Не полнитесь писать долго. Напишите о себе прежде всего, потом напишите мне поименно, как живут и чувствуют себя: 1) Ремизовы, 2) Б<орис> Н<иколаевич>², 3) Бердяевы, 4) Франк и другие новоприбывшие³. Еще о Степуне⁴, где он; ежели во Фрейбурге, как предполагал, то узнайте его адрес, — это здесь близко, я с ним увижусь. Еще у меня просьба к Вам: так как здесь очень

скучно и, главное, нет книг, то скажите русским редакторам и издателям, что так и так, там-то живет П.И.Бобчинский, так чтобы прислали мне свои издания. Серьезно: попросите А.С.Яценко⁵ прислать мне последний № Н<овой> Рус<ской> Книги с наложенным платежом, и Геликон⁶, который издает мои книги, — его издания без всякого платежа. И вообще, кому не лень, пусть присылает свои книги, а я их буду читать, и, может быть, не совсем поглупею, к чему имею теперь наилучшую возможность. Напишите же. М<ария> Б<орисовна> шлет Вам привет, а я дружески жму Вас и остаюсь

весь Ваш

М.Гершензон.

15. В.Ф.Ходасевич — М.О.Гершензону

Berlin, 14 ноября 1922 г.

Дорогой Михаил Осипович,

я очень обрадовался Вашему письму, — если уж не удалось повидать Вас, когда Вы были в Берлине. Очень хорошо, что начинаете поправляться. Если хотите и вовсе поправиться — подольше сидите в своем Баденвейлере и не показывайтесь в Берлин: городок маленький, провинциальный, вроде Тулы, но очень беспокойный. Вот я через два дня сбегаю из него в Saarow¹ (1½ часа езда отсюда). Думаю там прожить не меньше месяца. Пытаюсь утащить туда же Белого, но не знаю, удастся ли. Чувствует он себя очень плохо. Вы, вероятно, знаете безобразную и безвкусную историю его жены² с Кусиковым³ (sic!), — какую-то жестокою и истерическую месть ее — за что? одному Богу это ведомо толком. Белый очень страдал и страдает. Прибавьте к этому расхождение если не с антропософией, то со Штейнером — и Вы поймете, как плохо бедному Б<орису> Н<иколаевичу>⁴. Он много пил и пьет. Только невероятное здоровье (внутреннее и физическое) дают ему силы выносить это. Однако, я, повторяю, постараюсь увезти его на чистый воздух + от кабаков и плохих поэтов, которые изводят его в конец. Вообще же он чудесен, как всегда, и сейчас, измученного, хочется любить его еще больше.

О других, про кого Вы спрашиваете, могу сообщить немного и очень внешне. Ремизов, по-моему, поздоровел, стал как-то бодрее, свежее, но по-обыкновенно нуждается в деньгах. Бердяев с Франком акклиматизируются и затевают русский университет в Берлине. Муратовы еще одной ногой в Москве и не понимают, что вряд ли туда вернуться. Конечно, как и Зайцевы, в Италию не попадут⁵: там жизнь раз в четырнадцать дороже здешней, а издаваться там негде. Степуна я не видел. Осоргин с Кусковой издают газету «Дни»⁶, в кот<орую> пишут Бор<ис> Ник<олаевич>, Ремизов, Муратов, Зайцев, я. Завтра увижу Осоргина и скажу, чтобы эти «Дни» они посылали Вам: вот Вам и развлечение. Они, говоря между нами, очень мечтают о Вашем сотрудничестве, но боятся дороговизны. У Вишняка вышла «Грибоедовская Москва», а сегодня я видел пробный экз<емпляр> «Кривцова». Вишняку велел выслать Вам его издания. На днях получите, так же, как издания «Эпохи»: сказал Белицкому⁷. Из этого Вы можете заключить, что я, только сегодня получив Ваше письмо, рьяно принялся отвечать Вам и исполнять Ваши поручения. За это, ибо ничто даром не делается, Вы обязуетесь написать мне, что Вы пишете и как поправляетесь.

Сам я написал несколько стихотворений и затерял много других, кот<орые> надеюсь написать, вырвавшись отсюда. Плохо то, что я болен: очень сильный катар кишок и маленький — в желудке. Это — пять приемов лекарства в день, не считая других, еще более униженных для человеческого и писательского достоинства мер. Пишу об этом весело, т<ак> к<ак> все же начал поправляться, а то было совсем неспособно.

Денежные дела не важны: чтобы были хороши, надо печататься в Париже, но там живут эс-эры⁸. Они, по наслышке, меня зовут, а когда я даю стихи — морщатся, т<ак> к<ак> хотят чего-нибудь поэтического, ну там про море, или про любовь, про птичку — а у меня выходит непоэтично.

Ну, будьте, главное, здоровы. Спасибо Марии Борисовне за привет, целую ей руку. Крепко жму Вашу.

Любящий Вас очень

Владислав Ходасевич.

Нина Николаевна просит сообщить Вам, что, дескать, тоже вот живет П.И.Добчинский, Ваш усердный читатель и почитатель.

Т<ак> к<ак> я не уверен, что в той комнате, которую снял в Saagow'e проживу долго и не перемену ее на другую, там же, то вот мой адрес: Saagow am Furstenwalde. Neu Sanatorium, Herrn A.Peschkoff (M.Gorky), для X<одасеви>ча. Горький мне передаст.

Узнал, что в списке высылаемых из России был и я.

16. М.О.Гершензон — В.Ф.Ходасевичу

Баденвейлер, 26 Ноября 1922 г.
Pension Eckerlin

Многоуважаемый Владислав Фелицианович,

Спасибо за дружественное письмо и за старания. Разумеется, ни «Дней» Осоргин не присылает, ни Вишняк своих книг — ни даже моих; но это уже не Ваша вина, а России. Зато получаю «Руль»¹ и в своем роде наслаждаюсь; хорошо всякое явление, когда оно носит в себе полноту своей сущности. «Руль» и «Vossische Zeitung»²; это мне тоже для поправки, как час лежания после обеда и т. п., это не врач, это я сам, но в духе его предписаний предписал себе. За месяц я так преуспел, что у меня в голове ни одной путной мысли не было и нет. А чувство России у меня вот какое: как если кто, спасшись от кораблекрушения, уже согрившись и насытившись, сидит в безопасности и слышит вдали грозный шум все еще бурного далекого моря, — так и я помню Москву и думаю о тех, кто и теперь еще там, на море. Есть ли у Вас это чувство? У меня собственно два чувства: одно касается беспримерно-великого дела наших дней, — я не о нем здесь говорю; другое — личное, которым я и болен. Когда растение растет, может быть, каждому волокну больно вытягиваться; так и мы теперь. Я чудовищно много вырос в эти годы; теперь пересадил себя с открытого воздуха в комнату, чтобы некоторое время отдохнуть от роста³; и вот, действительно, глупею. «Руль» — как потолок, и «Vossische Zeitung» — как стены. Но все еще слышу шум моря; через месяц-другой, может быть, и это пройдет.

Напишите еще о себе, как спасаетесь в *Сарове*⁴. Если Борис Николаевич с Вами, передайте ему мой сердечный привет. Мне было бы любопытно знать, читаете ли Вы по-немецки, среди пишущих немцев есть теперь очень интересные; точно проснулись и с удивлением смотрят вокруг себя. Такие же есть и во Франции. Я недавно в Москве прочитал кое-что из Вильдрака⁵: совсем живой, и притом очень даровитый, так что я раскрыл глаза.

Нину Николаевну очень благодарю за привет. Я на нее очень внимательно смотрел тот раз (ради Вас, потому что догадался) и хорошо запомнил⁶. Пишите же.

Будьте здоровы и благополучны. Обнимаю Вас дружески.

Ваш

М.Гершензон.

17. В.Ф.Ходасевич — М.О.Гершензону.

Saagow, 29 ноября 1922

Нет, дорогой Михаил Осипович, я сдаюсь не так скоро. Завтра буду говорить по телефону с Вишняком (о, культура!) — и его выберу.

Относительно поглупения. Вы меня несказанно утешаете. Видно, не только смерть, но и глупость на людях красна. Дело в том, что я испытываю то же самое поглупение, но меня оно постоянно пугает, да так, что мне хочется припугнуть и Вас. Кажется, поглупений два. Одно — то, о каком Вы пишете: доброе безмыслие, оттого, что «растение пересажено с открытого воздуха в комнату». Тут, действительно, «отдых от роста». Но мне все кажется, что есть и другое поглупение, прискорбное: жутковато, что «в комнате» мы не только не хотим расти (отдыхаем), но и не можем — задыхаемся. Вы говорите, что волокнам больно расти. Но мы такие особенные растения, которые день, два, три отдыхают в свое удовольствие, а на четвертый день эти же волокна начинают болеть оттого, что привыкли расти — а нельзя: комната. У меня бывает такое чувство, что я сидел-сидел на мягком диване, очень удобно, — а ноги-то отекли,

надо встать — не могу. Мы все здесь как-то несвойственно нам, неправильно, не по-нашему дышим — и от этого не умрем, конечно, но — что-то в себе испортим, наживем расширение легких. Растение в темноте вырастает не зеленым, а белым: то есть, все в нем как следует, а — урод. Я здесь не равен себе, а я здесь я минус что-то, оставленное в России, при том болящее и зудящее, как отрезанная нога, которую чувствую нестерпимо отчетливо, а возместить не могу ничем. И в той или иной степени, с разными изменениями, это есть или будет у всех. И у Вас. Я купил себе очень хорошую пробковую ногу, как у Вашего Кривцова, танцую на ней (т<о> е<сть> пишу стихи), так что как будто и незаметно, — а знаю, что на своей я бы танцевал иначе, м<ожет> б<ыть>, даже хуже, но по-своему, как мне полагается при моем сложении, а не при пробковом. И это так иногда смущает, что бросаешь танец, удачно начатый. Бог даст — пройдет это все, но пока что — жутко.

Белый в Саров не поехал. Сподколесничал в последнюю минуту. Но я его все-таки уговариваю, потому что Берлин — Бедлам, а здесь очень хорошо: тихо, буквально двадцать-тридцать прохожих в день, и воздух — как щетка для легких. Приблизительно через день вижу Горького час или два. Больше никого нет. Что нет Белого, мне жаль. Его очень задержали в Берлине. Жена пишет ему злобно-обличительные послания. Мать умерла. Добронравные антропософы пишут ему письма «образуммевающие», по антропософской указке, которая стоит марксистской. Вместо людей вокруг него собутыльники или ребяташки. Он сейчас так несчастен, как никогда не был, и очень трудно переносит одиночество. Хуже всего то, что он слишком откровенен, и иногда люди устраивают себе из этого забаву, а то и примазываются к нему ради карьеры. Ходят в кабаки «послушать, как Белый грозит покончить с собой», «поглядеть, как Белый танцует пьяный». Мне совестно Вам писать об этом, но кроме Вас некому и сказать, какой ужас его жизнь сейчас¹. Все думается, что он выпрямится, но сейчас это страшно. Горько и то, что вот мне его жаль, а так хотелось бы, чтобы он никогда не становился предметом ничьей жалости, понимаете? Т<о> е<сть> чтобы не бывал жалок, а он бывает, и когда замечаешь, что его жалеют, то на жалеющих больше злишься, чем на хихикающих: ведь они, значит, видят больше, а не надо, чтоб видели. Впрочем, жалеющих мало, больше хихикающих.

Если поедете в Берлин — пожалуйста, известите, когда и где можно Вас увидеть: я приеду. Пока что — сижу здесь и намерен отсиживаться как можно дольше.

Будьте здоровы. Поклон Марии Борисовне.

Любящий Вас

Владислав Ходасевич.

Мой адрес: Saarow am Furstenwalde, Bahnhofs-Hotel.

Посылаю Вам вырезку из «Дней», рец<ензию> Белого на «Грибоедовскую Москву»². Рец<ензия>, по-моему, слабая.

18. М.О.Гершензон — В.Ф.Ходасевичу

Баденвейлер, 27 Января 1923 г.
Pension Eckerlin

Милый Владислав Фелицианович,

(Очень длинно! после «милый» даже неловко выходит).

Получил сегодня Вашу книжку¹, обрадовался ей, как родному человеку, сразу, тотчас, всю прочитал. Не могу выразить, до чего все Ваше мне близко, хотя я совсем не такой: иначе, как-то отчетливей, тверже чувствую «совсем иное бытие», скорее телесно, чем музыкально, как Вы. И потом, главное, как это сказано! И больше всех мне понравилось искание пенснэ или ключей, — до восторга. Серьезно, это по-моему лучшее в книжке.

Я не писал Вам столько времени, потому что не знал, где Вы; не думал, что Вы все еще в Сарове. Потом у нас дочка была больна, мокрым плевритом, пролежала месяц. Это все еще русское наследство. И я никак не поправлюсь; в легких не лучше, тот же кашель, та же слабость. Доктор говорит, что мне нужно год прожить в тепле и бездействии, а я едва растяну свои деньги до апреля, в апреле надо возвращаться. Разумеется, ничего не пишу, только читаю. Вишняк прислал мне книги, спасибо. В

общем немецкая литература теперь много интереснее русской. Я не встретил ни одного замечательного произведения, но прочитал много замечательных страниц.

Напишите о себе, как живете, чем заняты, долго ли пробудете в Сарове. Я очень соскучился о людях, охотно съездил бы на неделю в Берлин. Здесь вторую неделю лежит снег и холодно; сегодня начало таять.

Еще раз спасибо Вам за радость ваших грустных стихов. Они, правда, очень грустны. Обнимаю Вас и остаюсь

любящий Вас

М.Гершензон.

19. М.О.Гершензон — В.Ф.Ходасевичу

Баденвейлер, 27 Февраля 1923 г.
Pension Eckerlin

Милый Владислав Фелицианович,

Вы обо мне так думаете, что я даже обиделся; точно я жаден до денег, все больше о гонораре пишете. Это Вы ошибаетесь; а заплатят побольше, я буду рад.

Конечно, я охотно буду участвовать в Вашем журнале¹, если только будет чем. Все неизданное, что у меня было, я продал еще в России, чтобы ехать сюда, а здесь ничего не писал: плохо себя чувствую. У Белицкого есть моя книга «Пальмира», в ней несколько статей, не бывших в печати. Из них он две маленьких напечатал, не спросив меня, в «Современных записках»². Если хотите, возьмите из остальных статью «Освобождение труда». Она не легка, но мысль в ней новая и острая. Размером она страниц в 20, я думаю. У меня здесь есть копия, — ее прислал мне Белицкий перед отъездом в Россию, но, как и подобает ему, — без конца, без 1 или 2 страниц. Может быть, конец копии, начиная со стр. 21-ой лежит в берлинской «Эпохе». Так как Ваш журнал издает «Эпоха», а книгу всю оплатил мне еще летом в России Ефим Яковлевич, то «Беседа» может не платить мне за эту статью. Итак, если хотите, пришлю Вам копию, а Вы, прочитав, решите; я же не обижусь, если не напечатаете. Но историко-литературного не обещаю; это у меня позади.

Вы ничего не написали о себе. Видно, прочно осели в Сарове. Б<орису> Н<иколаевичу> напишу отдельно; сколько я понимаю, он был у Вас только на время. Мы к 1 мая собираемся назад; и то едва натяну денежно. А здоровьем я мало поправился.

Вашу книжку я с тех пор много раз доставал с полки и все перечитывал. Еще лучше было бы, если бы была одна книга со всеми Вашими стихами.

Будьте здоровы и беззаботны. Дружески жму Вашу руку

и остаюсь Ваш

М.Гершензон.

20. В.Ф.Ходасевич — М.О.Гершензону

Saarow, 18 марта 1923

Дорогой Михаил Осипович,

если Вы на меня в самом деле обиделись — я очень прошу прощения. Но я, конечно, писал много и нудно о гонораре не потому, что почитаю Вас «жадным», а потому что, во-первых, гонорарный вопрос у всех нас больной, деньги нужны всем, и Вам тоже, а во-вторых, — теперь из-за падения курса это дело всегда оказывается сложным. Но еще раз — простите, хоть я и не виноват.

Не сразу отвечаю Вам потому, что выжидал своей поездки в Берлин: надеялся найти в «Эпохе» либо весь текст Вашей статьи (Белицкий оставил здесь некоторые рукописи), либо хоть недостающие листки. Но — перерыли все и не нашли ничего. Поэтому остается просить Вас прислать статью, если только в ней нет политики, экономики и других страшных вещей, которых «Беседа» ни за что не хочет касаться.

Если же есть политика, чего я боюсь, судя по заглавию, — увя, статью напечатать нельзя, и мы лучше подождем от Вас другой, уповая на Ваше милосердие.

Всего Вам хорошего. Белый говорит, что в апреле Вы будете в Берлине. Пожалуйста, известите, когда и где: я приеду, <потому> <что> очень люблю Вас, а когда потом свидимся — один Бог знает.

Любящий Вас

Владислав Ходасевич.

Saarow (Mark) Banhofs Hotel.

21. М.О.Гершензон — В.Ф.Ходасевичу

Баденвейлер, 21 Марта 1923 г.

Милый Владислав Фелицианович,

Раз нет конца, копию моей статьи нет смысла посылать. Политики в ней нет, а есть психология: вопрос о душе трудящегося. Пришлите мне «Беседу»; читать-то ведь нечего, а по заглавиям заманчиво¹. Я так отрезан здесь от всего литературного, что с трудом верится, что когда-то писал, печатал. Может, оттого и не пишется. Но это ничего, даже полезно; я теперь на весь мир идей и систем смотрю «как души потрят с высоты на ими брошенное тело». Мне врач решительно не советует ехать по крайней мере раньше теплого времени, так что мы отложили отъезд до половины мая. В Берлине, надеюсь, непременно увидимся. Мне придется заранее одному приехать хлопотать об отъезде.

Желаю Вам благоденствия и успехов.

Ваш

М.Гершензон.

22. М.О.Гершензон — В.Ф.Ходасевичу

Баденвейлер, 17 Апреля 1923 г.
Pension Eckerlin

Милый Владислав Фелицианович,

Нам нужно около 1 мая переехать в Берлин, чтобы доставать визы на обратную дорогу. Это займет, вероятно, две недели. Не знаете ли, где бы нам можно было там прожить эти 2 недели? Нужны 2 комнаты с четырьмя кроватями, лучше с едою, но можно и без нее. Ежели знаете что-нибудь, напишите пожалуйста. Еще напишите, как быть с правом жительства: у меня есть разрешение только баденское, <о> е<сть> в пределах Бадена; а в Берлине как достают? Буду Вам очень благодарен за ответ.

Ваш

М.Гершензон.

23. М.О.Гершензон — В.Ф.Ходасевичу

Баденвейлер, 24 Апреля 1923 г.

Милый Владислав Фелицианович,

Напишите так: «В трудные дни я не знаю большей радости, как читать Пушкина и делать в нем маленькие открытия¹»; и подпишите буквами или полным именем, — как хотите. Спасибо за письмо. Вероятно, так и сделаем по Вашему совету — уедем отсюда позже, числа 5-7, а в Берлине останемся меньше. По приезде напишу Вам оттуда². Что Вы об «автореминисценциях» пишете? Их всего больше в черновиках. Большой материал собран в моем «Гольфстреме».

Будете здоровы и бодры. Жму Вашу руку.

Ваш

М.Гершензон.

24. В.Ф. Ходасевич — М.О.Гершензону.

Croft-House. Holywood. Co Down. Ireland
6 августа 1924

Дорогой Михаил Осипович, через три дня — год, как мы с Вами не видались. Год для меня пестрый и бродячий. Сейчас я временно в тихом месте, и хочется написать Вам. Почему-то хочется рассказать этот год хотя бы внешне, <потому> <то> о внутреннем — сложно и трудно.

В начале ноября мы уехали из Берлина, в Прагу, ждть итальянскую визу. (Она была обещана, а в Берлине было невтерпеж). В Праге живут русские профессора и писатели неолитического периода. Младшему, Вас<илию> Ив<ановичу> Немировичу¹, — восемьдесят один год. Они ходят в галошах и устраивают «едноту»² с чехами. А чехи — это богатые родственники, но из тех, кого не приглашают, когда ждут гостей. Они любят целоваться и давать деньги, но хотят, чтоб за это Лев Толстой почитался чешским писателем. К счастью, я не едналися и денег не брал, а лежал две недели в постели (фурункулез). Вскоре приехал Горький, а так как итал<ьянской> визы все еще не было, то мы все вместе поехали... в Мариенбад. Не думайте, что мне уже приходится лечиться от толщины. Нет, это были поиски тихого места. В Мариенбаде зимой — глушь, почти все отели и магазины заколочены. Снежные заносы и езда с колокольчиками. Жили очень тихо. Потом пришла моя виза, но развалились зубы. Пришлось вырывать все старые и делать новые. На это ушло полтора месяца. Только в начале марта мы с Ниной Ник<олаевной> (вдвоем) уехали в Италию. Но денег уже оставалось мало: мариенбадские цены и зубы все испортили. Мы пробыли восемь дней в Венеции, которая, как ни странно, приметно одряхла за тринадцать лет, что я не видел ее³. Первое впечатление — гнетущее: прах, пыль, кажется — любой дом можно легонечко растереть между пальцами. Тинторетто в San Rocco⁴ так почернел, что перед некоторыми вещами не стоит останавливаться, ничего нет. Нина все же успела сойти с ума, и только дожди выгнали ее из Венеции. Поехали во Флоренцию, но в поезде передумали и докатились до Рима. Там прожили три недели. Что успели, то видели. Больше не было денег, надо было садиться за работу. Поехали в Париж. Там прожили три с половиной месяца, довольно скверно и хлопотливо. В Париже я был в первый раз, но не стал ничего смотреть. Музеи отложены на осень. Сейчас — глаза не смотрят. Скажу по правде: даже в Италии, чтобы смотреть на прошлое, мне приходится делать над собой некоторое усилие.

В одну из трудных минут написал такие стихи:

Хранилище

Едва хожу, гляжу лениво⁵.
Претит от истин и красот.
Еще невиданные дива,
Признаться, знаю наперед.

И как-то тяжело, больно даже
Душою жить — который раз! —
В кому-то снувшемся пейзаже,
В когда-то промелькнувший час.

Все бьется человеческий гений:
То вверх, то вниз. И то сказать:
От восхождений и падений
Уж позволительно устать.

Нет, полно. Тяжелеют веки
Пред вереницею Мадон,
И так отраднo, что в аптеке
Есть кисленький пирамидон.

А из Парижа поехали мы сюда, в Ирландию⁶. Здесь у Нины двоюродная сестра, замужем за англичанином, еще с 1915 года. Живем здесь пятый день. Дом — огромный,

на краю маленького приморского городка. Большой сад, много комнат, крахмальные салфетки, автомобиль, к обеду люди переодеваются. Из окна — залив и невысокие горы, немножко похоже на Крым возле Феодосии. Тихо до странности, очень зелено, поминутно то дождь, то солнце. Кажется, примусь за стихи, которых весь год писал очень мало. Я все сидел за «Поэтическим хозяйством Пушкина». Написал книгу в семнадцать листов (настоящих, сорокатысячных). Приблизительно две трети этой книги вышли в отдельном издании в России и, вероятно, Вам доставлены. В этих двух третях, изданных без моего ведома, напечатан *черновик* части моей книги, т<о> е<сть> сделана перепечатка из «Беседы»*. В нее не вошли никакие мои поправки и дополнения, которых у меня очень много. Повторены все опечатки «Беседы» и прибавлена уйма новых, порой искажающих смысл вдребезги. Очень забавно, что вовсе пропал эпиграф из М.О.Г., пропал конец 13-й заметки, пропало все вступление к заметке о Наполеоне (15-я). Из *одной* заметки о «Русалке» (42-я) эти идиоты сделали *девятнадцать* (42-60), самовольно поставив цифры вместо звездочек. И все в этом роде, не перечить. Книга загублена, во всяком случае — на то время, пока я не смогу переиздать ее⁷. Признаться, я был очень огорчен. Но потом решил, что напишу Вам о своем отречении от этой книги; Вас попрошу сказать то же Цявловскому⁸ (с приветом) — а до прочих, пожалуй, и дела нет. В общем, однако, эта история меня очень расстроила.

Здесь проживем мы до конца сентября. Потом — снова в Париж, но постараемся там не задерживаться, а, если будут деньги, поедem на зиму в Сорренто. Там — Горький. Отношения мои с ним хороши, хотя я фактически понемногу отошел от редактирования «Беседы». Сотрудничать продолжаю и на обложке значусь.

Пожалуйста, напишите мне сюда. Адрес — вверху письма. Я буду очень ждать Вашего письма, потому что по-прежнему люблю Вас и вспоминаю, наверное, чаще, чем Вы меня. Пожалуйста, передайте самый низкий поклон Марии Борисовне. Привет детям. Также поклон Цявловскому, которому непременно покажите это письмо, чтоб душа моя не болела. Только Вашим и его мнением я дорожу.

Нина Вам всем кланяется.

Ваш Владислав Ходасевич.

25. М.О.Гершензон — В.Ф.Ходасевичу

Воробьевы Горы, 17 Августа 1924 г.

Потому что я в санатории и у меня кончилась почтовая бумага, чтобы не откладывать надолго, вырвал листок из тетради, и Вы не взыщите. Спасибо за письмо; оно мне очень приятно. Почему Нина Николаевна не приписала? А я думал, что мы с ней подружились. Я не писал вам потому что вы не ответили на мое письмо¹ и затем уже я не знал, где вы.

Мне завидно было читать Ваше письмо: в самых ваших кочевках — сколько молодости еще! и сколько впечатлений! Нет, вы не плохо жили, зачем роптать? А в Ирландию мне когда-то особенно хотелось; там провел вторую половину своей жизни Печерин², там, в таком же сельском поместье, совершился в нем перелом — после многих лет снова вспомнил Россию и душою окончательно вернулся к ней: там такая же молодая русская, вышедшая замуж за ирландца, — все, как у Вас, — пела ему русские романсы и песни, и разбудила его от католического сна. — Ваши стихи очень хороши, и Вы понимаете, как близки мне; стих<отворение>: «Претит от истин и красот» я мог бы взять эпиграфом к своим письмам «из двух углов»³.

Я не могу в ответ на Ваш рассказ написать Вам, как жил этот год. Все время было трудно; я ничего не писал, хворал, с трудом зарабатывал мало денег. Зимой, если будете в Париже, увидите Вяч<слава> Ив<ановича>, он расскажет Вам о нас, а в письме ничего не расскажешь. Вот расскажу Вам лучше о нем и других друзьях. Он приехал из Баку в конце мая и очень скоро ему устроили командировку за границу с немалой суммой денег. Но в Москве его так чествовали и заласкали, что он увяз, как муха в меду и вот все не едет. Уедет, надо полагать, в конце месяца; едет, все ликвидировав, с семьей своей, сначала в Рим, а там видно будет⁴. Бор<иса>

* Прочее напечатано в других местах.

Ник<олаевича> за зиму почти совсем не видел; теперь он в Коктебеле у Волошина; он за этот год тоже ничего не написал, только переделал свой «Петербург» в пьесу. Цявловский с осени был без службы, очень нуждался, зато теперь на год очень обеспечен легким редактированием соч<инений> Л.Толстого для Гос<ударственного> Изд<ательства> по печатным текстам. Г<еоргий> Ив<анович>⁵ весь год не имел ни копейки заработка, но как-то живет, чудесами.

А Вашу книжку я прочитал здесь в санатории, случайно найдя ее у соседа. Издание, конечно, небрежное, но не стоит огорчаться. А если уж очень Вам неприятно, пошлите несколько строк объяснения Б.Л.Модзалевскому в Пушк<инский> Дом для напечатания в «Атенеи»⁶ (новый журнал по ист<ории> нов<ой> русск<ой> лит<ературы>, очень приличный). Мне из неизвестного раньше очень понравилось ваше открытие: «Куда же ты? — В Москву...»⁷. — Это я считаю несомненным. Насчет Русалки иначе⁸. У меня двойное чувство: по общему чувству ваша догадка мне кажется вероятной, по размышлению нахожу ее ни на чем не основанной. Даже если Вы правы насчет раскаяния Пушкина, — не обязательно, что та девушка именно утопилась: она могла и вовсе не покончить с собой, и все же П<ушкин> мог с нее писать Русалку. Притом и ваш анализ фактов кажется мне не совсем верным: мне кажется неясным многое, что Вы излагаете, как факты. Я вижу вот что: 1) П<ушкин> пишет Вяземскому, что письмо передаст ему сама девушка: письмо передает не она, а «человек» Пушкина. Кто этот «человек»? Очевидно он ехал в Москву вместе с нею. П<ушкин> говорит, что этого человека он прогнал от себя за дерзости и пр. Вы, не обинуясь, говорите: этот «человек» — отец девушки. — Этого я отнюдь не вижу. Это был просто дворовый прогнанный, посылаемый на оброк в Москву или ссылаемый в Болдино. 2) Пушкин, оказывается, вовсе не знал: 1) что девушка едет в Москву со (с отцом и) всем семейством, 2) ни того, что отец ее назначен С<ергеем> Л<ьвовичем>⁹ приказчиком в Болдино. Необычайно странно, не так ли? Одно то, что С<ергей> Л<ьвович> из Петерб<урга> сделал это распоряжение, — распоряжение о михайловском мужике, неизвестное однако в Михайловском. Уж не жил ли этот отец и до истории в Болдине, а девушка с сестрами как раз ехала к нему? Во всяком случае этот отец и тот прогнанный дворовый, конечно, — не одно лицо; прогнанного дворового не назначают приказчиком в другое имение. И т.д., словом, целый клубок неясностей. Я так и думаю: отец живет в Болдине, как раз назначается приказчиком там, в этом время девушка с прогн<анным> дворовым приезжает в Москву, дворовый является к Вяземскому, передает ему письмо П<ушки>на и рассказывает со слов пушкинских людей, живущих в Москве, новости о пушкинских именьях и тоже, что такая-то (именно девица Пушкинская) едет в Болдино, что ее отец назначен приказчиком и т.д. — А потом, спустя 7-8 лет, та девушка может быть давно замужем или умерла, ее ребенок, если родился, мог давно умереть и т.д. — и Пушкин мог и не вспомнить о ней, когда мечтал поселиться с женой в Болдине; представьте себе только — что очень вероятно, особенно при тогдашних нравах, — представьте себе, что П<ушкин> очень легко относился к этой своей — к одной из своих крепостных связей; тон его письма к В<яземскому> ведь именно таков. Т<о> е<сть> проверьте все Ваше рассуждение на его противоположность.

Но, повторяю, может быть, Вы в основном, в догадке, и правы. Во всяком случае очень хорошо, что Вы — первый — привлекли Елицу. А чувственная любовь к мертвой, если бы Вы оказались правы — да, это был бы номер не шуточный в Пушкине. Я, разбирая его мысли о загробной жизни (в статье «Тень Пушкина»¹⁰), этого не видел, и теперь не вижу, т<о> е<сть> с той конкретностью, как у Вас.

Будьте здоровы прежде всего, — оба. Пишите мне. Мой дружеский привет Нине Никол<аевне>. Я в санатории на месяц. До 1 Сент<ября>.

Ваш

М.Гершензон.

26. В.Ф.Ходасевич — М.О.Гершензону

Дорогой Михаил Осипович, — я получил от Вас лишь *одно* письмо, адресованное уже сюда. в Hollywood, а больше не получал ни одного после Вашего отъезда из Берлина. Потому и «не ответил».

Спасибо Вам за утешение по поводу «Поэти<еского> хоз<яйства>». Я подожду писать Модзалевскому, т<ак> к<ак> еще до получения Вашего письма написал «письмо в редакцию» и послал К.Федину для помещения в «Книге и Революции» или где он захочет¹. Подожду, чем это кончится. А послал я письмо Федину, находясь в ярости, ибо уже после своего письма к Вам, при детальном ознакомлении с книгой, увидел в ней невероятные вещи: пропуск ряда цитат, на которых основываюсь, искажения других и даже — *вставки* отдельных слов и *целых фраз* (иногда приписываемых Пушкину!!!), *сочиненных* корректором. Уверен, что это — первый случай во всей российской литературе.

С Вашим возражением против идентичности отца девушки и «отосланного» человека не могу согласиться. Перечтите переписку П<ушкина> с Вяз<емским> — и увидите, такой *ход мысли* Пушкина в письме от 27 мая 1826 г., по которому ясно, что речь идет об *одном* человеке. А вот то, что Вы признаете мою догадку о конце «Румяного критика», — я очень рад. Кроме того, что напечатано в книге, у меня есть еще ряд статей: «Молитва Иосифу» (о рогачестве), о связи «Арапа Петра В<еликого>» с сватовством к С.Ф.Пушкиной, а потом к Гончаровой, о «Явлении Музы», о лейт-мотивах Пушина в поэзии Пушкина, о схожести в описаниях боев и балов и т.д.²

Сейчас я о Пушкине ничего не пишу, а стараюсь заканчивать стихи: накопилось много «начал».

Большое спасибо Вам за сообщение о москвичах³. Жаль, что ничего не написали о себе. Пока — всего Вам хорошего.

3 сент<ября> 924

Ваш В.Ходасевич.

Croft-House. Holywood. Co Down. Ireland.

27. М.О.Гершензон — В.Ф.Ходасевичу

Москва, 23 Октября 1924 г.

Милый Владислав Фелицианович, и Вы, Нина Николаевна, здравствуйте! Ваше письмо давно получено. Я не успел ответить: уехал в Крым, в санаторий Кубу¹, откуда вернулся только на днях. За этот месяц там больше хворал, повредил себе с первого дня солнечными ваннами, — произошло обострение в легких, две недели держалась температура. Теперь обошлось, но здесь застал глубокую осень — холод, и слякоть, и это низкое серое небо, которое вы знаете.

Не знаю, где вы теперь. Надеюсь, что вам письмо перешлют; вы тогда напишете ваш адрес. Почти в один день с Вашим письмом пришла из Петербурга Ваша книжка, Владислав Фелицианович. Спасибо. Я Вам в том письме писал глупости, по памяти; потом прочел те места. В общем я остаюсь при своем: «человек» — не отец, вообще в истолковании фактов Вы не правы, а общая Ваша догадка правдоподобна. Цявловского еще не видел: он, слышу, лежит с плевритом, а я пока не выхожу из-за дурной погоды.

Сию дома, хожу по комнате, читаю, — сегодня читал Ваше «Путем зерна». Ничего не пишу, уже давно; все равно печатать ничего нельзя². Работы денежной нет и не могу найти; я бы взял, кажется любой заказ. Жить нечем, а еще долги моего летнего лечения. Но и кроме того — очень, очень трудно. Что Брюсов умер, Вы верно знаете. Хоронили его, говорят, холодно и натянуто. Здесь Верховский, семья в П<е>т<ер>б<ур>ге, а он здесь в надежде на заработки и живет у Майи³. Подрядился для Госиздата сделать 1-томного Пушкина, без рукописи; часто бывает у меня, за Пушкина не принимается, и, я думаю, не сделает его⁴. Вяч<еслав> Ив<анович> с детьми в Риме; если и Вы в Италии, верно, увидите.

Мои письма неизбежно бессодержательны, но Вы пишете, пожалуйста, у вас много впечатлений в ваших странствиях и душа свежее. Мария Бор<исовна> шлет вам обоим дружеский поклон; и дети не раз вспоминают вас с симпатией.

Любящий Вас

М.Гершензон.

28. В.Ф.Ходасевич — М.О.Гершензону

17 декабря 924

Дорогой Михаил Осипович,

Ваше письмо от 23 окт<ября> получил я только третьего дня. В последних числах октября уехали мы из Ирландии, дней шесть пробыли в Париже, потом поехали сюда, через Рим, в котором провели всего 1½ суток. За это время Вячеслав Иванович дважды не застал дома меня, а я столько же раз — его. Так мы и разминулись, ибо я не мог дольше пробыть в Риме.

В конце концов, 9 ноября, очутились мы здесь, в Сорренто¹. Живем по-прежнему с Горьким, который силою вещей становится для нас «тихой пристанью». Здесь проживем до весны, а то и до лета. Я бы остался и дольше, но боюсь, что наступит безденежье и погонит в Париж, о котором думаю с ужасом. Разумею «русский» Париж, который все безнадежнее погрязает в чистейшем черносотенстве. Уже весной я пришелся там не весьма ко двору. Что же будет теперь, когда Н.А.Бердяев официально объединился с Коковцевым² и они вместе строят «Сергиевское подворье»³? (Сие следует понимать вполне буквально, отнюдь не метафорически).

Уже четыре месяца, как не написал я почти ни строчки (трех-четырех неважных стихотворений не считаю). В стихах у меня очередной период застоя, а статьи выходят злобные + такие, что *ни в каком* пункте земного шара их не станут печатать.

Пробую написать воспоминания о Брюсове, но их тоже вряд ли напечатаю, п<отому> ч<то> часть пришлось бы выкинуть, ибо она касается живых людей, а в остальном — слишком мало хорошего вспоминается⁴. Мещанство, грубость, казенщина.

Вообще, я, признаться, подавлен всем, что творится на свете. Поэтому — что ни начну писать — кажется мелким, ненужным, главное — бессильным.

Изнываю от зависти к Р.Роллану. Вот счастливец! Каждый месяц присылает по рукописи, преисполненной заглавных букв и прописных истин. Вопросы Человечества, Свободы, Красоты, Науки, Религии, Искусства, Знания, Духа, Гуманности, Любви, Смерти, Долга и всего прочего, а также Задачи Прошедшего, Настоящего и Будущего трактуются с необыкновенною Широтою и Фанфаронством. Каждые две недели присылает он Горькому по письму, в котором, захлебываясь от саморекламы, ораторствует о Творчестве и Горизонтах. И все это в необыкновенно цветистых метафорах, в которых при «поверке воображения рассудком» концы с концами никак не сходятся. Несчастливая Берберова, обливаясь потом, старается все это переводить так, чтобы французская Красота по-русски не обнаруживала своего Пустословия (Этим ужасным ремеслом она зарабатывает свой Хлеб!.. О да, это Голод тела толкает ее добывать Орех Истины, дробя Коросту Глубокомыслия Щипцами Языкознания!..)

31 декабря

На этом месте я было отложил продолжение письма, — но Бог меня покарал за злословие. Дня три мучили разные неотвязные люди и дела, — а потом взяло да и зачесалось в ухе. Я почесал. Не проходит. Я почесал покрепче. А на другой день стало нарывать, и произошел небольшой, но мучительный нарыв в ухе. Тут уж было не до писем. Сегодня все это почти кончилось, второго нарыва, надеюсь, не будет. С забинтованной головой встал я вечером с постели — и собираюсь встречать Новый год. Наши шумят и устраивают ужин. Говорят, натащили каких-то веток, на которых сразу висит по тридцать штук апельсинов. Все это очень мило, но к Новому году нужны не апельсины, а снег. А у нас снег виднелся дня три на горах, поправее Везувия, за Помпеей, — да и тот давно стаял.

Тоже и Рождество было ненастоящее.

Возле маленькой церквушки, по соседству с нами, был крестный ход. Во время него пускались неистовые фейерверки и шла просто пальба, самая обыкновенная и неистовая, при помощи чугунков, набитых порохом. Степенный молодой человек, вроде приказчика, нес на руках деревянно-розового Bambino. Над ними обоими держали плоский китайский зонтик из розовой материи. Я восхитился лукавой серьезностью, с которой священник, встречая процессию на паперти, принял младенца из рук приказчика. Я зашел в церковь; служба торопливая и неблагодарная. Ее и не слышно было за несмолкаемой пальбой, которую, видимо, здешний Бог очень любит. Пальба, впрочем, имеет, как и везде, большое агитационное значение. Следственно — да будет

пальба! — Великолепный эффект: именно сию секунду бабахнули у меня под самым окном — на сей раз уже в честь Нового года. — Я иду ужинать.

1 января

Простите, милый Михаил Осипович, — это письмо становится похожим на дневник. Но сегодня его нельзя было отправить: почта закрыта.

Итак, поздравляю Вас и всех Ваших с Новым годом и шлю от всей души самые лучшие пожелания. Нина велит Вам «ужасно» кланяться. В последнее время мы занимаемся тем, что я построчно перевожу ей Словацкого и Мицкевича. Сейчас читаем «Dziady», и я с огорчением вижу, до какой степени у такого большого поэта душа была «заложена» национализмом, — я иначе не могу выразиться: заложена — как заложен бывает нос: дыхание трудное и короткое. Вся третья часть этим обескрылена безнадежно. Чем выпренней ее внешняя поэтичность, тем прозаичнее она внутренне. Если Пушкин читал ее целиком, то, быть может, этот прозаизм должен был рассердить его всего больше, — больше чем ненависть к России. —

Пожалуйста, напишите о себе. Мне *все* про Вас любопытно, до самых мелочей. Когда думаю о России, всегда вспоминаю Вас, тотчас же. Можете принять это за объяснение в любви.

Будьте здоровы. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Владислав Ходасевич.

Villa «Il Sorito» (Это так только называется).

Capo di Sorrento (Napoli).

Писать надо заказным.

Приложение

В.Ф.Ходасевич — М.Б.Гершензон

Villa «Il Sorito» Capo di Sorrento
(Provdi Napoli) Italia

Дорогая Мария Борисовна,

только сейчас, из газет, узнали мы о несчастье¹. Что уж тут говорить! Право, и слов нет. А все-таки хоть и знаю, что невозможно утешить ни Вас, ни детей, — хочется, хоть издали, пожать Вашу руку и пожелать Вам мужества. Мне не к чему уверять Вас в «искренности», Вы и сами знаете, как мучительно, нестерпимо больно мне сейчас. Михаил Осипович был для меня человеком, к которому, за последние десять лет, я к первому шел делиться всеми радостями и горестями. И в писаниях, и в жизни (а это — важней и трудней) был он для меня таким умным, таким безжалостно-строгим и таким бесконечно доброжелательным судьей, какого уж больше я не найду, — да и не стану искать.

Если бы Вы оказались так добры и написали бы мне, как, отчего он скончался, долго ли хворал, — я бы Вам был глубоко благодарен. Если не Вы — не напишет ли хоть Сережа?

Еще раз: дай Вам Бог мужества перенести это, детям — тоже. Целую Вашу руку.

Навсегда преданный Вам

Владислав Ходасевич.

Хочу попробовать написать (для журнала) о том, каким знал и любил Михаила Осиповича.

М.Б.Гершензон — В.Ф.Ходасевичу

Дорогой Владислав Фелицианович,

простите, что я долго не отвечала Вам, правда, было мне это очень трудно. И теперь не буду писать о себе. Спасибо Вам за письмо, мы с детьми ждали его, как ласки от Вас, любившего М<ихаила> О<сиповича>.

Вы спрашиваете о кончине М<ихаила> О<сиповича>. Она была для нас совершенно неожиданной, потому что в эту зиму М<ихаил> О<сипович> был гораздо бодрее и выглядел лучше, чем в прошлом году. Он много работал по службе в Академии Худ<ожественных> Наук и даже взялся за перо (чего не было уже два года), он вернулся к Пушкину, написал статью «Путешествие в Арзрум» и начал, но не кончил другую: «Плагиаты у Пушкина»². М<ихаил> О<сипович> хворал не полных двое суток, причем сначала никому и в голову не приходило, что он в опасности. Случился непонятный припадок печени, перешедший в припадок грудной жабы (М<ихаил> О<сипович> никогда не страдал ни печенью, ни сердцем). Страдания были сильные, М<ихаил> О<сипович> скончался в полном сознании и знал, что умирает, но ухудшение и конец наступили так быстро, что М<ихаил> О<сипович> ничем не распорядился и не простился с нами. Он похоронен на Ваганьковском кладбище, где у нас семейное место, там лежат мои родители, брат, наш первый ребенок. Сейчас происходят многие заседания в память М<ихаила> О<сиповича>. Мы видели много любви к М<ихаилу> О<сиповичу> и к себе от людей — это греет.

Если Вы напишете когда-нибудь о себе и своей жизни, буду Вам очень благодарна, было бы тяжело, если бы потеря М<ихаила> О<сиповича> сразу отрезала бы нас и от друзей его. От всего сердца желаю Вам всего хорошего. Мой горячий привет милой Нине Николаевне. Дети сердечно кланяются вам обоим. Вы с детства были их любимым из современных поэтов. Помните «Красный Марс»³ и т.д.

Ваша М.Гершензон.

Примечания

Письма В.Ф.Ходасевича печатаются по автографам, хранящимся в РГБ, ф.746, карт.43, ед.хр.5; письмо к М.Б.Гершензон: там же, карт.48, ед.хр.46. Письма М.О.Гершензона были опубликованы дважды: первый раз Ходасевичем в 1925 г. в XXIV-й книге парижских «Современных записок» как продолжение очерка «Гершензон»: «Мне хочется сохранить здесь как бы голос его, и я решаюсь прибавить к этим заметкам его письма ко мне, — писал Ходасевич и предупреждал читателей. — В письмах пришлось, по условиям времени, сделать небольшие сокращения <...> и заменить буквами некоторые собственные имена».

Изъятия и имена были восстановлены Н.Н.Берберовой, напечатавшей письма Гершензона в нью-йоркском «Новом журнале» (1960. Кн.60. С.222-235).

Мы не имели возможности сверить эти письма с автографами, но, сравнив две публикации, смогли выправить опечатки и восполнить недостающее, кроме, по-видимому, приветов и тех милых слов, которые Гершензон просил передать А.И.Ходасевич, привлечь внимание к которой ни Ходасевич, ни Берберова (по разным соображениям) не хотели.

Примечания и пояснения Ходасевича к письмам частично включены в комментарии.

Письма Гершензона 1915-1920 гг., остававшиеся в московском архиве Ходасевича, не обнаружены, за одним исключением: открытка от 16 июня 1916 г. (РГАЛИ, ф.537, оп.1, ед.хр.61). Кроме того, из переписки ясно, что некоторые письма не доходили до адресата; им приходилось пересекать границу в не слишком благополучное время. Тем не менее перед нами редкий случай, особенно в эпистолярном наследии В.Ф.Ходасевича, *переписки*.

1.

1. Н.Семенов, М.Славинский и А.Соколов — переводчики Адама Мицкевича. «Дзяды» — драматическая поэма Мицкевича.

27 декабря 1915 г. Ходасевич писал своему другу Муни: «Я по уши влез в Мицкевича. Кажется, буду его редактировать для Сабашникова. Переводы старые + то, что ни разу не было переведено (около 50 вещей)». В РГАЛИ сохранился составленный Ходасевичем том А.Мицкевича «Избранные стихи в переводе русских поэтов», так и не вышедший. Гершензон был литературным консультантом издательства М. и С. Сабашниковых. Скорее всего, он и связал Ходасевича с издательством. 1 августа 1916 г., уговаривая жену приехать в Коктебель, Ходасевич писал: «Деньги занимай, кради — все, что хочешь. Осенью отдадим, ибо Сабашникову я кое-что делаю, Гершензон жив, Турбин тоже» (все цитируемые здесь

и ниже письма к А.И.Ходасевич приводятся по РГАЛИ, ф.537, оп.1, ед.хр.45-52).

2.

1. В.Ходасевич печатался в газете «Утро России» (1907-1918) с 1911 г. 26 февраля 1916 г. он писал Б.А.Садовскому: «Я ушел из «Русских ведомостей», где занимаюсь литературой, когда есть свободное время. Ушел, ибо «Утро России» меня сманило. Теперь ведаю там критику стихов самодержавно и в очередь с Брюсовым пишу о театре» (Письма В.Ф.Ходасевича Б.А.Садовскому. Апп Арбог, 1983. С.31). Газетные публикации собраны Д.Мальмстадом и Р.Хьюзом во 2-м томе Собрания сочинений В.Ходасевича (1990).

2. Врачи поставили Ходасевичу диагноз «туберкулез позвоночника» и отправили в Крым лечиться.

3. Роман французского писателя Клода Тилье, в переводе В.Ходасевича называвшийся «Дядя мой, Веньямин» (М.: Северные дни, 1917).

4. Ходасевич Михаил Фелицианович (1865-1925) — старший брат В.Ходасевича, известный московский адвокат, коллекционер. М.Ф.Ходасевич материально поддерживал молодого литератора вплоть до 1920 г., о чем Ходасевич писал Г.И.Чулкову: «Живем мы на остатки московских благ + Нюриня и Гаррика карточки (у меня даже хлебной нет) + Нюрино жалованье (курам на смех) <...> + помощь моих родных» (РГБ, ф.371, карт.5, ед.хр.12). Страх лишиться денежной помощи (литературных заработков не хватало на самую скромную жизнь) особенно мучил Ходасевича во время болезни. И когда феоодсийские врачи не подтвердили диагноз московских и разрешили снять гипсовый корсет, Ходасевич обрадовался и испугался одновременно: «Мише, значит, не говори, что я без корсета», — предупреждал он жену.

3.

1. Роман Стендаля «Аббатиса из Кастро» (1839) Ходасевич так и не перевел, но в 1918 г. для издательства Сабашниковых сделал перевод другого произведения Стендаля «Воспоминания итальянского дворянина», рукопись которого хранится в архиве издательства (РГБ, ф.261, карт.15, ед.хр. 4). 25 декабря 1918 г. он писал М.В.Сабашникову: «...позвольте напомнить Вам, что Вы обещали мне выяснить, когда можно напечатать мои переводы из Стендаля» (там же, карт.6, ед.хр.99).

2. Очевидно, в Коктебеле произошло знакомство Ходасевича с Волошиным. В свой первый коктебельский день, 7 июня 1916 г., он писал А.И.Ходасевич: «Тут случилась беда: из-за холмика наехали на нас сперва четыре коровы с ужаснейшими рогами, а потом и хуже того: Мандельштам! Я от него, он за мной, я взбежал на скалу в 100 тысяч метров вышиной. Он туда же. Я ринулся в море — но он настиг меня среди волн. Я был вежлив, но чрезвычайно сух. Он живет у Волошина. С этим ужасом я еще не встречался. Но не боюсь: прикинусь умирающим и объявлю, что я люблю одиночество.

Я, черт возьми, не богема, как Giovanni da ghiveevoe Lilla la Bella, detta Urica (Мочевая), sua moglie.

Испугавшись Мандельштама и ветра, я надел бархатную куртку и пошел ужинать. Теперь вернулся, пью парное молоко и пишу тебе».

В письме от 18 июня, отвечая на вопросы жены по пунктам: «Здесь живет Макс avec son mere*, Мандельштам и Шервашидзе, художник. Вижусь с ними мало. Был у Макса вчера, просидел час, днем, конечно. Он тебе кланяется. Удивился, что я без тебя. Вспомнил юные годы». А в письме от 21 июня сообщал, что принял предложение Макса переехать к нему: «6-го числа я переезжаю к Волошиным, где за те же деньги будет у меня тихая комната с отдельной террасой. Приставать ко мне не будут. Я так и сказал Максусу».

4.

1. Верховский Юрий Никандрович (1878-1956) — поэт, историк литературы, приятель Ходасевича — писал в автобиографии: «Год в Москве, в Университете Шанявского (1916), дружба с Гершензоном» (РГБ, ф.697, карт.3, ед.хр. 36).

2. Подробно пересказывая в письме к жене содержание открытки Гершензона, Ходасевич сопроводил пересказ словами: «Мил до ужаса. Просит взвешиваться (кстати, я вешался по приезде: 3 п<уда> 29 ф<унтов>). Ты подумай, какой милый жид! И вообще всякие нежности. <...> Ты сошла с Гершензоном: он тоже велит мне зняться с Максом. Но мне хочется быть одному!» Тем не менее с Волошиным сложились у него добрые дружеские отношения именно в то лето 1916 г., которое одна из коктебельских завсегдатаев, художница Юлия Оболенская, назвала «периодом трех поэтов и концертов». О вечерах, в которых принимали участие все коктебельцы: поэты, художники, музыканты, она подробно рассказывала в письмах к подруге Магде Нахман (РГАЛИ, ф.2080, оп.1, ед.хр.7), а Ходасевич — в письмах к жене. Оболенской принадлежит шарж, где медальные профили трех поэтов: Волошина, Мандельштама и Ходасевича — составляют единый портрет. Приношу благодарность Виктории Швейцер, показавшей мне эту работу и открывшей для меня переписку Ю.Оболенской и М.Нахман.

5.

1. В 1917-1918 гг. В.В.Розанов выпускал авторский журнал-трактат «Апокалипсис нашего времени». В №6-7 появилось обращение: «К читателю, если он друг» с мольбой о помощи. Хотя Гершензон был в ссоре с Розановым из-за освещения им дела Бейлиса в газете «Новое время», — откликнулся он незамедлительно: «Ваше обращение к читателям дошло до моего сердца. Я сам — один из них, но я сам теперь в нужде; ведь печататься негде» (Новый мир. 1991. №3. С.241). О дальнейшем рассказал Ходасевич в рецензии на книгу З.Гиппиус «Живые лица»: «Пришел ко мне покойный Гершензон и попросил меня

* С матерью. (фр.)

позвонить Горькому по телефону и сообщить о бедственном положении Розанова. Я так и сделал, позвонив по прямому проводу из московского отдела «Всемирной литературы» (Современные записки. 1925. Кн. XXV. С. 538).

2. Ходасевич был представителем издательства «Всемирная литература» в Москве. Для Ходасевича эта работа была своеобразной формой оплаты трехтомного собрания переводов. 12 октября 1918 г. он писал А.И.Ходасевич: «...я получил заказ на три тома (ред<актура> и переводы): два тома стихов и том прозы. Но только в понедельник выяснится, принимают ли они мою расценку. Кроме того, как это предприятие казенное, то даже мне, редактору, нельзя дать аванс. По-видимому, Тихонов хочет его дать, и вот возникает проект сделать меня чем-то вроде моск<овского> представителя с определенным жалованием (месячным), в счет которого аванс можно бы устроить». Гершензона Ходасевич хотел привлечь к работе в издательстве «Всемирная литература» как переводчика с немецкого.

3. Московский Профессиональный союз писателей, затем — Всероссийский союз писателей. Брату Гершензону сообщил 15 марта 1917 г.: «Теперь здешние писатели заняты составлением "резюмирующий" и выработкой плана Союза писателей. Хожу на собрания и я, да только все идет вразброд, никак не сталкиваются» (Гершензон М. Письма к брату. М., 1927. С.182). Гершензон стал первым председателем Союза, Ходасевич был среди учредителей. О каком «письме Союза» идет речь — неизвестно.

4. С Марией Борисовной Гольденвейзер (1874-1940) Гершензон знаком с юности; учился в университете и дружил с ее братом Николаем; был в приятельских отношениях с другим братом, Александром, пианистом и композитором. Поженились они в 1904 г., у них было двое детей: сын Сергей (р. 1906) и дочь Наталья (р. 1907). Е.Герцык вспоминала об особом, почти физическом тепле, обдававшем приходящих в квартиру Гершензонов: «Не знаю, казалось ли мне это или и вправду нигде так жарко не натоплено, нигде так не уютно, как в гершензонской столовой, где мы сидим вечером за чаем. У самовара Марья Борисовна, приветливая, с умным, всегда заинтересованным взглядом. Она сестра пианиста Гольденвейзера, завсегдадая Ясной Поляны. Забегают проститься перед сном мальчик и девочка, оба курчавые, черноглазые. Перед Михаилом Осиповичем ящик с табаком, и вид этих пальцев, набивающих гильзы, неразрывно связан в памяти с его горячей, от волнения заплетающейся, шепелявой речью» (Герцык Е. Воспоминания. С.160). М.Б.Гершензон принимала участие в создании рукописного журнала «Бульвар и переулок», а среди его авторов были Вяч. Иванов, Н.Бердяев, Л.Шестов. По сообщению В.Проскуриной, М.Б.Гершензон писала прозу. Ее рассказ «Перезвоны» под псевдонимом «Ге» опубликован в журнале «Русская мысль» (1917. Кн.3-4).

7.

1. Ходасевич с семьей переехал в Петербург 17 ноября 1920 г.

2. Ходасевич Анна Ивановна (урожд. Чулкова, 1887-1964) — вторая жена Ходасевича. Гаррик (Эдгар Гренцион) — ее сын от первого брака.

3. Модзалевский Борис Львович (1874-1928) — историк литературы, пушкинист; старший ученый-хранитель Пушкинского Дома и один из его организаторов.

4. Гофман Модест Львович (1887-1959) — поэт, пушкинист, работавший хранителем рукописей в Пушкинском Доме.

5. Об истории с пайком Ходасевич писал в «Некрополе»: «В Петербурге я снова пролежал с месяц, а так как есть мне и там было нечего, то я принялся хлопотать о переводе моего московского писательского пайка в Петербург. Для этого мне пришлось потратить месяца три невероятных усилий, причем я все время наткнулся на какое-то невидимое, но явственно осязаемое препятствие. Только спустя два года я узнал от Горького, что препятствием была некая бумага, лежавшая в петербургском академическом центре. В этой бумаге Брюсов конфиденциально сообщал, что я — человек неблагонадежный» (Некрополь. С.58).

6. Покровский Михаил Николаевич (1868-1932) — заместитель Наркома просвещения, историк, один из создателей официальной партийной историографии. Гершензон был знаком с ним со студенческих лет; писал брату: «Несмотря на свою молодость, он уже теперь — один из самых талантливых русских ученых. Часы, которые я провожу у него, принадлежат к счастливейшим в моей жизни; его глубокие знания, живой и светлый ум, недюжинное остроумие делают беседу с ним очаровательною. Один вечер, проведенный с ним, обогащает меня больше, чем год университетских лекций» (с.61). Оба были учениками проф. П.Г.Виноградова, оба могли рассчитывать на звание профессора, но Гершензон, как «не-христианин», не был утвержден.

8.

1. Ходасевич смог выбраться в Москву 2 октября 1921 г. 6 октября он писал А.И.Ходасевич: «Был у Гершензона. Мил, но занозист. Биограф<ию> Пушкина заказал мне от имени Сабашникова, который сидит, но, вероятно, скоро будет освобожден».

2. Стихотворение написано 4 апреля 1921 г., впервые опубликовано в журнале «Записки мечтателей», 1922. №5. На сборнике стихов 1927 г. рядом с ним Ходасевич сделал пометку: «С этого стихотворения внутренне начался для меня период "Тяжелой лиры"».

9.

1. В письме к брату от 20 августа 1920 г. Гершензон сообщал, что служит в литературном отделе Наркомпроса (академическая секция). С 1921 г. он заведует литературной секцией ГАХН.

2. Русские Пропилеи: Материалы по истории русской мысли и литературы. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых. 1919. Т.6. В этом томе М.Гершензон напечатал рукописный сборник «Лицейская тетрадь», принадлежавший А.В.Никитенко, где стихи А.С.Пушкина переписаны вперемежку с произведениями других лицейских поэтов: Дельвига, Кюхельбекера, Илличевского. Второй раздел заняли произведения А.Н.Скрябина «Поэма Экстаза» и «Предварительное действо».

3. Книга М.Гершензона «Видение поэта» (М., 1919) вышла в 1920 г., а «Мечта и мысль Тургенева» (М., 1919), кочевавшая из типографии в типографию, на книжном рынке появилась в 1922 г., см.: Берман Я.З. М.О.Гершензон: Библиография. Одесса, 1928. С.42. 28 февраля 1921 г. Ходасевич писал В.Г.Лидину: «...заклинаю Вас достать мне “Видение поэта” Гершензоново, 6-ой том “Русских Пропилей” и его же “Тургенева” — особенно “Пропилей”!» (Архив семьи В.Г.Лидина, Москва).

4. 19 ноября 1920 г. Бакинский государственный университет избрал Вячеслава Ивановича Иванова профессором по кафедре классической филологии; с октября 1921 г. он работал заведующим кабинетом классической филологии, преподавал в Университете итальянский язык, читал лекции в театре, см.: Котрелев Н.В. Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета // Уч. зап. ТГУ. 1968. Вып.209.

10.

1. Отдельное издание поэмы вышло в октябре 1921 г., см.: Белый А. Первое свидание: Поэма. Пб.: Алконост, 1921.

2. От названия повести А.Белого «Котик Летаев», которая в 1917-1918 гг. печаталась в альманахе «Скифы»; отдельной книгой вышла в 1922 г. (Пг.: Эпоха). У Ходасевича это еще и игра слов: «летучая» и «летаевская», идущих от одного корня: «лет».

3. За стихотворением «Психея! бедная моя...» последовал ряд других, составивших книгу «Тяжелая лира»: «Пускай минувшего не жаль...» (лето 1920, 22 апреля 1921 г.); «День» (14-28 мая 1921 г.); «Слепая сердца мудрость...» (21 мая); «Смотрю в окно...» (21-25 мая); «Искушение» (4 июня-9 июля); «Буря» (13 июня); «Когда б я долго жил на свете...» (8-29 июня); «Люблю людей, люблю природу...» (15-16 июня); «Из дневника» («Мне каждый звук...», 18 июня); весною 1921 г. начато и оставлено «Перешагни, перескачи...»; «Ласточки» (18-24 июня).

5 сентября 1921 г. Ходасевич писал А.И.Ходасевич из Вельского Устья: «Должен тебя огорчить. Мне очень хочется писать. Здесь немислимо. Но чувствую, что в П<етер>б<урге> будет продолжение прерванного поноса. Итак, готовься к моему сидению у окна, ответам невпопад и проч.»

4. О том же Ходасевич писал в очерке «Гершензон»: «За девять лет нашего знакомства я привык читать или посылать ему почти все свои стихи. Его критика всегда была доброжелательна — и беспощадна. Резко, “начистоту” высказывал он свои мнения. С ними я не всегда соглашался, но многими

самыми меткими словами о моих писаниях я обязан ему. Никто не бранил меня так сурово, как он, но ничьей похвалой я не дорожил так, как похвалой Гершензона. Ибо знал, что и брань, и похвалы идут от самого, может быть, чистого сердца, какое мне доводилось встречать» (Некрополь. С.156-157).

Ю.Н.Верховский тоже вспоминал в письме к другу: «Незабвенный милый Михаил Осипович, сочувственный и строгий критик стихов моих, в один из последних наших разговоров опять мне сказал, что мой поэтический род, где я вполне нахожу себя — идиллия; он думал, что идиллии и элегии, — но нет; и сквозь призму идиллии суметь подойти к современности — вот моя поэтическая задача» (РГБ, ф.697, карт.1, ед.хр.8).

5. Лидии Владимир Германович (1894-1979) — прозаик. Его страсть к книге вылилась в своеобразный жанр — «рассказы книголюба» («Люди и встречи», «Друзья мои — книги»). Тринадцать писем Ходасевича 1917-1924 гг. сохранил Лидин в своем архиве (готовятся к публикации). В 1922 г. Лидин с Ходасевичем встречались в Берлине. Рассказ Лидина «Зацветает жизнь» был опубликован в №4 берлинского журнала «Беседа» за 1923 г., одним из редакторов которого был Ходасевич.

6. В.Г.Лидин служил в книжной лавке «Содружество писателей».

7. Котляревский Нестор Александрович (1863-1925) — историк литературы, директор Пушкинского Дома с 1909 г.

8. Лернер Николай Осипович (1877-1934) — историк литературы, пушкинист.

9. Пришвин, продолжая излюбленный Ремизовым жанр фантастических «снов», в «Сне о Горьком» изобразил Павла Елисеевича Шеголева (1877-1931) «толстяком и обжорой, вроде Крылова» (Литературная газета. 1993. 24 февраля).

10. Слова из выступления М.Горького 25 февраля 1915 г. на вечере, посвященном выходу сборника «Стрелец» в подвале «Бродячая собака». Все петербургские газеты подхватили их: «Конечный вывод Максима Горького: “В футуристах все-таки что-то есть!”» (День. 1915. 27 февраля. Цит. по: Катанян В. Маяковский: Хроника жизни и деятельности. М., 1985. С.102). См. статью М.Горького «О футуризме» (Журнал журналов. 1915. №1) с врезкой от редакции: «Ввиду путаницы, созданной газетными известиями о выступлении Максима Горького на вечере футуристов, — редакция “Журнала журналов” обратилась к знаменитому писателю с просьбой высказать его точку зрения». Этих слов в статье не было.

11. Опубликовано впервые в альманахе «Северные дни». М., 1922. Вып.2.

11.

1. Эфрос Абрам Маркович (1888-1954) — искусствовед, переводчик, приятель Ходасевича.

2. См.: Гершензон М. Солнце над мглой: (Афоризмы) // Записки мечтателей. 1922. №5. В этом же номере журнала опубликованы афоризмы А.Белого «Так говорит правда» и его статья о стихах

Ходасевича «Рембрантова правда в поэзии: наших дней» и стихи Ходасевича.

3. Ср.: «Ночь настала. Мне представляется: наш глаз не умеет непрерывно смотреть на свет, — он ежесекундно смежает ресницы и на миг погружается в тьму; так вечный свет мигает ежедневными ночами. Может быть, и смерть — только мигание жизни? Жизнь на миг погружается во тьму, чтобы освеженной опять загореться, чрез некоторое время опять мигнет индивидуальной смертью и уже снова горит — так без конца. Меня давно поражает, как распространена и упорна была таинственная вера в перевоплощение душ; две трети человечества верили тысячелетие, треть верит и сейчас. Но все равно. Вот маятник ходит взад-вперед и стучит; мне кажется: это стук капель тающей вечности. Наутро снова взойдет солнце; переоплощенный сном, я могу продолжать, если захочется» (Записки мечтателей. С.99).

4. Тубянский Михаил Израилевич (1893-1943?) — индолог, переводчик.

5. 7 мая 1921 г. В.Ходасевич сообщал Лидину о скором выходе двухнедельного журнала «Литературная газета», для которого он написал передовую «Памяти предка». «Литературная газета» была конфискована Г.Е.Зиновьевым в типографии. Корректурный экземпляр газет опубликован А.Устиновым и В.Сажиним в журнале «Литературное обозрение» (1991. №2). Дом Искусств выпустил два сборника «Дом Искусств» (1920. №1; 1921. №2). 1 ноября 1921 г. начала выходить «Летопись Дома литераторов», которую продолжили «Литературные записки» (1922. №1-3).

12.

1. 6 октября 1921 г. Ходасевич писал А.И.Ходасевич из Москвы: «Я жив, но не то намял, не то растянул себе сухожилие на ноге. Два дня сидел дома, потому что болела нога...»

2. Договор с издательством Сабашниковых на биографию А.С.Пушкина официально заключен 25 января 1922 г. «...Биография должна быть окончательно составлена и представлена издательству в Москве в готовой к печати и отчетливо переписанной рукописи к 1 июля сего года», — значилось в нем (РГБ, ф.261, карт.9, ед.хр. 16).

13.

1. Письмо посылалось не по почте, а с Ю.Н.Верховским, уезжавшим в Петроград.

2. В октябрьский приезд Ходасевич виделся с друзьями юности: П.Муратовым, А.Эфросом, А.Брюсовым и др., читал новые стихи. 11 октября 1921 г. он сообщал А.И.Ходасевич: «Вчера читал в Союзе. Была "вся Москва". Кажется, я имел весьма большой успех».

14.

1. 23 апреля 1922 г. Гершензон подробно рассказывал о себе в письме к Л.Шестову: «Мы живем трудно; прошлой зимой дети тяжело болели крупом,

эту — Сережа болел брюшным тифом, очень затянувшимся. И тут же, в начале февраля, я слег; у меня, как определили врачи, от общего истощения возобновился давнишний процесс в легких, — которого я никогда не подозревал. Два месяца держалась температура, исхудал страшно, слабость была такова, что за все это время я ни разу не мог читать, даже беллетристику. Лечили меня, и к теплу я оправился. Теперь уже выхожу понемногу, но очень слаб» (Минувшее. С.254). Врачи посоветовали Гершензону лечиться за границей: в 20-х числах октября семья выехала в Берлин, здесь пробыли с 21 по 24 октября, а 25 поселились в Баденвейлере.

2. Здесь и дальше речь идет об Андрее Белом.

3. Имеется в виду высланная из России группа творческой интеллигенции. Среди высланных были д-р з-я Гершензона — Н.Бердяев, С.Франк, Ф.Степун.

4. У Ф.А.Степуна, который преподавал во Фрейбургском университете, Ходасевич побывал уже после отъезда М.Гершензона. В «камерфурьерском журнале» записано в сентябре 1923 г.: «15, суббота». В 3 ч. — во Фрейбург. Горький и др. Степун».

5. Яценко Александр Семенович (1877-1934) — профессор Московского, затем Петербургского университетов по международному праву, с 1919 г. — в Берлине; с 1921 г. издавал библиографический журнал «Русская книга», который в 1922-1923 гг. выходит под заглавием «Новая русская книга».

6. Возникшее в 1918 г. в Москве и в 1921 г. возобновленное в Берлине издательство «Геликон», было организовано А.Г.Вишняком. Вишняк переиздал в Берлине книги М.Гершензона «Грибоедовская Москва» (1922), «Декабрист Кривцов» (1923), «Исторические записки» (1923). В 1922 г. Ходасевич тоже сотрудничал с А.Г.Вишняком. В письме к А.И.Ходасевич от 1 марта 1923 г. он писал: «В июле издательство «Геликон» вздумало издать альманах стихов под моей редакцией (теперь это дело расстроилось)». Многим поэтам в России (Ф.Сологубу, Ю.Верховскому, С.Парнок) Ходасевич разослал приглашения прислать в альманах стихи.

15.

1. 17 ноября 1922 г. Ходасевич и Берберова поселяются в Саарове вместе с Горьким, о чем свидетельствуют записи в «камерфурьерском журнале».

«17, пятница». В *Saarow*. Валя. Ракицкий. С ними к Горькому. Переезд в Saarow.

18, суббота. Валя, Ракицкий, Марция Игнатьевна».

19, воскресенье. У Горького (Юшкевич, Гржебин, Ладыжников и др.) Валя (вечером)».

20, понедельник. Валя, Ракицкий. Вечером у Горького (Горький, Валя и др. Карты).

21, вторник. Ракицкий. У Вали. Гулял с Горьким.

22, среда. У Горького (Крючков, Лашевич и др.)

23, четверг. Гулял. Валя. В 9 ч. — в Берлин. Prag-er Diele (Белый, Каплун, Вишняк).

24, пятн<ица>. У Белицкого. К Гржебину. У Жени. В Геликон. К антиквару. "Москва". К Гржебину. Кафэ Vict-Luise (Бахрах, Лурье). С ними у Белого.

25, суб<бота>. В банк. В Геликон. К Гринбергу. К спекулянту. "Москва". У Белицкого. За покупками. Обедать. Домой. Веч<ером> — Клуб писателей (Белый, Зайцев, Муратов, Бердяев, Ремизов, Лурье, Юшкевич, Эренбург).

26, воскр<есенье>. В 2 часа в Сааров. Веч<ером> у Горького.

27, понед<ельник>. Гулял. / Гулял, Максим. Веч<ером> у Горького (карты: он, я, Максим).

27, вторн<ик>. Чернов.

29, среда. Веч<ером> у Горького (вдвоем).

30, четв<ерг>. Ракицкий. Веч<ером> у Горького (Ракицкий).

1 дек<абря>, пятн<ица>. Веч<ером> у Горького (карты).

2 дек<абря>, суб<бота>. Веч<ером> у Горького (карты).

3, воскр<есенье>. Каплун. Веч<ером> у Горького (карты).

4, понед<ельник>. Веч<ером> у Горького (карты).

5, вторн<ик>. Веч<ером> у Горького (карты).

6, среда. Белый и Вишняк. Веч<ером> пьянство.

7, четв<ерг>. Вишняк и Белый. Днем с Белым у Горького. / Веч<ером> — пьянство. (Получил Тяжелую Лиру).

8, пятн<ица>. Вишняк уехал. Белый.

9, суб<бота>. В час уехал Белый. Веч<ером> у Горького.

2. Тургенева Анна Алексеевна (1890-1966) — первая жена А.Белого.

3. Кусиков Александр Борисович (наст. фам. Кусикян, 1896-1977) — поэт, приехавший в Берлин в командировку и оставшийся в Германии, в 1926 переселился в Париж. В «Новой русской книге» (1922. №3) писал в рубрике «Писатели о себе»:

Обо мне говорят, что я сволочь,
Что я хитрый и злой черкес,
Что кротость орлиная и волчья
В подшибленном лице моем
и профиле резком.

С гордостью сообщал он, что был военным комиссаром города Анапы, в 1919 г. сформировал первый советский конный полк. «Имею недвижимость: бурку, бешмет, башлык, папаху и чувяки. Жены нет, но детей имею: дочь — шашка, сын — кинжал, приемная дочь — винтовка, приемный сын — пистолет. Единственный и верный мой друг — конь. <...>

Что больше всего люблю?

Вздрыбленную Русь, маму и стихи свои... (С.43-45).

4. В «Некрополе» (очерк «Белый») Ходасевич так объяснял трагический узел проблем, которые привели Белого в Берлин: «Еще в начале 1919 г. он получил уведомление о том, что отныне порываются личные узы меж ним и некоторыми дорогами ему обитателями Дорнаха.

Этого удара он не ожидал, но ему хотелось все-таки объясниться, кое-что выяснить в отношениях. Потому-то и рвался за границу.

Вторая цель поездки, тоже связанная с Дорнахом, была важнее. <...> Ему казалось, что от антропософов вообще и от Рудольфа Штейнера в особенности, что-то в мире зависит. Вот он и ехал сказать братьям-антропософам и их руководителю, «на плече которого некогда возлежал», о тяжких духовных родах, переживаемых Россией, о страданиях многомиллионного народа. Открыть им глаза на Россию почитал он своей миссией, а себя — посланцем от России к антропософии (так он выражался). <...>

Что же случилось? По личному поводу с ним не только не захотели объясняться, но и выказали к нему презрение в форме публичной, вызывающей и оскорбительной нестерпимо. Что касается «посольства», дело обернулось еще хуже. <...> Как бы то ни было, миссию Белого Дорнах решил игнорировать, и сам Штейнер явно уклонялся от свидания...» (с.77, 78). Ходасевич был уверен, что этим объяснялись и пьянство А.Белого, и истерические танцы в берлинских кафе: «то было, конечно, символическое поправление лучшего в самом себе, кощунство над собой, дьявольская гримаса себе самому — чтобы через себя показать ее Дорнаху» (с.89).

5. Многие эмигранты в 1922 г. еще не понимали, что навсегда расстались с Россией, хранили командировки, по которым выехали, но уже начался исход из Берлина: 16 ноября 1922 г. в газете «Накануне» (Берлин) сообщалось: «В Берлине находится и едет вскоре в Италию Хранитель Румянцевского музея П.П.Муратов». 9 сентября 1923 г. уехали в Рим Зайцевы. Ходасевич провожал их, а на следующий день записал в журнале: «Покупки (сундук!)». Меньше чем через месяц он был в Праге, откуда безуспешно пытался выехать в Италию. Павел Павлович Муратов (1881-1950) и Борис Константинович Зайцев (1881-1972) — друзья юности Ходасевича, они вместе начинали литературный путь, вместе затевали газету «Литературно-художественная неделя» (1907), в одно время влюбились в Италию, стали писать о ней. Муратов — автор книги «Образы Италии»; перевод «Божественной комедии» стал делом жизни Б.Зайцева, этого русейшего из прозаиков. К нему Ходасевич обращался с вопросами по Данте, шуточно называя его в письмах «дантистом». В Риме Зайцев и Муратов приняли участие в чтениях, состоявшихся в Институте Восточной Европы, куда съехались также Бердяев, Франк, Осоргин, Вышеславцев. «Мы были пришельцами из загадочной страны. Наша жизнь в революцию для них фантастична. Голод и холод, чтение в шубах об Италии ("Studio Italiano" Муратова), торговля наша в Лавках писателей, книжки, от руки писанные за отсутствием (для нас) книгопечатания, наши пайки, салазки, на которых мы возили муку, сахар, баранину академического пайка — все это воспринималось здесь как быт осады Рима при Велизарии». Рим принял их как гостей, остаться там не смог никто, даже Муратов в конце концов был вынужден вернуться в Париж, где можно было печататься в газетах, издавать русские книги. «Мы, тогдашние гости тогдашнего

Рима, разъехались по домам — кто в Париж, кто в Германию, в Чехословакию» (Зайцев Б. Далекое. Вашингтон, 1965. С.167-168, 177).

6. Редактором газеты «Дни» был А.Ф.Керенский, вдохновителями же и активными сотрудниками — М.А.Осоргин (1878-1942) и Е.Д.Кускова (1869-1958). Ходасевич печатался в газете с 1922 г., а в 1925-1926 гг. вместе с М.А.Алдановым вел литературный отдел.

7. Заведующим издательства «Эпоха» в Берлине был С.Г.Каплун (Сумский); Белицкий Ефим Яковлевич — его шурин и соиздатель. Перед отъездом Гершензона за границу он купил у него рукописи нескольких книг, в частности, рукопись «Пальмиры». В издательстве «Эпоха» вышли книги Гершензона «Ключ веры» (Пг., 1922) и «Судьба еврейского народа» (Пб.; Берлин, 1922).

8. Ходасевич пишет об учредителях и редакторах журнала «Современные записки», которых он публично называл «общественниками, не научившимися разбираться в вопросах искусства» (обсуждение доклада З.Гиппиус «Литература в изгнании» на собрании литературного общества «Зеленая лампа» 5 февраля 1927 г., см.: Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека: (1924-1974). Париж—Нью-Йорк, 1986. С.58).

9. Берберова Нина Николаевна (р. 1901) — поэтесса, прозаик, автор мемуаров «Курсив мой».

16.

1. «Руль» — русская газета, выходившая в Берлине с ноября 1920 г. под редакцией И.В.Гессена, В.Д.Набокова, И.А.Каминки. Здесь печатал свои «Театральные наброски» Ю.Офросимов и стихи В.Сирина, очерки-воспоминания А.Амфитеатров, регулярно публиковались политические фельетоны И.Гессена, А.Кизеветтера и А.Яблоновского, но в целом литературный облик газеты еще не сложился, она носила ярко выраженный ностальгический и политико-наступательный характер. Большинство статей подписаны буквами и криптонимами. В номере от 22 ноября 1922 г. целая страница отдана репортажу «Приезд высланных из Советской России». В декабре появится постоянный раздел «Литературные заметки», который вел Ю.И.Айхенвальд (под псевдонимом «Б.Каменецкий»), начнут собираться постоянные авторы «Руля».

2. «Vossische Zeitung» — берлинская газета.

3. Продолжая письмо-самоотчет Л.Шестову от 23 апреля 1922 г., Гершензон писал: «Первое время — в 18-м году, до половины 1919-го, я писал много — дописывал раньше начатых Пушкина и Тургенева. Обе эти книги посвящаю тебе, они давно вышли. Потом писал мало, только в теплое время: и тут я совсем ушел от русской литературы. Эти годы я много читал, впервые опять так же много, как в годы студенчества, — и должно быть, много думал по-своему, *не думая*. И на многие вещи взглянул иначе; этот тяжелый опыт жизни, которого вы, в эмиграции, не вкусили, был серьезной школой. В результате я долго корпел над Ветхим Заветом, и наконец написал статью или книгу «Ключ веры».

Она печатается теперь книжкой в Петербурге. Потом (и еще в то же время) еще дольше носился с сумасбродной мыслью, и три года читал-читал по первобытной культуре, о диких народах, и надолго зарылся в сравнительное языкознание, — и наконец, написал книгу «Гольфстрем». Она печатается теперь в Москве, в возродившемся издательстве «Шиповник». Потянуло меня к истокам, в даль времен, к корням человеческого духа. Ты меня не бей за это: я нечаянно, сам не думал, а шел, куда тянуло неодолимое чувство, и только в этих занятиях находил удовлетворение. Верно, не я один; когда впервые сам и на ближних познаешь подлинно Голод, тогда сам собою пропадает интерес к «истории литературы» — и Холод, и когда кругом муки еще горшие, и смерть от них. Я и теперь люблю «историю литературы», но только отвел ей место, где ей следует быть, да и наполняю ее другим содержанием» (Минувшее. С.254-255).

4. Немецкий курорт Сааров Гершензон шутливо переделывает в Саров — гамская на обитель Серафима Саровского.

5. Вильдрак Шарль (1882-1971) — французский поэт, прозаик, драматург.

6. Перед отъездом из России в мае 1922 г. Ходасевич привел Н.Н.Берберову в Союз писателей, где читал свои стихи, как она вспоминает, «стихи о любви, и Гершензон, и Зайцев, и Лидин, и Липскеров (не говоря уже о брате «Мише» и его дочери Валентине Ходасевич, художнице) с нескрываемым любопытством смотрели на меня» (Берберова Н. Курсив мой. München, 1972. С.167).

17.

1. Ср. приписку А.Белого на письме С.Г.Каплуна к Гершензону (без даты): «Вас я люблю самой настоящей горячей любовью, чувствую в Вас старшего брата и часто наставника, помню все часы, проведенные вместе.

Не пишу о себе; скажу лишь, что я сейчас веду легкомысленный образ жизни: пью (благостно), веселюсь, учусь танцам и, как змея, меняю шкуру. Приезжайте к нам, все тогда расскажу» (РГБ, ф.746, карт.28, ед.хр.46). Но в письме от 24 февраля 1923 г. А.Белый отбросил нарочито легкомысленный тон: «...Милый, хороший, — было так тяжело эти месяцы, тяжелей, чем когда-либо в жизни; и это ложилось камнем на душу. Казалось, только в словах сумею найти *слова*; и эти *слова* я мысленно произносил, думая о Вас» (там же, ед.хр.48).

2. Рецензия была опубликована в газете «Дни» 26 ноября 1922 г. за подписью «А.Б.». «Гершензон — тонкий знаток Москвы начала истекшего века, — писал Белый, — только он может так воссоздать жизнь эпохи; тончайшей кистью рисует он жизнь, быт и деятелей старой Москвы с центральной фигурой, Ларьей Ивановной Римской-Корсаковой, которую знавали Вяземский, Грибоедов и Пушкин; портрет ее встает перед нами. «Время подобно кинематографу, постепенно все более придвигает ее к нам, ее фигура, приближаясь, растет и растет, и вот в 20-х годах она стоит перед нами во весь свой

рост, вся на виду, до мельчайшей морщинки". Надо быть историком русской культуры, чтобы иметь право сказать так об историческом лице на основании документов; они скрыты от нас. Гершензон на основании документов осуществляет картину; и вот Грибоедовская Москва вплотную придвинута к нам. Гершензон не только историк, он тонкий художник, подобный Сомову, влюбленный в аромат эпохи и умеющий передать этот аромат нам.

Дважды читал я "Грибоедовскую Москву" с одинаковым увлечением (в первом и втором издании). Книга издана изящно и стильно, как и все Геликоновские издания».

18.

1. Ходасевич послал «Тяжелую лиру», выпущенную издательством З.И.Гржебина (Берлин; Петербург; Москва, 1923). Ниже Гершензон цитирует стихи из этого сборника: «совсем иное бытие» — из стихотворения «Ни жить, ни петь почти не стоит...» и «Бог знает, что себе бормочешь, ища пенсэ или ключи» из «Перешагни, перескачи...».

19.

1. В комментариях к публикации писем Гершензона в «Современных записках» Ходасевич отметил: «Это письмо — ответ на приглашение участвовать в журнале "Беседа", посланное одновременно Андреем Белым и мной» (с.228). Приглашение Ходасевича не сохранилось, А.Белый писал о «Беседе» в уже цитировавшемся письме Гершензону от 24 февраля 1923 г.: «Редакторы — Горький и Ходасевич; такой журнал нужен: да не смущает Вас Горький; он — необыкновенно хорош сейчас».

2. Рукопись книги «Пальмира», купленная Е.Я.Белицким, так и не была издана. В «Современных записках» опубликованы два эссе, входившие в нее: «Пальмира» и «Человек, одержимый Богом» (1922. Кн.ХІІ). Вернувшись в Россию, Гершензон сообщал Л.Шестову 3 января 1924 г.: «В книге моей — "Пальмира" — цензура вычеркнула так много, что издать ее невозможно» (Минувшее. С.294). Сохранилась машинопись и отдельные статьи. Книга подготовлена к печати В.Проскуриной.

20.

1. В марте 1923 г. вышел №1 журнала «Беседа». Открывался он стихами Ходасевича, здесь были напечатаны также поэма Н.Чуковского «Козленок», стихи Н.Берберовой, пьеса Л.Лунца «Вне закона», рассказ «Отшельник» и «Заметки о Л.Толстом» М.Горького, четыре письма из книги В.Шкловского «Зоо» и статья А.Белого «О "России" в России и о "России" в Берлине».

21.

1. В комментариях Ходасевич объяснил: «Собираясь печатать свою работу "Поэтическое хозяйство Пушкина", я написал М<ихаилу> О<сиповичу>, прося разрешения поставить эпиграфом две строки из его давнишнего письма (еще 1915 г.): "Я не знаю

большой радости..." и т.д. Это — ответ на мою просьбу» (с.232). «Поэтическое хозяйство Пушкина» было опубликовано в журнале «Беседа»: №2 (июль-август; с эпиграфом «Из письма М.О.Г.») и №3 (сентябрь-октябрь) за 1923 г. и №5 за 1924 г.

2. В мае 1923 г. Ходасевич приезжал в Берлин повидаться с Гершензоном, о чем свидетельствуют записи в «камерфурьерском журнале»:

«15, втор<ник>. В 7 утра — в Берлин. <...> К Гершензону (Белый). В кафе (Каплун). Ночевал у Каплуна.

18, пятн<ица>. В 7 утра — в Берлин. В кафе. В миссию. В банк. В Эпоху. К Жене. В кафе. К Гершензону (А. Белый). В 7 веч<ера> — в Saarow'e».

В августе, очевидно перед отъездом в Москву, Гершензоны переехали в Берлин, их почти ежедневные встречи с Ходасевичем также отражены в «камерфурьерском журнале»:

«1 августа, среда. В Книгу. В кафе. / Оболенская. — Гершензоны. Амфитеатров — Бахрах. С ним в рестор<ан>».

2, четв<ерг>. На почту [В нов<ую> Рус<скую> книгу]. На почту. / Мария Игн<атьевна>. Веч<ером> дома.

3, пятн<ица>. У Гершензона. / У Гершензона. / Гершензон, Бахрах. / Веч<ером> в рестор<ан> (Муратов)

4, суб<бота>. Веч<ером> у Гершензона.

5, воскр<есенье>. Кикимора со стихами. У Гершензона. Бахрах. У Амфитеатрова (Немирович).

6, понед<ельник>. У Гершензона (Шестов). Веч<ером> дома.

7, вторн<ик>. В банк. В Эпоху. / В кафе, гуляли. / Бахрах. С ним у Ремизова и в кафе.

8, среда. Осоргин — Кадашев — Антокольский. Гершензон. — Кадашев, Осоргин, Бахрах. Веч<ером> в рус<ском> рестор<ане> (Осоргин, Бахрах).

9, четв<ерг>. Бахрах, Гершензон. — В "Дни". В библиотеку. / Антокольский — Гуляли. / Гершензоны (4). Веч<ером> — Гершензон (Завтра он уезжает рано утром)».

У Гершензона была возможность прожить за границей еще несколько месяцев: Л.Шестов собрал для него деньги. Но Гершензон принял решение, о причинах которого написал Л.Шестову 16 июля 1923 г.: «Посмотрел я жизнь наших в Берлине — Ловцких, Ремизова, Лазарева и др.: не многим легче московской (я говорю только о внешнем). И притом призрачно, пустынно, одиноко. И странно: после всех жалоб, все без исключения настойчиво советовали мне не ехать в Россию, особенно Ремизов, — и притом аргументировали все только от внешнего» (Минувшее. С.288). Ловцкий Герман Леопольдович — шурин и друг Шестова — помогал семье Гершензона в Германии, см. о его отклике на смерть Гершензона в примеч. 1 к Приложению.

Ходасевич понимал и принимал решение друга, но многими эмигрантами отъезд Гершензона был воспринят как переход в политический стан врагов, «большевицкий» выбор. Б.Зайцев в очерке «М.Гершензон», не скрывая неприязни, вопрошал: «Что могло нравиться Гершензону в советском строе? Быть может, то, что вот ему, нервно-путаному, слабому,

но с глубокой душой, “тип” в полушубке даст по затылку? Что свирепая, зверская лапа сразу сомнет и повалит все хитросплетение его умствований? <...> Гершензон не раз плакался на перегруженность культурой. В нем была древняя усталость. Все хотелось прикинуть к чему-то сильному и свежему. Истинно свежего и истинно-здорового он так и не узнал, все лишь мечтал о нем в подполье. И, стремясь к такому, готов был принять даже большевистскую “силушку” — лишь за то, что она первобытно дика, первобытно яростна, не источник жучком культуры» (Зайцев Б. Далекое. М., 1991. С.427-428).

Гершензон не знал одного — что возвращается не в ту страну, из которой уехал, что частные издательства уничтожены, а свободным писателям здесь нет ни места, ни дела.

24.

1. Немирович-Данченко Василий Иванович (1844-1936) — прозаик, в 1922 г. приехал в Берлин, затем переехал в Прагу, одно время был председателем Союза русских писателей и журналистов Чехословакии. См. о нем в публикации Д.Мальмстада «Ходасевич В.Ф. Переписка с А.В.Бахрахом» (Новое литературное обозрение. 1993. №2).

2. Чешско-русская Еднота — Общество культурных связей Чехии с Россией, помогавшее писателям-эмигрантам.

3. Ср. в письмах к А.И.Ходасевич из Рима: «Я заехал на минутку в Венецию, огорчился тем, что и она, и я постарели и продрог от холода» (25 марта 1924 г.); «В Италии мне было действительно не по себе, и физически, и морально. Самое тяжелое, кажется, заключается в том, что кругом все важно и великолепно, хочется (и нужно) смотреть, — а станешь смотреть — “глаза не глядят”, и думается все “не о том”» (24 апреля 1924 г.).

4. Скуола ди Сан Рокко — двухэтажное здание братства святого Рокко и церковь, которые расписывал Якопо Тинторетто; сохранилось несколько десятков полотен и плафонов: «Распятие», «Христос перед Пилатом», «Благовещение», «Мария Египетская», «Сбор манны», «Моисей источает воду из скалы» — сюжет, который нашел отражение в стихотворении Ходасевича «Моисей» (1909-1915).

На молодого Ходасевича Тинторетто произвел огромное впечатление во время первой поездки в Италию летом 1911 г.; имя художника упоминается в фельетоне «Ночной праздник: Письма из Венеции» Московская газета. 1911. 16 августа). В стихотворении «Вечер» (1913) поэт любовно перенес сюжет картины Тинторетто «Бегство в Египет» — в творчестве Ходасевича случай не частый. Ходасевич сознательно отталкивался от чувственно-зрительных, цветовых образов, сам себе наказывал: «Не надо красок. Сделать гравюру» — это в черновой тетради, рядом со стихотворением «Хлебы» (БП. С.382).

И в 1918 г., возвращаясь к итальянским впечатлениям, набрасывая в тетради план стихотворения, вспоминал Тинторетто, его портреты, освобожденные от мелкого психологизма, выступающие из своего времени: «одни глаза», — как писал Ходасевич. См.

статью Н.А.Богомолова «История одного замысла» (Русская речь. 1989. №5).

Почему Тинторетто произвел на Ходасевича столь сильное впечатление, ответ на этот вопрос мы частично находим в неопубликованном рассказе Бориса Грифцова, приятеля и спутника Ходасевича тех дней по Венеции, ставшего историком литературы, переводчиком. Рассказ «Дни в Венеции» Грифцов посвятил Владиславу Ходасевичу.

«Дни, посвященные Тинторетто, — дни радостного изумления. Только с трудом хватает сил для того, чтобы сжиться с его живописью, с его сплошным беспокойством, непрекращающейся тревогой. Он, седобородый мудрец, подлинно видел Бога всемогущего и сурового. Его долго водил по “пустыне истории” огненный столб, для него поднималась лестница к небу, по которой так беспокойно мечутся силы ангельские. Бурно благовещенье, беспокойно рождество, вихрь выбрасывает воскресающего Христа из могилы с такой силой, что ангелам пришлось пригнуться к земле, и тревога, такая ужасная тревога, в Тайной Вечери. Это не последний мирный час, но уже предчувствие Распятия, недоумение, растерянность учеников. А иногда прямо истерически разбросаны тела. Убийство младенцев, изжаждавшиеся евреи в пустыне. И Бог, пролетающий с сонмом ангельским в туче над землей. Так неустанно отдаваясь буре и тревоге — прожить всю свою жизнь. Не только прожить, но и воплотить. Такой вселенной и такого Бога хотел бы он, если даже они иные на самом деле. Но вот что всего непонятнее: он знал также, как тревогу преодолеть, как из нее создать произведение искусства. Над распластанными телами Моисей высек великолепную струю воды из скалы, и ее плавная линия разрешила тревогу гармонией. Или — вот еще — вдруг разорвутся тучи, и в просвете — бегство в Египет — великолепный спокойный пейзаж, как правильно распределены деревья, как царственна даль, впереди чуть-чуть грустная Мария. <...> Зная про бурю, зная, что вновь, сейчас же возможны страшные вихри, как можно залюбоваться Ариадной? Откуда взять сил? И Тинторетто кажется титаном, царем давно закрытого для смертных царства. Съеживаешься робко, в глаза его портрета совестно смотреть. Библейские времена, огненные столбы, вода, вытекающая из храма, страшные небесные видения — вот чем он питался, что мог преодолеть» (РГАЛИ, ф.2171, оп.1, ед.хр.13).

5. Неизвестный вариант первой строки стихотворения «По залам прохожу лениво...». Есть различия и в пунктуации. Впервые: Звено. (Париж) 1924. 8 декабря.

6. Судя по «камерфурьерскому журналу», Ходасевич и Берберова 1 августа 1924 г. приехали в Лондон, 2-го были в Белфасте, 26 сентября вернулись в Париж.

Свое житье в Холливуде Ходасевич описал в письме Борису и Вере Зайцевым от 2 августа 1924 г.: «Здесь (тьфу, тьфу, тьфу!) очень хорошо. Пейзаж похож на Крымский возле Феодосии. Мы живем в верхнем этаже, в окно видны небольшие горы и кусок моря. Кругом зелень — жирная, потому что

дождь идет 365 дней в году, только в высокоосный бывает один день солнечный. Он был вчера. Нынче льет и будет лить до нашего отъезда. Это очень хорошо, т<ак> к<ак> не надо ходить гулять. Кажется, мы потолстеем. Здесь кормят 4 раза в день, встают в 8, ложатся в 11. Родственники вдребезги милы и вдребезги богаты. В доме штук 15 комнат, две детские и т.д. Имеются няньки, лакеи, горничные, подгорничные и надгорничные. Коровы и автомобили дают молоко. В саду растет капуста, салат, розы и другие овощи. Берберова целый день целуется с матерью, а я сплю» (ф. Б.Зайцева, Бахметьевский архив, Колумбийский университет).

7. Книга «Поэтическое хозяйство Пушкина» вышла в России в издательстве «Мысль» в 1924 г. Ходасевич писал по поводу этого издания А.И.Ходасевич: «Книга моя, действительно, совершенно изуродована, до того, что стыдно. Но — будь, что будет. Прости, но меня ты в этом напрасно укоряешь. Я попросил тебя только *подыскать* издателя, а не давать ему отписки из «Беседы» для набора. Если бы ты подождала получения рукописи, то набор был бы сделан с *исправленного и дополненного мною текста*. Угнетает меня не то, что книга сокращена, а то, что к множеству печаток «Беседы» прибавлена уйма новых, а также то, что в *напечатанных* заметках нет вставок и дополнений, сделанных мною. (Об ужасной обложке я уж не говорю). <...>

Неужели, если не ты, то хотя бы Верховский не мог прочитать корректуру. В былое время я два вечера просидел над корректурой его книги о Дельвиге и по целым часам слушал его слонеты» (10 июля 1924 г.)

В этом же письме Ходасевич просит послать от его имени книгу Гершензону, Цявловскому, Лернеру.

8. Цявловский Мстислав Александрович (1883-1947) — историк литературы, пушкинист. 22 июня 1925 г. Ходасевич писал о нем в письме к А.И.Ходасевич: «Цявл<овский> единственный человек после смерти Гершензона, которого очень люблю и ценю». Он издал «Письма к брату» М.Гершензона (М., 1927), а к первой годовщине смерти М.О.Гершензона выступил на литературной секции ГАХН^а с сообщением «О неизданных письмах Гершензона» (Бюллетени ГАХН. 1926. №4/5).

25.

1. «В начале 1924 г. я написал Гершензону, но не получил ответа: очевидно, и он мне написал, но его письмо пропало», — комментировал Ходасевич эти строки в «Современных записках» (с.233).

2. См. книгу М. Гершензона «Жизнь В.С.Печерина» (М., 1910).

3. Имеется в виду книга: Иванов Вяч., Гершензон М.О. Переписка из двух углов. Пб., 1921.

4. См. в письме к Л.Шестову от 4 июня 1924 г.: «“Событие” у нас — приезд Вяч<еслава> Ив<ановича> — 6 июня — 125-я годовщина рождения Пушкина; по этому случаю общ<ество> Любит<елей> Рос<сийского> Слов<есности> устраивает в Большом театре грандиозный вечер — и выписало Вяч<еслава>

Ив<ановича> для произнесения речи. Он согласился и дней 5 назад приехал один. Хорош, как давно не был: молод, свеж, бодр и светло настроен — очарователен; и весь блеск прежнего великолепия знаний, памяти, чудесного произнесения иностранных фраз и цитат, и тонкость, и сложность афоризмов; и так как принимают его всюду царственно, то окрылен и весело возбужден, и каждого окутывает волной ласки и доброты; словом, Крез-триумфатор, лучезарный Ра, или тому подобный. Нет, правда, в высшей степени обаятелен и удивителен» (Минувшее. С.300-301). 8 августа 1924 г. Ивановы выехали за границу: несколько дней провели в Берлине, затем уехали в Рим. Ходасевич увиделся с Вяч. Ивановым в апреле 1925 г., когда отправился в Венецию—Турин—Рим с Н.Берберовой и Валентиной Ходасевич, своей племянницей: 19 апреля встреча произошла у Муратова, 20 — с Вяч. Ивановым и Муратовым они были у Синьорелли.

5. Чулков Георгий Иванович (1879-1939) — писатель, брат А.И.Ходасевич.

6. №1/2 историко-литературного временника «Атеней» вышел в 1924 г. См. там статью Гершензона «Пушкин и Батюшков».

7. В комментариях к письмам в «Современных записках» Ходасевич писал: «Я доказывал, что стихотворение “Куда же ты?” — В Москву», которое во всех собраниях сочинений Пушкина печатается как самостоятельная пьеса, в действительности есть конец стихотворения “Румяный критик мой”, которое все редакторы печатали без окончания» (с.234).

8. В журнале «Современные записки» (1924. Кн.ХХ) опубликована статья Ходасевича «“Русалка”: Предположения и факты», в которой исследователь выдвигал предположение, что в сюжете «Русалки» отразилась реальная история, что осенью 1830 г. Пушкин «судил себя страшным судом» за соблазненную и погубленную жизнь, что тема эта продолжена стихотворением «Яныш-Королевич», «мнимо-переводной вещи»: «Полюбил королевич Яныш молодую красавицу Елицу...». Версию Ходасевича оспаривал П.Е.Шеголев в книге «Пушкин и мужики» (М., 1928): «Так вот какое откровение дано нам Ходасевичем! Откровение, как известно, не нуждается в доказательствах, и их нет, конечно, у нашего фантаста. <...> И даже отсутствует главная улика — нет трупа девушки. Преступление Пушкина, конечно, результат досужего вымысла и распущенного воображения Ходасевича» (с.57). Позже Ходасевич и сам писал А.И.Ходасевич о своей статье «Да и я недоволен ею: буду переделывать» (22 июня 1925 г.) Наиболее полно тема «Пушкинист Владислав Ходасевич» освещена во вступительной статье и комментариях И.З.Сураг к трехтомному собранию статей В.Ходасевича о Пушкине, вот уже несколько лет не могущему найти издателя, см.: De Visu. 1992. №0. С.78-79.

9. Сергей Львович Пушкин.

10. Статья М.Гершензона «Тень Пушкина» первоначально была опубликована в журнале «Искусство» (1923. №1).

26.

1. К.Федин не опубликовал письма Ходасевича. «Книга и революция» — журнал, в котором Ходасевич продолжал печататься под псевдонимами и криптонимами: «Ф.Маслов», «Ф.М.», «В.Х.» — к тому времени закрылся. «Письмо в редакцию» по поводу издания «Поэтического хозяйства Пушкина» завершает № 6/7 «Беседы» за 1925 г. Написанное 9 августа, письмо прислано из Холливода и охватывает, по пунктам, полный свод ошибок, искажений, опечаток. Кончалось письмо словами: «Все эти безобразные искажения, пропуски и прибавления, которые не могу иначе назвать, как наглými и умышленно-издательскими, заставляют меня отказаться от всякой ответственности за эту книгу в том виде, в каком она напечатана книгоиздательством «Мысль»» (с.479).

2. Некоторые из названных статей появлялись в периодической печати («Молитва Иосифу» в «Воле России» (Прага), 1924, №1/2), другие вошли в книгу В.Ходасевича «О Пушкине» (Берлин, 1937).

3. На обороте Н.Н.Берберова сделала приписку: «Почти ничего до нас не доходило из московской жизни. Здесь люди живут слегка вразброд (по сравнению с прошлым годом), внешне — рассыпались по городам, внутренне — утратили большую долю благодушия, ибо жить стало сложнее».

27.

1. Комиссия по улучшению быта ученых.

2. «Заработок у нас теперь один — служба; печатать ничего невозможно, а заработной литературной работы, как редактирование и т.п., даже перевода, кроме беллетристики, нельзя найти, — жаловался Гершензон Л.Шестову в письме от 28 октября 1924 г. — Я до половины приготовил том неизданных материалов, как «Пропилеи», но при всех стараниях не могу найти издателя; да частных издательств почти нет. Из старых писателей много получает один А.Толстой. Сологуб не бедствует, потому что один, и потому что получает госуд<арственной> пенсию; ее не хватает на жизнь, и он исполняет заказы: по заказу Гос<ударственного> изд<ательства> перелагал Шевченко в русские стихи, ругая Ш<евченко> на чем свет стоит. У него тяжелая болезнь сердца и он очень раздражителен. <...> Новиков, Чулков и др. бедствуют» (Минувшее. С.307-308).

3. Майя — вероятно, Мария Павловна Кювилье (1895-1985) — поэтесса и переводчица, которую Ходасевич хорошо знал по «коктебельским временам».

4. В письме к тому же Л.Шестову от 14 февраля 1925 г. Гершензон описывал нищенское житие Верховского: «Живет он впроголодь; готовит и сдает по частям для Гос<ударственного> Изд<ательства> сочинения Пушкина, но платят ему так мало и так трудно, что не каждый день и обедать можно; а семье он может посылать столько, что они там втроем живут на 40 коп. в день. Он у нас часто бывает, мы его очень любим... <...> А у Верховского в комнате — ужас: постель, стол с наваленными книгами и

бумагами, с табаком и окурками на книгах и всюду, низко, грязный потолок, холодно и не проветрено, — до потолка стоит он сам, огромный, лохматый, с милой улыбкой в чаще бороды и усов. Чаю не пил, Майя сегодня не вставала, пойдет обедать. Не знаю, есть ли под этим смятым одеялом простыни, но на подушке наволочка страшная, черная от грязи; оказывается — одна, переменить нечего. Говорю: дайте в стирку, а пока покройте подушку полотенцем; оказывается — и полотенца нет. Больше я не решился расспрашивать. Так вот, я раздобыл 5 руб. и теперь купил ему 2 готовых наволочки, 2 полотенца и 2 носовых платка, — потому что он как-то упомянул, что у него 1 носовой платок. Одежда на нем оборванная, — нищий да и только. А ведь он прив<ат>-доц<ент>, с большими знаниями по франц<узской> и русской литературе, талантливый поэт — и необычайной чистоты человек» (с.310).

28.

1. 9 октября 1924 г. из Италии Ходасевич и Берберова приехали в Сорренто. 16 ноября Ходасевич записывает в «камерфурьерском журнале»: «переезд в «Il Sorito». В апреле 1925 г.: «18 апр<еля>, субб<ота>. В 9.20 из Сорренто. С Валей. В 8 ч. в Риме. / К Муратову. В рус<скую> церковь. В кафе. 22 апреля 1925 г. они переезжают в Париж, навсегда расставшись с М.Горьким.

2. Коковцев Владимир Николаевич (1853-1943) — граф, министр финансов России в период 1904-1914 гг., крупный банкир. Эмигрировав в Париж, продолжал заниматься банковской деятельностью.

3. В 1924 г. в Париже была куплена бывшая немецкая церковь на пожертвования, о которых постоянно сообщали «Последние новости», «Вечернее время» и «Русская газета». Летом 1925 г. здесь был открыт Богословский Институт: из Сербии приехал епископ Вениамин, назначенный на должность инспектора; из Праги — протоиерей Сергей Булгаков. См. статью М.Осоргина «Воспоминания о приобретении Сергиевского Подворья» (Вестник РХД. 1987. №151. С.249-273).

4. Очерк Ходасевича «Брюсов» напечатан в «Современных записках» (1925. Кн.ХХIII).

Приложение

1. Умер Гершензон 19 февраля 1925 г. О смерти его Ходасевич узнал из московских газет. В эмигрантской печати раньше других откликнулся «Руль», где очерк о Гершензоне написал Ю.Айхенвальд (25 февраля 1925 г.) В газете «Дни» опубликовал заметку Г.Ловцкий: «Как на испытание Божье смотрел он на опустошение, вызванное в душах значительных слоев нашей интеллигенции и грехами старого режима, и изошренностью рационалистической культуры; в пылу отчаяния ему могло казаться, что этот самум пронесется над целым его народом: «пусто в сердце и слишком ясно в уме». Но он верил, глубоко верил, что и из этого испытания, самого тяжкого, его народ выйдет с обновленной верой, потому что его духовный голод всего жгучей» (28 февраля 1925 г.) 1 марта

1925 г. в парижских «Последних новостях» появилась заметка «Похороны М.О.Гершензона», перепечатанная из газеты «Известия»:

«22 февраля в Москве состоялись похороны М.О.Гершензона. На гроб покойного, находившийся в большом конференц-зале Академии Художеств, возложены были венки от Российского общества любителей русской словесности, от Академии наук, союза писателей и всех московских литературных организаций и объединений.

Похоронная процессия остановилась у дома, где жил и скончался М.О.Гершензон — в Никольском пер., 13. Проф. Н.К.Пиксанов произнес посвященную его памяти речь. О роли М.О.Гершензона как

историка русской литературы, замечательного мастера слова, художника и учителя говорил у ворот Брюсовского института проф. Л.П.Гроссман.

М.О.Гершензон похоронен на литераторских мо-стках Ваганькова кладбища.

2. Обе статьи вошли в сборник Гершензона «О Пушкине» (1926).

3. Первая строчка стихотворения Ходасевича «Вечер»: «Красный Марс восходит над агавой...» («Счастливый домик», 1914).

Публикация, подготовка текста, пре-дисловие и примечания Инны Андреевой.

М.А.Волошин

Письма С.Ф.Платонову

Знакомство М.А.Волошина с академиком С.Ф.Платоновым произошло весной 1924 г. Поэт приехал в Ленинград после длительного перерыва, вызванного революцией и гражданской войной. В то время, читая стихи, выступая на вечерах, он находился в центре всеобщего внимания. Встречи следовали одна за другой. Однако знакомство с С.Ф.Платоновым не было случайным. С одной стороны стоял поэт, испытывавший глубокое уважение и интерес к русской истории, с другой — известный ученый, признанный авторитет в своей области, создатель крупной научной школы.

Публикуемые письма относятся к 1924–1929 гг., времени, когда политическая атмосфера в стране постепенно сгущалась. Закрывались частные издательства, вводилась жесткая цензура. Вынужденное сокращение штатов и ограничение финансирования мешали работе научных обществ и организаций, сформированных в основном до революции. Частью официальной политики становилось недоверие к старой интеллигенции. Новое государство в лице своих органов обрубало любые корни, связывающие прошлое и современность, будь то творчество Волошина или исторические исследования Платонова.

Настоящей борьбой с современной тенденциозностью проникнута книга Платонова о Петре Великом, вызвавшая у Волошина живой интерес. Однако уже публикация книги встретила серьезные трудности. Весной 1925 г. цензура запретила издание. Тщетным оказалось специальное обращение Президиума Академии наук в Главное управление по делам литературы (Главлит). Только с помощью Д.Б.Рязанова, знакомого Платонову по организации архивного дела, в то время — директора Института К.Маркса и Ф.Энгельса, историк получил надежду увидеть свой труд в печати. Разбирательство шло в течение года. В декабре из Москвы пришло сообщение, что «Петр Великий» пропущен без всяких перемен, «ни одного слова не будет изменено»¹. Тем не менее весь тираж оказался под арестом, а когда книга все же дошла до читателя, в дело включилась пресса. «Интересен ли нам Петр Великий, — задавал вопрос автор одной из рецензий, — да и велик ли этот Петр?» Здесь же достаточно прозрачно указывалось, что позиция, занятая Платоновым, способна внушить «солидные подозрения»².

Стихи Волошина оценивались более определенно. «Поэтической контрреволюцией» назвал их в 1923 г. журнал «На посту»³. Выступив против передержек и подтасовок, окруживших его имя, Волошин писал: «Стихи мои... далеки от современных политических и партийных идеологий: они сами сумеют себя отстоять и очиститься от лжепонимания». Но преследования не прекратились. Одновременно с запре-

том книги Платонова Волошин публикует сокращенный вариант поэмы «Россия»⁴, сюжет которой охватывает два века русской истории, начиная с Петра Великого. Однако в размышлениях поэта над историческими судьбами России критика увидела лишь «космический национализм с безликим и глухим духом истории»⁵.

Изменения, происходившие по всей стране, затронули в 1929 г. и Академию наук. В августе началась «чистка», причем особое внимание уделялось дореволюционной деятельности сотрудников. Списки предназначенных к увольнению пресса окрестила «парадом бывших»⁶. В основном «вычищали» гуманитариев, а главный удар наносился по подразделениям, которые возглавлял Платонов: Библиотеке Академии наук, Пушкинскому Дому, Археографической комиссии. Осенью, под предлогом «незаконного хранения» в этих учреждениях ряда документов, которым власти придали преувеличенное значение, Платонову было предложено оставить все занимаемые в Академии административные должности. Отчаявшись в возможности оправдаться, 8 ноября он подал в отставку. Началась новая волна увольнений, затронувшая ближайших сотрудников и друзей ученого. Обвинения в их адрес несли на этот раз политический подтекст. Так, основанием для увольнения заместителя Платонова по Археографической комиссии В.Г.Дружинина послужило заявление, что он якобы являлся до революции личным информатором министра внутренних дел В.К.Плеве. С конца октября начались аресты⁷.

«Дело академика Платонова» готовилось на самом высоком уровне и развивалось параллельно курсу «советизации Академии наук». Уже в январе 1930 г. постоянный представитель ОГПУ по Ленинградской области санкционировал арест группы известных историков. Платонов был в их числе. Ученому предъявили бредовое обвинение в связях с немецким Генеральным штабом для организации монархического переворота. Следствие длилось несколько месяцев. Аресту подверглись три академика (Н.П.Лихачев, С.Ф.Платонов, Е.В.Тарле), их ученики, сотрудники и знакомые. Привлечение к следствию Центрального бюро краеведения — организации, имевшей отделения в различных уголках страны, — придало «делу» всесоюзный размах. Тем не менее подготовка к показательному процессу была свернута. Решение приняла коллегия ОГПУ. Платонов отбывал пятилетний ссылку в Самаре, где скончался в начале 1933 г., пережив Волошина на полгода.

Жизнь в Крыму не спасала Волошина от «бурана сплетен, клеветы и наговоров». Местный совет с раздражением относился к «кипению жизни» в кокетельском доме поэта, когда он наполнялся литераторами, художниками, учеными, приезжавшими к Волошину на летние месяцы. Много раз ему грозило выселение. Обстановка враждебности затра-

гивала и соседей по Коктебелю. Не мог Волошин спокойно относиться к травле интеллигенции, узнавая об увольнении и арестах своих знакомых и друзей. В декабре 1929 г. он перенес инсульт. Творчество поэта практически прекратилось.

Знакомство Волошина и Платонова переросло в настоящую дружбу. Исследования Платонова прямо или косвенно становились источником его исторических тем. Ученый был одним из первых ценителей и критиков их поэтического воплощения. Но на протяжении семи лет, вобравших взаимное стремление двух людей друг к другу, им так и не суждено было встретиться во второй раз. А последние слова, обращенные Поэтом к Ученому, вобрав в себя простоту человеческой благодарности, прозвучали одновременно пророческим прощанием: «Спасибо и простите».

Публикуемые ниже тексты Волошина исправлены в соответствии с современной орфографией и пунктуацией. Тексты взяты из личного архива академика Платонова, хранящегося в Отделе рукописей Россий-

ской национальной библиотеки (б. Государственная публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина), ф.585, ед.хр.2556, л.1-13. За пределами публикации остались четыре письма-приглашения С.Ф.Платонову на отдых в Коктебель (от 2 и 19 сентября 1926 г. и 12 и 20 августа 1929 г.)

1. Изложено по архивным материалам: РНБ. ф.585, ед.хр.4696, л.14, 18, 36; там же, ед.хр.745.
2. Вечерняя Москва. 1926. 7 мая.
3. На посту. 1923. №4. С.151-164.
4. Недра. М., 1925. Кн.6. С.71-78.
5. Красная новь. 1925. №3. С.289.
6. Ленинградская правда. 1929. 13 августа.
7. Колобков В. Сергей Платонов: Год накануне ареста // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры в собраниях и архивах ГПБ: История России XIX-XX вв.: Сборник научных трудов. Л., 1991.

1.

1.VI.1924
Коктебель

Многоуважаемый Сергей Феодорович,

с громадным удовольствием дал у себя приют¹ Гавриилу Павловичу Кондратенко² — т<о> е<сть> комнату с двумя кроватями. За комнату никакой платы и никаких взносов не полагается. Бесплатного стола к сожалению не могу предложить. Но у меня организовалась это лето на даче коммунальная столовая. Обед обходится около 80 к<опеек>. Пансион — 2 р<убля> в день. Лето обещает быть очень людным. Потому рекомендую выехать или немедленно (чтобы застать комнату), или в сентябре — когда вообще публика схлынет (а погода прекрасная).

М<ожет> б<ыть> Вы сами, Сергей Феодорович, если Вас занесет на юг, навестите меня в Коктебеле? Летом, боюсь, все будет переполнено до отказа, но осенью станет просторно и тихо. Для меня бы это была величайшая радость³. Не знаю как благодарить Вас за то счастье, которое Вы доставили мне, направив меня к В<асилию> Г<ригорьевичу> Дружинину⁴.

«Книжица» Аввакумова⁵ в С<анкт->П<етер>б<урге> и Владимирская Богоматерь в Москве⁶ — это было самое сильное из всего⁷, что мне удалось повидать теперь на севере после 7 лет отсутствия⁸. А беседа с Василием Григорьевичем о Расколе⁹ раскрыла еще новые истоки вдохновения и восторга пред русской историей.

Большое спасибо за тексты Аввакума¹⁰.

Ваши «Очерки по истории Смуты»¹¹ давно служат мне настол<ь>ной книгой. И я не оставляю мысли дать географическую картину Московского царства в поэтической форме по образцу «Tableau de la France» Мишле¹², на основании первой главы Ваших «Очерков»¹³.

Сейчас Русская Революция необыкновенно приблизила и осветила до четкости поразительной отошедшие эпохи и приковала меня к Русской истории, которой я раньше (как Парижанин¹⁴, как слушатель Gaston Paris и Andre Michel¹⁵) был чужд. Моя довольно обширная библиотека¹⁶ в Коктебеле состоит исключительно из французских изданий и очень бедна русскими книгами. А последние семь лет усобицы я был совершенно отрезан от севера, от книг, от нов<ых> изданий. Поэтому Ваш подарок¹⁷ и книги, присланные мне Археографической Комиссией¹⁸ по предательству В<асилия> Г<ригорьевича> Дружинина (оттиски из XIII тома¹⁹), являются для меня насущной пищей. Во время поездки моей теперь в центр, я очень мало успел узнать нужного для себя, потому что был разрываем на части²⁰, и мне приходилось читать стихи иногда по 18 час<ов> в сутки, переходя из дома в дом. Поэтому простите меня,

Сергей Феодорович, если я попрошу Вас указать мне те из Ваших книг²¹, вышедших за последние годы (с начала войны), которые могли бы мне быть полезны и необходимы для моих работ.

Г<авриилу> П<авловичу> Кондратенко же прошу передать, что жду его к себе, но также и то, что здесь в Коктебеле он найдет не цветущую Тавриду, а голую, суровую, обожженную Киммерию²², приближающуюся не к Итальянскому, а Греческому пейзажу.

Максимилиан Волошин.

Почт<овый> адрес: Феодосия, д<ом> Айвазовского.

2.

17.VI.1926
Коктебель

Глубокоуважаемый Сергей Феодорович,

большое спасибо за Ваше внимание и брошюру о «Великобританском монастыре»¹, которая служит таким ценным пополнением к Вашей книге о Петре В<еликом>² (изд<ательство> Время, 1926), которую внимательно штудирую эти дни. Буду с радостью ожидать Вашего сына³. Но было бы удобнее, если бы он приехал не в августе (слишком перегруженный людьми месяц), а в сентябре. Но если ему нужна не отдельная комната, а место для ночлега и опорный пункт для прогулок — то милости прошу в любое время. К первому сентября, обычно, главная масса летних гостей разъезжается, и тогда я имею возможность предоставить более удобное помещение. И если Вы когда-нибудь соберетесь сами в Коктебель, то советую Вам это сделать или в мае, или в сентябре-октябре, чтобы Коктебель не показался Вам слишком шумным⁴. Письмо Ваше попало ко мне слишком поздно, и ответ мой верно не зас<та>нет уже Вас в С<анкт->П<етер>б<урге>⁵, но я надеюсь, что Ваш сын прочтет его и потому отвечаю открыткой.

Максимилиан Волошин.

3.

18.IV.1927
С<анкт->П<етер>б<ург>

Многоуважаемый Сергей Феодорович,

Судьба была ко мне очень сурова с С<анкт->П<етер>б<ургом>: я просидел 2 недели взаперти¹, а в тот час, когда Вы сами навестили меня, дома, случайно, никого не было из моих и меня не захотели будить. Вчера же я совсем уже было собрался к Вам, но почувствовал себя так простудливо, что меня не отпустили. Простите, что так вышло. Для меня это еще одна черта общего невезения. И я все-таки не смог повидать Вас. Крепко жму Вашу руку и не теряю надежды увидеть Вас летом в Коктебеле. Простите, что так вышло. Врачи меня высылают немедленно из С<анкт->П<етер>б<урга>, и я сегодня уже выезжаю на юг.

Максимилиан Волошин.

4.

6.IV.1929
Коктебель

Дорогой и глубокоуважаемый Сергей Феодорович.

Низко кланяюсь и благодарю за посланье XVII века¹, и стыжусь, что не могу сам ответить Вам на прекрасном языке того времени «за неграмотностью», ибо принимаю его на слух (и на чувство...). Спасибо, что отнеслись благосклонно к моему «Сказанию»². И посылаю Вам последнее мое стихотворение, посвященное «Матушке Владимирской»³, которое считал своим долгом Ей, считая немислимым, чтобы русская поэзия ничем не откликнулась на явление Ее Подлинного Лица⁴, такого прекрасного и совершенного,

что я бы решился его сопоставить только с Сикстинской Богородицей, но с перевесом в пользу Владимирской.

Максимилиан Волошин

Владимирская Богородица

Не на троне — на Ее руке,
Левой ручкой обнимая шею, —
Взор во взор, щеку прижав к щеке,
Неотступно требует... Не мею —
Нет ни сил, ни слов на языке...
[Собранный в зверином напряженьи
Львенок-Сфинкс к плечу Ее прирос,
К ней прильнул и замер без движенья,
Весь — порыв, и воля, и вопрос.]
А Она в тревоге и в печали
Через зыбь грядущего глядит
В миртовые рдеющие дали,
Где закат пожарами повит.
И такое скорбное волненье
В чистых девичьих чертах, что Лик
В пламени молитвы каждый миг
Как живой, меняет выраженье.
Кто разверз озера этих глаз?
Не святой Лука-иконописец,
Как поведал древний летописец,
Не печерский темный богомаз:
В раскаленных горнах Византии,
В злые дни гонения икон
Лик Ее из огненной стихии
Был в земная краски воплощен.
Но из всех высоких откровений,
Явленных искусству, — он один
Уцелел в костре самосожжений
Посреди обломков и руин.
От мозаик, золота, надгробий,
От всего, чем тот кичился век, —
Ты ушла по водам синих рек
В Киев княжеских междуусобий.
И с тех пор в часы народных бед
Образ Твой, над Русью вознесенный,
В тьме веков указывал нам след
И в темнице — выход потаенный.
Ты напутствовала пред концом
Ратников в сияньи литургии...
Страшная история России
Вся прошла перед Твоим лицом.
Не погром ли ведаю Батыев —
Степь в огне и разоренье сел —
Ты, покинув обреченный Киев,
Унесла великокняжий стол?

И ушла с Андреем в Боголюбов⁶,
 В прель и глушь Владимирских лесов,
 В тесный мир сухих сосновых срубов,
 Под намет шатровых куполов.
 А когда Хромец Железный⁷
 Окский край предал и разорил,
 Кто в Москву ему прохода не дал
 И на Русь дорог[у]и заступил?
 От лесов, пустынь и побережий
 Все к Тебе на Русь молиться шли:
 Стража богатырских порубежий,
 Цепкие сбиратели земли...
 Здесь, в Успенском — в сердце стен Кремлевых,
 Умилась на нежный облик Твой,
 Сколько глаз жестоких и суровых
 Увлажнялись светлою слезой.
 [Простирались] старцы и черницы,
 Дымные [сияли] мерцали алтари,
 Ниц лежали кроткие царицы,
 Преклонялись хмурые [московские] цари...
 Черной смертью и кровавой битвой
 Девичья [сия<ла>] святилась пелена,
 Что осьмивековой молитвой
 Всей Руси в веках озарена.
 [И Владимирская Богоматерь
 Русь вела сквозь мерзость, кровь и срам,
 На порогах киевским ладьям
 Указуя правильный фарватер.]
 Но слепой народ в годину гнева
 Отдал сам ключи своих святынь,
 И ушла Предстательница-Дева⁸
 Из Своих поруганных твердынь.
 А когда кумашные помосты
 Подняли перед церквами [громкий] крик, —
 Из-под риз и набожной коросты
 Ты явила подлинный Свой Лик:
 Светлый Лик Премудрости-Софии,
 Заскорузлый в скаредной Москве,
 А в грядущем — Лик самой России,
 Вопреки наветам и молве.
 Не дрожит от бронзового гуда
 Древний Кремль, и не цветут цветы:
 В мире нет слепительнее чуда
 Откровенья вечной Красоты.

Посыл — А.И.Анисимову⁹:

Верный страж и ревностный Блюститель
 Матушки Владимирской — Тебе —
 Два ключа: златой в Ее обитель,
 Ржавый — к нашей горестной судьбе.

5.

13.VI.<19>29

Коктебель

Дорогой и глубокоуважаемый Сергей Феодорович,

на Ваше (и Кубасова¹) письмо я уже ответил полным своим согласием и постараюсь Вашу просьбу относительно Пушкинского Дома² удовлетворить полностью. Но в связи с этими вопросами мне давно хотелось бы поговорить с Вами лично.

Дело в том, что я являюсь собственником дома, мастерской, библиотеки и архива. Дом мой во все времена был и остается «Домом Поэта». Теперь, как и раньше, он был бесплатным приютом для поэтов и художников, и ученых (и их семейств). В годы Революции через него проходили и проходят толпы разнообразнейших людей. И в общем все русские поэты моего периода просили и жили под его кровлей за последние 36 лет (я живу в Коктебеле с 1893 года³). Мы с женой⁴ бездетны, ни наследников, ни родственников у нас нет. И мы часто думали о том, кому наш дом попадет в руки после смерти нашей, и единственное учреждение, которому нам хотелось бы оставить его — после нашей смерти — вместе со всеми коллекциями (художественными), книгами и архивом — это «Пушкинский Дом». Я вовсе не льщу себя иллюзией, что все оставшееся от меня будет представлять интерес исторический, но в моем архиве найдутся письма многих современников, и у меня хранятся бумаги и письма иных лиц, мне оставленные. Моя библиотека (французская) не изобилует ни библиографическими редкостями, не отличается полнотой, но она для России по подбору книг не банальна. У меня много папок с произведениями живописными — чужими и собственными.

Наконец дом, состоящий из 30 комнат, может дать приют в лето 500 человек в среднем.

Я так долго и упорно звал Вас к себе эти годы, потому что мне хотелось бы, чтобы Вы все это видели своими глазами, чтобы иметь возможность поговорить с Вами обо всех этих делах. Я уж говорил об этом с моим ежегодным гостем Матвеем⁵ Никаноровичем Розановым⁶, и он меня до известной степени обнадежил в этом направлении. Мне бы очень хотелось, чтобы этой осенью Вы не миновали моего дома будучи в Крыму⁶, чтобы поговорить с Вами на месте как о желательности такого посмертного дара, так и способах осуществления его. Может Вы и теперь смогли бы мне ответить, возможно ли в принципе и желательно ли осуществление такого плана⁷. Я разумеется не хочу и не думаю ни о каких материальных выгодах от такого дара, также как и теперь превратил его приют для поэтов и художников.

Получили ли Вы мое стихотворение о «Матушке Владимирской», вложенное в последнее мое письмо к Вам?

Максимилиан Волошин

P.S. Это вопрос частного характера и пусть он пока будет между нами.

Примечания

1.

1. Дача М.А.Волошина в Коктебеле еще до 1917 г. превратилась в место паломничества литераторов, актеров, художников. Пользуясь гостеприимством хозяев, они жили здесь неделями и месяцами. В годы гражданской войны в доме Волошина находили приют и «красные» и «белые»; с 1923 г. Коктебель становится своеобразной «художественной колонией» и домом творчества. Сюда приезжали поэты А.Белый, В.Брюсов, Н.Заболоцкий, Вс. Рождественский, писатели Е.Замятин, М.Булгаков, Л.Леонов, К.Чуковский, художники К.Богаевский, А.Остроумова-Лебедева, К.Петров-Водкин, ученые С.Лебедев, А.Ферсман и многие другие. В 1924 г. число гостей составило

около трехсот, год спустя «Дом Поэта» принял более четырехсот человек. См. также письмо 7.

2. Кондратенко Гавриил Павлович (1854-1924) — художник-пейзажист, знакомый С.Ф.Платонова по Петербургу. Не раз обращался к историку за консультациями по древнерусской истории и иконографическим материалом. Приглашением Волошина не воспользовался; в июле 1924 г. снял дачу под Ленинградом недалеко от станции Сиверская, о чем сообщил С.Ф.Платонову в письме от 1 июля (РНБ, ф.585, №3187, л.18).

3. «Увы! В Коктебель мне решительно не попасть, — отвечал Платонов Волошину 19 апреля 1925 г. — Хотя я дожил уже до старости маститой, но дела и отношения еще держат меня крепко на известной почве и в известной среде. Время занято срочными

делами, а ум и сердце связаны нитями, и притом тонкими и цепкими, родственных и общественных отношений. Не вырваться никак! Будем надеяться, что скоро Вы попадете на север и мы поговорим согласно о Романовых и спорливо о Самозванце, которого я не склонен идеализировать и подозревать в "искренности" (ИРЛИ, ф.562, оп.3, ед.хр.972, л.8 об.)

4. В ответном письме Платонов заметил: «Мое в этом содействии — слабый знак удовольствия от того, что мне Вашего пришлось услышать» (Там же, л.1). Дружинин Василий Григорьевич (1859-1937) — историк, специалист в области археографии и палеографии, член-корреспондент Российской Академии наук с 1920 г., зам. председателя Археографической комиссии (председателем Археографической комиссии с 1919 г. по 1929 г. был С.Ф.Платонов).

5. Речь идет о знаменитом «Житии» идеолога старообрядчества XVII в. Аввакума Петрова (1621-1682). «Житие» Аввакума впервые издано в 1861 г. по позднему списку (Житие протопопа Аввакума, им самим написанное / Под ред. Н.С.Тихонравова. СПб.) состоящему из сочинений пустозерских узников. Как выяснилось, среди текстов был автограф «Жития» Аввакума, наиболее цельная по замыслу редакция. Работая над поэмой «Протопоп Аввакум» в апреле-мае 1918 г., М.А.Волошин пользовался, по-видимому, первым изданием текста «Жития» и публикацией Я.Л.Барскова (Барсков Я.Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912). Автограф Аввакума поэт впервые увидел во время пребывания в Ленинграде (6 апреля — 10 мая 1924).

6. Икона, написанная в XI в. византийскими мастерами, была доставлена в Киев во второй четверти XII в. Неоднократно дописывалась на протяжении XV-XVI вв. Являлась наиболее почитаемой иконой древней Руси. В 1919 г. в Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древней живописи под руководством И.Э.Грабаря и А.И.Анисимова икона была освобождена от поздних наслоений. От живописи XI в. сохранились только лица Марии и младенца. Находясь в 1924 г. в Москве (1 марта — 5 апреля), М.А.Волошин получил приглашение от заведующего отделом церковных древностей Исторического музея А.И.Анисимова посмотреть на новые поступления древнерусских икон. «Среди них была та, ради которой Макс поехал, — икона Владимирской Божьей Матери. С нее сняли семь покровов, и она предстала в своем первоначальном виде. Максуд дали кресло, и он в молчании и одиночестве провел у этой иконы несколько часов... На следующий день Макс вновь, но уже один отправился на свидание с иконой. Это повторялось несколько раз», — вспоминала племянница М.А.Волошина Т.В.Шмелева (Воспоминания о Максимилиане Волошине: Сборник. М., 1990. С.485).

7. 24 мая 1924 г. в письме к С.А.Толстой-Есениной из Коктебеля Волошин писал: «Лишь два момента подлинной жизни <...> я пережил и унес с собой сюда: Лик Владимирской Богоматери и рукопись Аввакума». С весны 1925 г. на письменном столе М.А.Волошина стояла фоторепродукция иконы

(Цит. по: Волошин М.А. «Средоточье всех путей...»: Стихотворения и поэмы. Проза. Критика. Дневники / Сост., вст. статья, комментарии В.П.Купченко, З.Д.Давыдова. М., 1989. С.567).

8. Приезд в 1924 г. в Москву и Ленинград был для М.А.Волошина первым посещением столичных городов с февраля 1917 г.

9. Известный специалист по истории и быту старообрядчества В.Г.Дружинин познакомил М.А.Волошина с рукописями русских старообрядцев, особенностями их вероучения и обрядами, с историей противодействия церковной реформе середины XVII в. (См.: Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII в. СПб., 1889; Его же. Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. СПб., 1912). Возможно, в беседе с В.Г.Дружининым поэт окончательно утвердился в своем желании написать поэму об известном участнике старообрядческого движения иноке Епифании, «духовном отце» протопопа Аввакума. Автограф «Жития» Епифания находится в составе «Пустозерского сборника», который В.Г.Дружинин показывал М.А.Волошину в 1924 г. (Библиотека Академии наук, собр. В.Г.Дружинина, №746). Первый вариант поэмы написан в 1926 г. под заголовком «Житие инока Епифания».

10. С.Ф.Платонов, по-видимому, переслал М.А.Волошину текст «Пустозерского сборника», подготовленный для издания Я.Л.Барсковым (Памятники истории русского старообрядчества XVII века / Под ред. В.Г.Дружинина. Л., 1927 <Русская историческая библиотека. Т.XXXIX>).

11. Главный труд С.Ф.Платонова впервые был опубликован в 1899 г. (Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв.: (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1899). При жизни историка книга выдержала три издания (СПб., 1901; СПб., 1910). Внутренний распад государства в начале XVII в. С.Ф.Платонов считал далеко не случайным явлением. Свое происхождение Смута вела из глубокого социально-экономического кризиса, охватившего страну к концу царствования Ивана Грозного. Последовательно пройдя этапы династической и социальной борьбы, Смута прекратила существование с восстановлением единой власти и образованием национального правительства в 1613 г. Книга С.Ф.Платонова привлекала не только детальным анализом первоисточников, но и увлекательностью изложения. «Очерки» завершили разработку концепции Смуты в дореволюционной исторической науке. Основываясь на работах В.О.Ключевского, Н.И.Костомарова, С.Ф.Платонова, М.А.Волошин не раз подчеркивал сходство событий революции 1917 г. и «давно отжитых эпох русской истории». Изучение истории Смутного времени нашло отражение в цикле стихотворений М.А.Волошина о «смутниках», среди которых «Написание о царях Московских» (1919), «Dmetrius — Imperator: (1591-1613)» (1917) и др.

12. Мишле Жюль (1798-1874), французский историк романтического направления. Указанное со-

чинение повествует о влиянии географического положения Франции на политику и моральное состояние общества (Michelet J. *Tableau de la France: Geographie physique, politique et morale*. Paris, 1875).

13. Для наглядного представления реальной обстановки, в которой проходили события Смуты, С.Ф.Платонов предположил своему исследованию обстоятельный историко-географический очерк. Описание различных областей России помогло историку сделать ценные наблюдения о существе политического конфликта между самодержавной властью и княжеской аристократией. Мысли М.А.Волошина, высказанные в письме к С.Ф.Платонову, не нашли практического воплощения в творчестве поэта.

14. М.А.Волошин поселился в Париже с 1901 г., и прожил там с более или менее продолжительными перерывами до апреля 1916 г. В своей автобиографии поэт писал: «...пути ведут меня на запад — в Париж, на много лет, — учиться: художественной форме — у Франции, чувству красок — у Парижа, логике — у готических соборов...» (Воспоминания о Максимилиане Волошине. С.31). «Парижанином» воспринимался М.А.Волошин и современниками: «Всей статью своих появлений в Москве заявлял, что он — мост между демократической Францией, новым течением в искусстве, богемой квартала Латинского и — нашей левой общественностью <...> “Кто он такой?” — “Парижанин?” — “Вот дядя-то!”» (Андрей Белый. Из книги «Начало века» // Воспоминания о Максимилиане Волошине. С.141-143). «Прекрасным выходцем из чужой нам французской культуры» называет М.А.Волошина его первый биограф Евгений Ланн (Цит. по: Волошин М. Стихотворения /Под общей ред. Б.А.Филиппова, Г.П.Струве, Н.А.Струве. Paris, 1982. Т.1. С.399).

15. Парис Гастон (1839-1903) — французский филолог-медиевист, специалист в области французской средневековой литературы, член Академии надписей и Французской Академии с 1896 г., директор Коллеж де Франс. М.А.Волошин прослушал курс Париса по средневековой латыни. Мишель Андре (1853-1925), французский историк искусств, многое сделал для изучения средневековой скульптуры, член-корреспондент Французской Академии художеств, хранитель Лувра, профессор Коллеж де Франс.

16. Личная библиотека М.А.Волошина в Коктебеле, состоящая из книг по философии, истории, филологии, искусствоведению и другим предметам, насчитывала несколько тысяч томов. См. также письмо 5.

17. Речь, видимо, идет о тексте «Пустозерского сборника», который М.А.Волошин называет в письме к С.Ф.Платонову «текстами Аввакума».

18. Археографическая Комиссия, учрежденная в 1834 г., занималась сбором и публикацией исторических источников. Основные издания — «Полное собрание русских летописей», «Русская историческая библиотека», «Летопись занятий Археографической комиссии».

19. В XIII томе «Русской исторической библиотеки» напечатаны памятники древнерусской письменности, относящиеся к событиям и лицам Смутного времени в Московском государстве конца XVI — начала XVII вв. Большая часть памятников составлена современниками событий: «Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов», «Временник дьяка Ивана Тимофеева», «Сказание Авраама Палицина», «Повесть князя Ивана Андреевича Хворостинина», «Сказание о Гришке Отрепьеве», «Сказание о царстве царя Феодора Иоанновича», «Житие царевича Димитрия Иоанновича», «История о первом патриархе Иове Московском» (Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени / Под ред. С.Ф.Платонова и А.Ф.Бычкова. СПб., 1891 <Русская историческая библиотека. Т.XIII>). Текст последнего раздела приведенной здесь же «Повести князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского: Повесть книги сея от прежних лет» («...о возрасте и о мужестве и о нравах прежних царей царствующего града Москвы») была использована М.А.Волошиным во время работы над стихотворением «Написание о царях Московских» (август 1919 г.). Очевидно, поэт пользовался первым изданием «Повести» (Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С.283-315).

20. В описании Т.В.Шмелевой пребывание М.А.Волошина в Москве выглядело как «бесконечные приглашения для чтения стихов, просто для знакомства и беседы с Волошиным, который, как магнит, притягивал к себе всех <...> (в Ленинграде), как и в Москве, бесконечные встречи с людьми, чтение стихов, возобновление старых и завязывание новых знакомств, приглашение всех на лето в Коктебель» (Воспоминания о Максимилиане Волошине. С.484, 486).

21. Житейская обстановка послереволюционных лет не допускала глубоких архивных разысканий. С.Ф.Платонов переиздает свои ранние труды, публикует новые. То, что историк мог предложить М.А.Волошину, представляло собой результат исследований прежнего времени или опиралось на давно опубликованный материал (Платонов С.Ф. Борис Годунов. Пг., 1921; Его же. Иван Грозный: (1530-1584). Пб., 1923; Его же. Прошлое русского севера: Очерки по истории колонизации Поморья. Пб., 1923; Его же. Смутное время: Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI-XVII веков. Пб., 1923; Его же. Социальный кризис Смутного времени. Л., 1924).

22. Таврида — название Крымского полуострова после его присоединения к России в 1783 г.; Киммерия — Восточный Крым, где жили в VIII-VII вв. до н.э. киммерийцы, племена Северного Причерноморья. В статье «К.Ф.Богаевский — художник Киммерии» (1927) М.А.Волошин писал: «...Киммерия — страна, опустошенная и печальная. <...> Киммерийцы и тавры — древнейшие племена, населявшие Крым, оставили свои имена восточной и западной его части: Киммерия и Таврида (Неточно: тавры

населяли южную часть Крыма. До XV в. землей тавров назывался весь Крымский полуостров. — В.К.)» (Волошин М. Коктебельские берега: Стихи, рисунки, акварели, статьи. Симферополь, 1990. С.219, 220).

2.

1. Первая часть статьи С.Ф.Платонова «Из бытовой истории Петровской эпохи» («Бенго-Коллегия, или Великобританский монастырь в С.-Петербурге при Петре Великом») была доложена на заседании Отделения исторических наук и филологии АН СССР 24 февраля 1926 г. Она посвящена сообществу купцов, лекарей и ученых в основном английского происхождения, созданному по примеру «Всешутейшего собора» Петра Великого (Известия Академии наук СССР за 1926 год. №7-8. С.527-546).

2. Речь идет о последней крупной работе С.Ф.Платонова. Ученый, всегда стремившийся к исторической объективности, с величайшим возмущением относился к любым попыткам переписать историю в «выгодном свете». Книга проникнута настоящей борьбой с современной тенденциозностью. Автор берет своего героя под защиту от планомерного превращения в «грубую пасквильную карикатуру» (Платонов С.Ф. Петр Великий: Личность и деятельность. Л., 1926). Образ царя Петра Алексеевича раскрыт М.А.Волошиным в поэме «Россия» (1924). Расспрос боярина Тихона Стрешнева: «Скажи — твой сын я али нет?» — основывается на мемуарах князя П.Долгорукова (Memoires du prince Pierre Dolgoroukow. Geneve, 1867. Vol.1. P.102). Интересно, что С.Ф.Платонов также использовал соответствующее место мемуаров и цитировал его в своей книге (Платонов С.Ф. Петр Великий. С.7).

3. Платонов Михаил Сергеевич (1899-1943) — химик-органик, преподаватель Технологического института. Учитывая общее состояние его здоровья, врачи советовали избрать Крым местом постоянного отдыха.

4. С.Ф.Платонову не удалось приехать в Коктебель в том году. Объясняя свое отсутствие, Платонов писал: «Искренне и сильно желаю попасть в Коктебель! Но жизнь устроилась так, что теперь еще меньше досуга и свободы, чем было в молодости, когда приходилось бегать по урокам. Одно утешение — что стоишь у дела, которому суждено многолетие, то есть у науки, не эфемерной и не подчиненной минутной моде» (ИРЛИ, ф.562, оп.3, ед.хр.972, л.14).

5. Летом 1926 г. С.Ф.Платонов был командирован Академией наук в Париж по делам Пушкинского Дома, директором которого стал 1 августа 1925 г.

3.

1. Приезд М.А.Волошина в Москву и Ленинград в 1927 г. был связан с организацией выставки его акварелей, посвященных природе Восточного Крыма. Проведя около двух месяцев в Москве (9 февраля — 30 марта), поэт выступал с чтением своих стихов и лекциями. «В Ленинграде Волошин пробыл около месяца (31 марта — 18 апреля. — В.К.), —

вспоминал в книге «Страницы жизни» Всеволод Рождественский, — и за это время мы не раз встречались с ним на различных вечерах и выступлениях» (Воспоминания о Максимилиане Волошине. С.553). Почти сразу после своего приезда М.А.Волошин почувствовал легкую простуду. Необходимость присутствия на открытии выставки в Доме искусств, а также предусмотренное программой чтение стихов в Литературно-художественном обществе усугубили заболевание. Прописав домашний режим, врачи потребовали немедленной смены климата.

2. Очевидный успех стихов М.А.Волошина на публике, который поэт мог почувствовать во время многочисленных выступлений, не приносил ему творческого удовлетворения. «Чувствую, что производило впечатление в моих стихах то, что казалось политической оппозицией, смелой по нынешним временам, — писал М.А.Волошин в письме А.П.Остроумовой-Лебедевой 16 ноября 1924 г., — а то, что было основным, положительным (об России, о Евр<опейской> культуре), то принималось только как незначительное приложение (в большинстве). И, кроме того, откликались на них только те, кто сами уходят. Для приходящих же все мое (и основные идеи и формы) было чуждо и даже враждебно — вне всякой политики» (РНБ, ф.1015, ед.хр.517, л.2). Когда же в Берлине вышла книжка избранных стихов М.А.Волошина «Стихи о терроре» (1923), официальная критика не замедлила оценить творчество поэта с точки зрения политики. После резкой критической статьи, появившейся в журнале «На посту» (Таль Б. Поэтическая контрреволюция в стихах М.Волошина // На посту. 1923. №4. С.151-164) стихи поэта почти прекратили печатать. Да и сам он старался не читать стихов о революции. Финансовые затруднения заставили подумать о продаже акварелей. Выставки в Москве и Ленинграде были подготовлены с этой целью.

4.

1. Посьлая С.Ф.Платонову через месяц после окончания машинопись поэмы «Старец Епифаний» (15 марта 1929 г.), М.А.Волошин писал: «Посьлаю Вам мою последнюю поэму на раскольничью тему. Моя творческая роль была здесь самая скромная: выбрать самое ценное и характерное из подлинника и стих подчинить интонациям живой речи. Передать обаяние старорусской души тем, от кого она скрыта за семью печатями» (Цит. по: Волошин М. Стихотворения. Т.2. С.509 и Волошин М.А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников / Выступ. ст. и коммент. З.Д.Давыдова, В.П.Купченко. М., 1991. С.457). С.Ф.Платонов дал высокую оценку стихотворению и в полной мере оценил умение автора подчинить стих «интонациям живой речи». Под впечатлением от прочитанного историк написал ответ в стиле послания XVII в.

2. М.А.Волошин имел в виду поэму «Сказание об иноке Епифании» (15 февраля 1929 г.). Работая над «Сказанием», М.А.Волошин пользовался текстом «Пустозерского сборника», предоставленным ему С.Ф.Платоновым в 1924 г. и публикацией Я.Л.Бар-

скова, содержащей «Сказание о кончине блаженного Епифания и прочих с ним страдальцев в Пустозерском городке» (Русская историческая библиотека, Л., 1927. Т.ХХХІХ). См. также примеч. к письму 1.

3. Впервые опубликовано в машинописном самиздатском журнале «Вече» (Владимир). 1971. №1; за рубежом — «Вестник русского христианского движения» (Париж). 1971. №100; в СССР — «Вологодский комсомолец» (Вологда). 1988. 15 июня.

4. Икона Владимирской Богоматери была отреставрирована в 1919 г. В работе принимал участие А.И.Анисимов, который в 1924 г. показал икону М.А.Волошину. См. примеч. к письму 1.

5. В авторизованной машинописи стихотворения, посланной С.Ф.Платонову, М.А.Волошин вычеркнул карандашом строки и отдельные слова. По мнению А.В.Лаврова, изъять строки предложил поэту искусствовед С.Н.Дурьлин в письме к М.А.Волошину от 2 июня 1929 г. (ИРЛИ, ф.562, оп.3, ед.хр.525), см.: Волошин М.А. Избранные стихотворения / Сост., вступ. ст. и примеч. А.В.Лаврова. М., 1988. С.375. С указанной точкой зрения трудно согласиться, учитывая, что авторские исправления выполнены М.А.Волошиным до 6 апреля 1929 г. — даты сопроводительного письма к С.Ф.Платонову.

6. Андрей Юрьевич Боголюбский (ок. 1111-1174), князь, сын Юрия Долгорукова, князь владими́ро-суздальский с 1157 г. Сделал столицей г. Владимир, куда вывез икону из Киева. Жил в селе Боголюбово, недалеко от г. Владимира.

7. Тамерлан (1336-1405) — среднеазиатский полководец. Преследуя разбитого им золотоордынского хана Тохтамыша, вторгся в русские земли в 1395. По приказу великого князя московского Василия I Дмитриевича, икона была перевезена в Успенский кремлевский собор Москвы в августе 1395 г. В это же время Тамерлан вернулся в Среднюю Азию.

8. Во время вторжения Наполеона икона была вывезена из Москвы во Владимир.

9. Анисимов Александр Иванович (1877-1932) — искусствовед, реставратор, специалист в области древнерусской живописи. При написании стихотворения М.А.Волошин использовал его книгу «Вламирская икона Божией Матери» (Прага, 1928).

5.

1. Кубасов Иван Андреевич (1875-1937) — литературовед, автор работ по истории русской литературы и библиотековедению, заведующий библиотекой Пушкинского Дома, ученый хранитель книжных собраний.

2. Речь идет о завещании М.А.Волошина, по которому его имущество переходило бы Пушкинскому Дому. Еще 19 сентября 1926 г. М.А.Волошин благодарил С.Ф.Платонова: «Спасибо за сведения об Онегинском музее, судьба которого меня интересовала». С.Ф.Платонов принимал непосредственное участие в вопросе о получении Онегинского Музея на всех этапах развития дела. Возможно, М.А.Волошин уже тогда обдумывал варианты передачи своего имущества в распоряжение Пушкинского Дома.

3. Летом 1893 г. М.А.Волошин вместе с матерью, Еленой Оттобальдовной Кириенко-Волошиной, переезжают в Крым и покупают небольшой участок земли в Коктебеле. Через десять лет поэт начинает строить собственный дом.

4. Волошина (урожд. Заболоцкая) Мария Степановна (1887-1976) — вторая жена поэта с 1923 г., в официальном браке с 1927 г., хранительница архива М.А.Волошина, который передала в 1960-1970 гг. в Пушкинский Дом.

5. Розанов Матвей Никанорович (1858-1936) — литературовед, исследователь западноевропейской литературы XVIII-XIX вв., действительный член Российской Академии наук с 1921 г., почетный член Общества любителей русской словесности.

6. С.Ф.Платонов собирался провести свой отпуск в доме отдыха Центральной комиссии по улучшению быта ученых в Гаспре, курортном местечке на Южном берегу Крыма, недалеко от Ялты.

7. В последнем письме к Волошину от 7 сентября 1929 г. Платонов высказал сожаление по поводу несостоявшейся встречи в Крыму и скорректировал в связи с «чистой» в Академии наук свою точку зрения на завещание поэта: «Я очень пожалел, что в середине августа испугался своей слабости и не решился из Симферополя проехать в Коктебель. Позже из Питера стали приходиться такие вести об академических делах, что я ускорил свой отъезд домой и теперь почти бессменно сижу в Академии. Мой тезка (Ольденбург С.Ф. — В.К.) отсутствует и к должности, говорят, не вернется. Президент (Карпинский А.П. — В.К.) собирается в отставку. Все сложное делопроизводство и представительство эти дни на двух секретарях отделений, от них же первый есмь аз. В современном сочетании условий Ваше дело не вызовет интереса, и по совести скажу, с ним надо повременить» (ИРЛИ, ф.562, оп.3, ед.хр.972, л.21).

Публикация, подготовка текста, предисловие и примечания В.А.Колобкова.

М.Л.Гаспаров

СТИХ И СМЫСЛ

В издательстве «Высшая школа» выходит книга с загадочным для меня названием: «М.Л.Гаспаров. Русские стихи 1890 — 1925-х годов в комментариях». Заглавие, конечно, принадлежит издательству. Чтобы оно стало осмысленным, достаточно было бы поменять две буквы: «Русский стих... в комментариях». Потому что это — книга стихотворных диковинок. Стихи из односложных строчек; стихи в форме ромба и в форме веера; стихи с тройными и четверными акростихами, как в кроссворде; стихи фригийским размером на вологодскую тему; стихи на заумном языке, но с безукоризненно строгим расположением долгих и кратких звуков, — вот лишь немногое из этой лаборатории стиха начала века. Все это не пустые фокусы: на таких редкостных примерах гораздо выпуклее видны законы строения русского стиха, чем на привычном хрестоматийном материале. Подробный комментарий к каждому стихотворению (или подборке) построен так, что читая его подряд, можно пройти связный курс русского стихосложения. В книге 293 стихотворения, принадлежащих 95 авторам: от Блока и Брюсова до Чурилина, Туфанова, Скалдина, Сырейшиковой и Чролли.

Появилась эта книга вот как. Десять лет назад печаталось мое сочинение «Очерк истории русского стиха» (М., 1984). Я показал его корректуру человеку, который лучше всех знает русскую поэзию начала века — Роману Давыдовичу Тименчику. Он сказал: «А ведь вы могли бы сделать антологию русской экспериментальной поэзии». Я ответил: «Во-первых, такую уже сделал Д.Чижевский в Германии, а во-вторых, кому она нужна?» Дело было на конференции в Тарту. Через день ко мне подошел таллиннский завкафедрой А.Ф.Белоусов: «Мне сказали, что вы хотите сделать антологию...» — «Нет, это Тименчик хочет сделать антологию, а я...»

— «...Так вот, мы готовы ее выпустить». Я составил маленькую книжку, и добрые люди в Таллинне ее выпустили (Учебный материал по литературоведению: Русский стих. Таллинн, 1987, тираж 500 экз.; переиздание — Даугавпилс, 1989, тираж тоже 500 экз.).

Для издания в «Высшей школе» книга увеличилась вдвое. Самое интересное для меня добавление — раздел под заглавием «Стих и смысл». Тридцать лет назад покойный К.Тарановский начал изучать семантические ореолы русских стихотворных размеров. Казалось бы, советская наука должна была этому обрадоваться: раскрывается, ни много ни мало, механизм взаимодействия формы и содержания. Этого не случилось, новое направление было встречено в штыки. Вероятно, форме полагалось не взаимодействовать, а безоговорочно подчиняться каждому конкретному содержанию. Я исследовал несколько размеров, чтобы показать, что это не так. Статьи об этом печатались в ИАН ОЛЯ (1976, №4; 1988, №2), в «Лингвистике и поэтике» (М., 1979), в «Проблемах структурной лингвистики» (М., 1982 и 1983), в «Литературе и искусстве в системе культуры» (Л., 1988), в «Res philologica» (Л., 1990), в «Пушкинских чтениях» (Таллинн, 1990), в «Первых Тыняновских чтениях» (Рига, 1984). Одним из первых обследованных размеров был 3-стопный хорей. Мне хотелось собрать все русские стихи, написанные этим размером: я собрал их 143, среди них 40 — из начала века. Теперь их собрано почти вдвое больше. Эту подборку с популярным комментарием я и решаюсь здесь предложить. Прошу прощения за то, что для экономии места стихи печатаются в строку, как проза; читателей «De Visu» вряд ли это может смутить.

Александрийские грамматики, собирая стихи старинных лириков, иногда группировали их по стихотворным размерам: все, написанное алкеевыми строфами, сапфическими строфами, асклепиадовыми стро-

фами... Глядя на получившуюся антологию, я думаю, что это было не так уж глупо. В таких подборках мы видим то, что можно метафорически назвать «память метра», а память метра — это часть той большой памяти, которой держится всякая культура.

Предисловие

Есть детский вопрос, который когда-нибудь приходил в голову каждому: почему поэт, начиная стихотворение, берет для него именно такой-то размер, а не иной? Всякому знакомо чувство, что такая-то стихотворная форма «подходит» или «не подходит» к такому-то содержанию. Например, народный стих, которым написаны пушкинские «Песни западных славян», «подходит» им; вообразим эти же слова переписанными астрофическим 4-ст. ямбом романтических поэм, и мы почувствуем, насколько обеднеет выразительность. А попробуем представить себе публицистические, агитационные стихи в форме рондо или вилланели — и всякий согласится, что это, скорее всего, будет выглядеть смешно или нелепо. Но почему?

Сперва хочется предположить, что между формой и темой (или настроением) есть какая-то органическая связь. Так, Ломоносов считал, что оды свойственнее писать ямбами, потому что восходящий ритм ямба (движение от безударного слога к ударному) больше соответствует возвышенному содержанию од. Но подумаем о том, что содержание стихов разнообразно до бесконечности — в каждом стихотворении новое! — а число стихотворных форм хоть и велико, но ограничено. Сонетов в русской поэзии написаны многие тысячи, а в мировой — миллионы. Неужели их продиктовали поэтам тысячи и миллионы одинаковых мыслей и чувств?

На самом деле связь между формой и темой действительно есть, но связь эта — не органическая, а историческая. Когда поэт приступает к стихам философским или к стихам песенно-лирическим, он знает, что стихи такого содержания писались и до него и что слушатели будут воспринимать его новые стихи на фоне старых. Чтобы облегчить или затруднить такое восприятие, он и выбирает свой размер. Например, он помнит, что в сонетах издавна выражаются мысли и чувства общечеловеческого значения и почти никогда — публицистически-злободневные. Поэтому стихи публицистические он не будет писать в форме сонета (а если и будет, то понимая, что это покажется

дерзким и вызывающим), а стихи философские — напишет, и с большой охотой.

Конечно, философские стихи писались не только в форме сонета, поэтому писатель всегда может делать выбор между несколькими традиционными формами. Каждая тема, каждое настроение находили выражение в разных стихотворных размерах, и каждый стихотворный размер применялся в прошлом для разных тем. Для разных, но не в равной мере: какие-то темы предпочитались, какие-то избегались. Для некоторых форм это очевидно: стих «Песен западных славян» всегда будет вызывать ассоциации с русским и славянским фольклором, гексаметр — с античностью, александрийский стих — с французским и русским классицизмом. Точно такие же, хотя и менее заметные семантические тяготения будут и у других размеров и строф — кроме разве что самых массово-употребительных, вроде четверостиший 4-ст. ямба.

Попробуем убедиться в этом на примере стиха не очень частого, но и не очень редкого — четверостиший 3-ст. хорей с окончаниями ЖМЖМ. В этом разделе собрано около 70 стихотворений, написанных этой разновидностью размера в 1890-1925 гг. Число их можно было бы и увеличить, но вряд ли намного; во всяком случае, смысловую картину это не изменило бы.

Вступление

№1. Над грядой зубчатой Тих покой небес. Тишиной объятый Дремлет темный лес. / Птицы замолчали, Спрятались в кусты... — Скоро все печали, Верь, забудешь ты. — Чролли¹ («Из Гете», 1915).

№2. «Человек, яко трава...» — Осень взоры клонит, Вечер свеж и мглист. Ветер гонит, гонит Одинокий лист. / Так и ты, забвенный Лист в ночных полях, Прокружишь, мгновенный, И уйдешь во прах. — С.Кречетов (1910).

№3. В тишине глубокой Все в деревне спят. На небе высоко Звездочки горят; / Но одна упала И исчезла вдруг. Так тебя не стало, Мой сердечный друг. — С.Дрожжин (1907).

№4. Глушь родного леса, Желтые листья. Яркая завеса Поздней красоты. / Замерли далече Поздние слова, Отзвучали речи — Память все жива. — А.Блок (1901).

№5. Солнечные блики Испещряют сад. Розовой гвоздики вьется аромат. / Шумные стрекозы Пляшут над травой... О,

родные грезы. О, души покой. — Вл. Палей² (1915).

Первое стихотворение нашей подборки — это переложение «Ночной песни странника» Гете: той самой, в подражание которой Лермонтов в 1840 г. написал знаменитое восьмистишие: «Горные вершины Спят во тьме ночной; Тихие долины Полны свежей мглой; Не пылит дорога, Не дрожат листья... Подожди немного, Отдохнешь и ты».

С этого стихотворения началась, можно сказать, история 3-ст. хорая в русской поэзии; более ранние образцы его, за редкими исключениями, забылись. Любопытно, что немецкий оригинал написан вовсе не 3-ст. хореем, а неравнооиктным (вольным) дольником. 3-ст. хореем у Гете звучит лишь первая строка — она и подсказала Лермонтову (а потом Чролли) выбор русского размера.

Содержание стихотворения Гете и Лермонтова — 6 строк описания успокоенной природы и 2 строки — обещание успокаивающей смерти. Природа и смерть так и останутся в числе излюбленных тем этого размера. Эти две темы присутствуют во всех пяти приводимых восьмистишиях. В «природе» у С.Кречетова нет «отдыха», у Вл. Палея нет «ночи», и все-таки у одного в концовке — «покой», а у другого — «прах». Точно так же и композиция в трех из пяти стихотворений сохраняет лермонтовские пропорции — 6+2 строки (ср. также далее №11).

Эпилогом к этой веренице восьмистиший может служить позднейшее (конец 1940-х гг.) стихотворение Г.Иванова: «Голубая речка, Зябкая волна. Времени утечка Явственно слышна. / Голубая речка Предлагает мне Теплое местечко На холодном дне».

Путь

№6. Посох мой цветущий, Друг печальных дней, Вдаль на свет ведущий Верных звезд верней! / Ты омочен в росах, Ты привык к труду. Мой цветущий посох! Я с тобой иду. — С.Городецкий (1912).

№7. Заломивши лихо Шапку набекрень, Залился ты взором В ясный Божий день. / И, тая под оком Накипевший хмель, Слышишь ты в далеком Тихую свирель. / Мимоходом думу Дерзкую родишь; Тут же так, что небу Жарко, начудишь. / И на все ты смотришь Мельком, хоть в упор: Дальше бродит, ищет Захмелевший взор. / И, внемя свирели Внятной и прямой, Беззаветно к

цели Ты идешь немой. — И.Коневской (1897).

№8. Мерно вьет дорога Одинокий путь. Я в руках у Бога, Сладко дышит грудь. / Гордо дремлют буки, Чаща без границ. Все согласны звуки С голосами птиц. / Манит тихим зовом Зашумевший ключ. Ветки свисли кровом От пролетных туч. / Близкий, бесконечный, Вольный лес вокруг. И случайный встречный — Как желанный друг. — В.Брюсов (1899).

№9. Полночью глубокой Затуманен путь В простоте далекой Негде отдохнуть Ветер ветер злобно Рвет мой старый плащ Песенкой заgrabной Из-за лысых чащ Под неверным взглядом Лунной вышины Быстрых туч отрядом Рвы затенены Я старик бездомный Всеми позабыт Прошлых лет огромный Груз на мне лежит Я привык к тяготам К затхлоу темноте К плещущим заботам К путаной версте Нет вокруг отрады Все полно угроз Туч ночных громады Сиплый паровоз. — Д.Бурлюк («Ор.66», 1913?).

№10. Гладкая дорога. Полная луна. С моего порога Моря даль видна. <...> Беглый, бесконечный Вьется путь змеей. Путь на небе Млечный Освещает мой. / Путь мой молчаливый, Не присяду я. Пусть бегут извивы, Как и жизнь моя. / Ничего не свято, Мир — момент, мечта... Пусть бегут куда-то Странные года. / Вижу повороты В пройденном своем, Тени и высоты И далекий дом... / Пройденные мысли, Бездны прошлых дней. Годы, что нависли, Словно мрак ветвей. / Вижу много-много, Но душа нежна. Впереди — дорога, Полная луна. — А.Лозина-Лозинский³ (1912).

Стихотворение Гете, послужившее образцом для лермонтовских «Горных вершин», было озаглавлено «Ночная песня странника». Тема пути не была в нем названа (а только ее конечная цель — тема отдыха), однако у всех читателей она была в сознании. Рифмы «путь — грудь», «путь — отдохнуть» наметились еще у поэтов XIX в. — Плещеева и др. Путь этот совершается, как у Гете и Лермонтова, на фоне природы (обычно — южной): по-лермонтовски тихой — у Брюсова, контрастно-бурной — у Бурлюка. Путь этот одновременно и дорожный, и жизненный (у Лозина-Лозинского к этому добавляется Млечный путь): здесь влияние «Горных вершин» дополняется влиянием другого лермонтовского стихотворения — «Выхожу один я на дорогу...». В стихотворении Коневского внимание смещается с образа пути на образ идущего — удалого

русского молодца. Эта семантическая окраска тоже была подготовлена в XIX в. и еще встретится нам.

Строки «Гладкая дорога. Полная луна...» у Лозина-Лозинского (а отчасти и «лунная вышина» у Бурлюка) напоминают хрестоматийное восьмистишие Фета, но о нем — чуть дальше.

Природа

№11. Тихий шум дубравы, Песня соловья, Робкое журчанье Горного ручья; / Темный лес дремучий, Пестрые луга... Родина, о как ты Сердцу дорога! — М.Леонов («Родина», 1898).

№12. Топи да болота, Синий плат небес. Хвойной позолотой Взвенивает лес. / Тенькает синица Меж лесных кудрей, Гемным елям снится Гомон косарей. / По тугу со скрипом Тянется обоз — Суховагой липой Пахнет от колес. / Слушают ракиты Посвист ветряной... Край ты мой забытый, Край ты мой родной! — С.Есенин (1914).

№13. Дымом половодье Зализало ил. Желтые поводья Месяц уронил. / Еду на баркасе, Тычусь в берега. Церквами у прясел Рыжие стога. / Заунывным карком В тишину болот Черная глухарка К всеобщей зовет. / Роща синим мраком Кроет голытьбу... Помолюсь украдкой За твою судьбу. — С.Есенин (1916).

№14. Затомило очи Тяжкой тишины. Топь земную точит Белый клык луны. / Ничего не будет — Тени напоказ. Кто стонал о чуде, Не смыкая глаз, — / Только тонет в глуби Замерцавших вод, Мрак со звоном рубит, В искрах изойдет... / Хорошо и страшно Кончится игра — Засмеется влажно Темная сестра... — Д.Майзельс⁴ («Омут», 1918).

№15. На лиловом небе Желтая луна. Путается в хлебе Мрачная струна: / Шорох жесткокрылый — И дремотный жук Потянул унылый, Но спокойный звук. / Я на миг забылся, Оглянулся — свет Лунный воцарился, Вечера уж нет: / Лишь луна да небо, Да белее льна — Зреющего хлеба Мертвая страна. — И.Бунин («Вечерний жук», 1916).

№16. Зорька догорает, Дремлет старый сад, Пламенем пожара Рдеется закат. / Молкнет птичий щебет, Шорох трав затих, Ночь идет незримо В свите снов своих <...> Снятся людям счастье, Радость светит им На полях печали Солнцем золотым <...> Сердце! Что ж тебе тот И не снится свет? Или нам с тобою Угомону нет?! — Ап. Коринфский (1912).

№17. Миновало лето. Солнце из-за туч С ласковым приветом Не бросает луч; / Листья облетели Средь осенних вьюг, Птички улетели На далекий юг; / На дворе и в поле И в глуши лесов Не слышать их боле Звонких голосов. / Скучно, непривольно Тянутся деньки, И щемит невольное Сердце от тоски. — С.Дрожжин (1899).

№18. Осень. Чащи леса. Мох сухих болот. Озеро белесо. Бледен небосвод. / Отцвели кувшинки И шафран отцвел. Выбиты тропинки. Лес и пуст и гол. / Только ты красива, Хоть давно суха, В кочках у залива Старая ольха. / Женственно глядишься В воду в полусне — И засеребришься Прежде всех к весне. — И.Бунин (1905).

№19. С теплою весною Лето уж прошло, Замерло родное Милое село. / Небеса покрыла Сумрачная мгла, И глядит уныло Солнце без тепла. / С поля хлеб снопами Сwoжен на гумно, Выбито цепами Каждое зерно. / Белый снег кружится И, как легкий пух, Медленно ложится На увядший луг. — С.Дрожжин (1908).

№20. Тянется безмерно Луговин тоска. Блещет снег неверно, Как пласты песка. / Небеса без света, Тверды, словно медь. Месяц глянул где-то, Вновь чтоб умереть. / Зыблется, как тучи, Дальний, серый бор, Там, где пар летучий Кроет кругозор. / Небеса без света, Тверды, словно медь. Месяц глянул где-то, Вновь чтоб умереть. / Ворон, с хриплым криком, Старый волк худой, Вам в просторе диком Хорошо зимой! / Тянется безмерно Луговин тоска. Блещет снег неверно, Как пласты песка. — В.Брюсов (пер. из Верлена, 1911).

№21. Белая береза Под моим окном Принакрылась снегом, Точно серебром. / На пушистых ветках Снежною каймой Распустились кисти Белой бахромой. / И стоит береза В сонной тишине, И горят снежинки В золотом огне. / А заря, лениво Обходя кругом, Обсыпает ветки Новым серебром. — С.Есенин (1913).

№22. Ночь и даль седая, — В инее леса. Звездами мерцаая, Светят небеса. Звездный свет белеет, И земля окрест Стынет-цепенеет В млечном свете звезд. Тишина пустыни... Четко за горой На реке в долине Треснет лед порой... Метеор зажжется, Озаряя снег... Шорох пронесется — Зверя легкий бег... И опять молчанье... В бледной мгле равнин, Затаив дыханье, Я стою один. — И.Бунин (1896).

Содержанием стихотворения Гете и Лермонтова, как сказано, были природа и смерть. Обе темы очень традиционны в

романтической лирике и легко могут отделиться друг от друга. Решающий шаг к выделению «природы» в отдельную тему сделал Фет в восьмистишии 1842 г., где он заменил лермонтовский южный пейзаж северным, снежным: «Чудная картина, Как ты мне родна: Белая равнина, Полная луна, / Свет небес высоких И блестящий снег, И саней далеких Одинокый бег». Это «как ты мне родна» находит прямой отголосок в (двустрочных, по-лермонтовски отбитых) концовках у Леонова и Есенина (№11, 12), а «свет небес» и «одинокый бег» — в стихотворении Бунина (№22).

Основные элементы фетовского пейзажа — снег, ночь, луна. Среди наших одиннадцати стихотворений в четырех присутствует «луна» (или «месяц») и в одном — «звезды». Четыре стихотворения изображают ночь, два или три — сумерки, «солнечное» стихотворение только одно («Белая береза...» Есенина; в нем влияние «Чудной картины...» дополняется влиянием другого фетовского стихотворения: «Печальная береза У моего окна, И прихотью мороза Разубрана она...»). «Весенним» и «солнечным» можно считать еще стихотворение Есенина «Пасхальный благовест» (см. №73). Это преобладание мрачности в пейзаже — несомненное наследие той темы смерти, которая присутствовала в «Горных вершинах».

Любопытно, что среди русских пейзажей оказывается и французский пейзаж (в стихотворении №20, переведенном из Верлена), который отлично вписывается в общий ряд. Гораздо неожиданнее «горный ручей» как примета русского пейзажа у Леонова, — несомненно, пришедший из «Горных вершин». Оттуда же (не от Лермонтова, а из немецкого подлинника) — «птичий щебет» и «шорох трав» у Ап. Коринфского.

Быт

№23. В дальнем закоулке Дед стоит седой И шарманку вертит Дряхлую рукой. / По снегу да босый Еле бродит дед — На его тарелке Ни копейки нет. / Мимо идут люди, Слушать не хотят — Только псы лихие Деда теребят. / Уж давно о счастье Дед не ворожит, Старую шарманку Знай себе крутит — / Эй, старик! Не легче ль Вместе нам терпеть. Ты верти шарманку, А я буду петь... — И.Анненский (пер. из В.Мюллера, год неизв.)

№24. Крестится избенка В скудные поля, Скучная сторонка — Родина моя. / По весне туманно Зеленеет новь... Здесь

узнал я странно Странную любовь. / Все-то кто-то кличет, Милый голосок, Под ноги мне тычет Камни да песок. / Вот кукушка в зори Вышла куковать, Как случилось горе — Не могу понять. / Крестится избенка В дальние поля, Скучная сторонка — Родина моя. — Ю.Анисимов (1913).

№25. Ветхая избушка Вся в снегу стоит. Бабушка-старушка Из окна глядит. / Внукам-шалунишкам По колено снег. Весел ребятишкам Санок быстрый бег. / Бегают, смеются, Лепят снежный дом, Звонко раздаются Голоса кругом. / В снежном доме будет Резвая игра... Пальчики застудят — По домам пора! / Завтра выпьют чаю, Глянут из окна — Ан, уж дом растаял, На дворе — весна! — А.Блок («Ветхая избушка», 1906).

№26. Встану я пораньше С утренней зарей, Распластаю землю Матушкой-сохой. / Брошу в землю зерна, И те дни придут, Землю смочит дождик, Семена взойдут. / Да, пора и взяться Мне за труд родной... Будет, отдохнул я Долгою зимой. / Хлеб уж весь подъелся, Пусты закрома, Корму нет скотине — Все взяла зима. / Вся теперь надежда На труды и пот, А за них Господь мне Урожай пошлет. — Ф.Шкулев («Пахарь», 1902).

№27. Из родной деревни Часто в города Гонит на работу Горькая нужда. Так, не кончив в школе Никаких наук, От нужды уехал Мой родимый внук. Жив ли он, сердечный? Или где-нибудь Бедствует, в работе Надрывая грудь? Может, где плетется Медленно селом, По большой дороге Просит под окном — Просит Христа ради, Или, может быть, Бродит, где не зная Голову склонить? Думает старушка, Бедная, в тоске, И слеза катится По ее щеке. — С.Дрожжин («Бабушкино горе», 1898).

№28. Чуть в избе холодной Теплился ночник, На печи безродный Умирал старик. / Перед ним ни друга, Ни сестры родной, Только, слышно, вьюга Билась за стеной. / «Скоро ли до света?» — Думает бедняк; Но изба одета Вся в могильный мрак. — С.Дрожжин (1907).

№29. Болеть да засуха, На скотину мор. Горбась, шьет старуха Мертвецу убор. / Холст ледащ на ощупь, Слепы нить, игла... Как медвежья поступь, Темень тяжела. / С печи смотрят годы С карлицей-судьбой. Водят хороходы Тучи над избой. / Мертвый дух несносен, Маята и чад. Помялища сосен В небеса стучат. / Глухо Божье ухо, Свод надземный толст. Шьет, кляня, старуха Поминальный холст. — Н.Клюев (1913).

№30. Месяц — рог олений, Тучка — лисий хвост. Полон привидений Таежный погост. / В заревом окладе Спит Архангел Дня. В Божьем вертограде Не забудь меня. / Там святой Никита, Лазарь — нищим брат, Кирик и Улита Страсти утолят. / В белом балахонце Скотий врач — Медост... Месяц, как оконце, Брезжит на погост. / Темь соткала куколь Елям и бугру. Молвит дед: не внука ль Выходил в бору? / Я в ответ: теперя На пушнину пост: И меня, как зверя, Исцелил Медост. — Н.Клюев (1913).

№31. Мех на шапке рыжий, Солнце — волоса. Стану я на лыжи, Убегу в леса. / Там у Белоснежки Дикая краса, Серебромережки, Свистоголоса. / Вьюгопоцелуи и Катайгора, Ледяные струи, Холодожара! — С.Городецкий («Зимняя потеха», 1912).

№32. В ярком летнем свете, В сквере, в цветнике Маленькие дети Возятся в песке: / Гречники готовят, Катят колесо, Неумело ловят Палочкой серсо; <...> Все, во всем — беспечны, И, в пылу игры, Все — добросердечны... Ах! лишь до поры! / Сколько лет им, спросим. Редкий даст ответ: Тем — лет пять, тем — восемь, Старше в круге нет. / Но, как знать, быть может, Здесь, в кругу детей, — Тот, кто потревожит Мглу грядущих дней, — / Будущий воитель, Будущий мудрец, Прав благовеститель, Тайновед сердец; / Иль преступник некий, Имя чье потом Будет жить вовеки, Облито стыдом... <...> И, смеясь затеям, Вот несется вскачь С будущим злодеем Будущий палач! / Маленькие дети! В этот летний час Вся судьба столетий Зиждется на вас! — В.Брюсов (1918).

В том же 1842 г., когда Фет напечатал «Чудную картину...», Огарев напечатал стихотворение «Изба»: «Небо в час дозора Обходя, луна Смотрит сквозь узора Мерзлого окна...» — и далее о том, как спит отец, улеглась мать, засыпают дети и лишь борется с дремотой молодая дочь. Видно, каким образом новая тема, бытовая, связана со старой, идущей от «Горных вершин»: через ночь (уже с луной, как у Фета) и через сон. Стихотворение Огарева совпало с интересом к быту, растущим в русской литературе в середине XIX в. Поэтому оно вызвало волну подражаний — сперва у Никитина, потом у поэтов-самоучек: И.Сурикова и других, вплоть до представленного здесь С.Дрожжина.

В стихах нашего периода традиция, идущая от тех лет, чувствуется в двух направлениях. Во-первых, деревенский быт решительно преобладает в ней над город-

ским — в нашей подборке на городском фоне разворачиваются только два стихотворения (к ним можно еще прибавить блоковское «На чердаке», №53). Во-вторых, в них преобладает мрачное настроение, вызванное старостью, скудостью, голодом, горем, смертью. Даже когда стихотворение кончается исцелением, то это исцеление достигается молитвами покойника или покойницы (№30, с именами нескольких святых покровителей).

Светлым пятном на этом фоне выделяются стихи о детях. Они стали заметны еще во второй половине XIX в. как тема «воспоминаний о деревенском детстве»; самым знаменитым, пожалуй, было суриковское «Вот моя деревня, Вот мой дом родной, Вот качусь я в санках По горе крутой...» и далее — о сказке про жар-птицу. Когда Блоку было заказано стихотворение для детского журнала, он взял за образец именно Сурикова (№25). Брюсов перенес сцену детских игр в город (№32). Городецкий ввел в свои стихи сказочные мотивы (№31), тоже следуя Сурикову. Сказочные мотивы могут разрастаться — таковы «Самоцветные камни» Ю.Анисимова, «Сказка» С.Городецкого (они не перепечатаются здесь, потому что слишком длинны). В них повеселевший было 3-ст. хорей опять становится мрачным: сказка Городецкого — про косу, взятую у Смерти («Скрылась человечья Старая краса, Только у заплечья Высится коса...»). Ср. печальный сказочный мотив у Блока — №55.

Мы видим, как постепенно, шаг за шагом, но не теряя связи, может отступать тематика 3-ст. хорей от первоначальной, заданной Лермонтовым: от природы к быту, от быта к детству, от детства к сказке.

Тоска

№33. В этой жизни смутной Нас повсюду ждет За восторг минутный — Долгой скорби гнет. / Радость совершенства Смешана с тоской. Есть одно блаженство — Мертвенный покой. / Жажду наслажденья В сердце победы, Усыпи воаненья, Ничего не жди. — К.Бальмонт (1895).

№34. Дождь неугомонный Шумно в стекла бьет, Точно враг бессонный, Воя, слезы льет. / Ветер, как бродяга, Стонет под окном, И шуршит бумага Под моим пером. / Как всегда, случаен Вот и этот день, Кое-как промаян И отброшен в тень. / Но не надо злости Вкладывать в игру.

Как ложатся кости, Так их и беру. — Ф.Сологуб (1894).

№35. Капли дождевые Об окно стучат, Призраки ночные Что-то говорят. / Ночь и день все хлещет Мелкий дробный дождь... Нет, не затрепещет Прожитая мощь... / Правда, песни спеты? Капли мутны, злы... Черные портреты, Дальние углы... / Капли барабанят, Надрывают грудь... Сердце не устанет Вспоминать свой путь... <...> Правда так убога, Правда так скупа... Дней, как капель, много... Ночь, как крот, слепа... — А.Лозина-Лозинский (1912).

№36. Мир закутан плотно В сизый саван свой, В тонкие полотна Влаги дождевой. / В тайниках сознания Травки проросли. Сладко пить дыханье Дождевой земли. / С грустью принимаю Тягу древних змей: Медленную Майю Торопливых дней. / Затерявшись где-то, Робко верим мы В непрозрачность света И прозрачность тьмы. — М.Волошин (1905).

№37. В сумраке и скуке Тает день за днем. Мы одни — в разлуке. Мы одни — вдвоем. / Радость иль утрата — Но уста молчат. Прячет брат от брата Свой заветный клад, — / Тайной сокровенной От нечистых рук Кроет мир священный И блаженств и мук. — М.Лохвицкая (1900/1902).

№38. <...> Глухо, одиноко Осенью в саду. День, усни глубоко, Не томись в бреду. / Глухо, одиноко В думах у меня. Боль, усни глубоко До другого дня. / Ты меня забыла. Как тебя забыть? Ты тоской убила. Как тоску убить? / Ты влекла, хотела, Телом тело жгла, Ты смеялась, пела И — ушла. / День вставал с Востока В солнечном бреду. Глухо, одиноко Осенью в саду. — Я.Годин⁵ (1913).

№39. Ты ушла, но поздно: Нам не разлюбить. Будем вечно розно, Будем вместе жить. / Как же мне, и зная, Что не буду твой, Сделать, чтоб родная Не была родной? — Д.Мережковский (1914).

№40. Ты ль меня забыла И не вспомнишь вновь? Но тому, что было, Имя не любовь... <...> Сердце не забьется, Чутко замерев, В речи не прольется Трепетный напев, / И, ко лжи готовы Милой не спроста, Не сплетутся зовы, Руки и уста. <...> Миг неповторимый, Тающий вдали. Иль, не видя, мимо Счастья прошли? / Иль светлей и краше Счастью не бывать, И на свадьбе нашей Божья благодать? — С.Рафалович (1916).

№41. Нет душе покою, Глянул день в глаза, И опять я строю Шаткие леса. / Снова сердцу надо Веровать в чертеж, И

мечтам — улада Новых планов ложь. / Снится, снится зданье, Купол золотой, Бракосочетанье, Ночь с тобой, с тобой. / Мы во мраке двое... Двери тишь хранят... Зыблются обои... Душит аромат... / — Тщетно, дерзкий! тщетно! Не воздвигнешь вновь Купол огнецветный, Новую любовь! / Будешь вновь обманут, Разберешь леса, И руины глянут Прямо в небеса. — В.Брюсов (1901).

Тоска — общий эмоциональный знаменатель подавляющего большинства просмотренных нами стихотворений. Это настроение задано общим образцом — «Горными вершинами» Гете — Лермонтова. Его концовке «Подожди немного — Отдохнешь и ты» как бы откликаются строки Бальмонта: «...Есть одно блаженство — Мертвенный покой» (№33), а им — брюсовское: «Нет душе покою, Глянул день в глаза...» (№41). Неудивительно, что является целый ряд стихов, в которых настроение тоски выступает на первый план, а декорации природы или быта исчезают или становятся малозаметны.

В бытовых стихах часто изображался старик или старуха в избе, тоскующие под звуки ночной вьюги (№27-29). Достаточно поэту поставить себя в положение такого героя и повести изложение от первого лица, как получится именно такое стихотворение о тоске (№34-37). В качестве «пейзажного» фона здесь с удивительным единообразием предпочитается дождь. Характерным образом вновь всплывает тема пути (жизненного) и рифма «грудь — путь» (№35, ср. №8 и 10).

Когда чувство тоски требует более конкретной мотивировки, то естественно возникает самая традиционная поэтическая тема — несчастная любовь. В 3-ст. хорее XIX в. она — редкость; поэты нашего времени осваивают ее впервые. Это сказывается на интонационном строении стихотворений: в стихах традиционного стиля (таково большинство стихотворений, вошедших в разделы «Природа» и «Быт») почти все четверостишия раскалывались пополам на две коротенькие фразы, здесь все чаще фраза становится сложней и охватывает все четыре строки. (Проверьте!)

Любовь

№42. Станет на пороге: Как пройти легко? Конус синагоги Очень высоко. / В домике еловом Елкий клей в стене. Сад заплыл лиловым В западном окне. / Так тепло и сыро, И бассейн нагрет; Больше солнца вырос Первый солнццвет. / Слов-

но из неволи, Трудно мне уйти. Елками до поля Сужены пути. — К.Арсенева⁶ (1916).

№43. Говор мой змеинный Твой ли сон унес? За водой долинной Две ложбинки роз. / Жизнь пестрится скупю, И душа темна... Кто навесил купол Выше, чем сосна? / Ты так удивленно Веришь ласке слов... Не люблю я звона Трех колоколов. / Взор обещет юркий Все твое лицо, Из чешуйной шкурки У меня кольцо... / Золотом светильным Облестят сосну, Но к святым и сильным Глаз не поверну. — К.Арсенева (1916).

№44. Первый: — Где ты? где ты, милый? Наклонись ко мне. Призрак темнокрылый Мне грозил во сне. Я была безвольна В сумраке без дня... Сердце билось больно... — Другой: — Кто зовет меня? / Первый: — Ты зачем далеко? Теплый воздух пуст. Губы одиноко Ищут милых уст. Почему на ложе Нет тебя со мной? Где ты? кто ты? кто же? — Другой: — В склепе я — с тобой. / Первый: — Саваном одеты Руки, плечи — прочь! Милый, светлый, где ты? Нас венчает ночь. Жажду повторять я Милые слова. Где ж твои объятья? — Другой: — Разве ты жива? / Первый: — И сквозь тьму немую Вижу — близко ты. Наклонясь, целую Милые черты. Иль во тьме забыл ты Про любовь свою? Любишь, как любил ты? — Другой: — Понял. Мы — в раю. — В.Брюсов («Два голоса», 1905).

№45. В смутный час вечерен Вспомни голос мой. Если ты мне верен, Я всегда с тобой. / Нужно жаждать жажды, Нужно вдаль идти. Я дышу однажды На твоём пути. / Скуден свет унылый, Труден подвиг дня. Позови, мой милый, Позови меня. — М.Лозинский («Голос», 1909).

№46. Белый цвет магнолий Смотрит, как глаза. Страшно жить на воле: Чуется гроза. / Волны, словно стекла, Отражают блеск. Чу! в траве поблеклой — Ящерицы треск. / Вкруг смотрю смущенно, Взор в листву проник: Там к цветку склоненный Юный женский лик. — В.Брюсов (1899).

№47. Пробудаясь в пустыне, Вспомни дальний брег, Тот, ах, тот, где Ныне Значило: Навек! / Там, меж гулких впадин, Хладен и гремуч, Так, ах, так отраден Вожделенный ключ! / Солнца луч нежгущий Нежит круглый год — Средь листвы плакучей Благодатный плод. / И всегда блаженны, Руки вкруг воздев, Гимн поют священный Сонмы светлых дев. / Там, ах, там впервые Деву встретил друг! Звал меня — Софией Светлый сонм

подруг. — А.Кочетков (из цикла «Чудесное посещение», 1920/1922).

Когда-то в XVIII в. любовь была обычной темой в 3-ст. хорее: этим размером писались легкие любовные песенки. Именно таков самый ранний образец русского 3-ст. хорее — комично звучащее четверостишие В.Третьяковского: «Худо тому жити, Кто хулит любовь: Век ему тужити, Утирая бровь» (под «бровью» здесь подразумевается лоб). Можно вспомнить также «Всех цветочков боле Розу я любил...» И.Дмитриева, «Розы расцветают, Сердце, отдохни...» В.Жуковского и др. Это — благодарный материал для стилизаций. Вот два примера тому из нашего периода. Образцом для Сологуба были французские песенки XVIII в., для Бунина — русские литературные песни в духе Кольцова. Заметим, что зачин Бунина в свою очередь послужил образцом для зачина известной песни М.Исаковского «Ой, цветет калина В поле у ручья...» — сознательно это было сделано или бессознательно, мы не знаем.

№48. Солнце в тучу село — Завтра будет дождь, Но пойду я смело Под навесы рощ. / Стану для забавы у седой ольхи, Где посуше травы И помягче мхи. / Хорошо, что дождик Вымочит весь луг — Раньше или позже К роше выйдет друг. — Ф. Сологуб (1921).

№49. Зацвела на воле В поле бирюза. Да не смотрят в душу Милые глаза. / Помню, помню нежный Безмятежный лен. Да далеко где-то Зацветает он. / Помню, помню чистый И лучистый взгляд. Да поднять ресницы Люди не велят. — И.Бунин («Песня», 1909).

В XIX в. песенки такого рода выходят из употребления, а вместе с ними — и тема любви в 3-ст. хорее. Возрождается она, как сказано, лишь у поэтов нашего времени, но с совсем иными подходами. Один из этих подходов мы видели (№38-41): несчастная любовь служит мотивировкой тоски. К таким стихам о несчастной любви примыкают и два стихотворения К.Арсеновой (№42-43), хотя тема тоски в них прямо не выражена. Другой подход в остальных стихах нашего раздела — через тему смерти, заданную русскому 3-ст. хорее еще «Горными вершинами». В стихотворении «Два голоса» мертвец слабо откликается на призыв (живой или мертвой?) возлюбленной, а в стихотворении «Чудесное посещение» мертвая возлюбленная обращается к живому жениху (имя «София»: напоминает одновременно и о православной божественной Мудрости, и о

немецком романтизме). В стихотворениях №45-47 как бы по колдовству возникает голос и лик нездешней возлюбленной, несмотря на то, что стихотворения эти написаны разными поэтами и в разные годы. Во всяком случае полное отсутствие темы счастливой любви бросается в глаза.

Смерть

№50. Много было весен — И опять весна. Бедный мир несносен, И весна бедна. / Что она мне скажет На мои мечты? Ту же смерть покажет, Те же все цветы, / Что и прежде были У больной земли, Небесам кадили, Никли да цвели. — Ф.Сологуб (1899).

№51. Мы, сплотясь с тобою Против бурь и битв, Шли на бой с судьбою С пламенем молитв. Но в душе не стало Прежнего огня. Друг мой, я устала, Поддержи меня! / Я искала счастья В мимолетных снах... Брось мне свет участия, Прогони мой страх, — Сердцу мир дарю Сказкой о весне. И когда умру я, Помолись о мне. — М.Лохвицкая (1896/1898).

№52. Что на свете выше Светлых чердаков? Вижу трубы, крыши Дальних кабаков. / Путь туда заказан, И на что — теперь? Вот — я с ней лишь связан... Вот — закрыта дверь... / А она не слышит — Слышит — не глядит, Тихая — не дышит, Белая — молчит... / Уж не просит кушать... Ветер свищет в щель. Как мне любо слушать Вьюжную свирель! / Ветер, снежный север, Давний друг ты мне! Подари ты веер Молодой жене! / Подари ей платье Белое, как ты! Нанеси в кровать ей Снежные цветы! / Ты дарил мне горе, Тучи да снега... Подари ей зори, Бусы, жемчуга! / Чтоб была нарядна И, как снег, бела! Чтоб глядел я жадно Из того угла!.. / Слаще пой ты, вьюга, В снежную трубу, Чтоб спала подруга В ледяном гробу! / Чтоб она не встала, Не скрипи, доска... Чтоб не испугала Милого дружка! — А.Блок («На чердаке», 1906).

№53. Кто лежит в могиле, Слышит дивный звон, Самых белых лилий Чует запах он. / Кто лежит в могиле — Видит вечный свет, Серафимских крылий Переливный снег. / Да, ты умираешь, Руки холодны, И сама не знаешь Неземной весны. / Но идешь ты к раю По моей мольбе. Это так, я знаю, Я клянусь тебе. — Н.Гумилев («Утешение», 1913).

№54. Я живу в пустыне Нынче, как вчера. Василек мой синий, Я твоя сестра. / Низкие поклоны Мне кладут цветы. На меже зеленой Князь мой, милый, ты. /

Милый мой, не скрою, Что твоя, твоя... Не дает покою Думушка моя. / Друг мой, князь мой милый Пал в чужом краю. Над его могилой Песни я пою. — А. Блок (1903).

№55. Просыпаюсь рано, Чуть забрезжил свет. Тёмно от тумана — Спать мне или нет? Нет, вернусь упрямо В колыбель мою — Спой мне, спой мне, мама: Баюшки-баю! / Молодость мелькнула, Радость отнята, Но меня вернула В колыбель мечта. / Не придет родная — Что ж, я сам спою, Горе усыпляя: Баюшки-баю! / Сердце истомилось. Как отрадно спать! Горькое забылось, Я — дитя опять, Собираю что-то В голубом краю, И поет мне кто-то: Баюшки-баю! / Бездыханно, ясно В голубом краю. Грезам я бесстрастно Силы отдаю. Кто-то безмятежно Душу пьет мою. Шепчет кто-то нежный: Баюшки-баю! / Наступает томный Пробужденья час. День грозит темный, Милый сон погас. Начала збота Воркотню свою, Но мне шепчет кто-то: Баюшки-баю! — Ф.Сологуб (1896).

Тема смерти содержалась уже в исходном стихотворении нашего размера — в «Горных вершинах». Потом она возникала во многих уже рассмотренных стихотворениях (№2-4, 9, 13-15, 27-30, 33, 44-47). В этот раздел вынесены только те стихотворения, в которых тема смерти представлена наиболее сосредоточенно. Конечно, и они перекликаются с уже знакомыми нам темами — любви (№51, 53), быта (№52; хотя Блок и очень непохож на Дрожжина, но вьюга за стеной пришла к нему из 3-ст. хореев Дрожжина и других поэтов быта), сказки (№54), детства (№55). Концовки «...Помолись о мне» и «...По моей мольбе» перекликаются с концовкой №13 — «...Помолюсь украдкой За твою судьбу» — и серединой №30 — «Не забудь меня». А последнее стихотворение Сологуба прямо построено по образцу стихотворения Фета «Сердце — ты малютка! Угомон возьми... <...> Перестанешь биться — И навек в раю, — Только будет снится: Баюшки-баю!» — тоже 3-ст. хореем, тоже о смерти, тоже через образы детства и колыбельного сна. Найдите это стихотворение у Фета и попробуйте определить разницу в разработке одинаковой темы Фетом и Сологубом.

Бунт

№56. Оскверняешь ложью Ты простор полей. Называешь Божью Землю ты своей. / Даже гор уступы Осквернил хулой. О,

какой ты глупый! О, какой ты злой! — Ф.Сологуб (1890).

№57. Ангел непогоды Пролил огонь и гром, Напоил народы Яростным вином. / Средь земных безлюдий Тишина гудит Грохотом орудий, Топотом копыт, / Преклоняя ухо в Глубь души, внемли, Как вскипает глухо Желчь и кровь земли. — М.Волошин («Над полями Альзаса», 1914).

№58. Мертвые зарыты; Вспахана земля; Травами покрыты Жирные поля; / Кое-где лопатой Вскопаны луга, Да торчит измятый Кончик сапога. — Б.Лапин («Поле боя», 1925).

№59. Полно! Не впервые Испытанья Рок Подает России: Беды все — на срок. / Мы татарской воле Принесли дань: Куликово поле Положило грань. / Нас гнели поляки, Властвуя Москвой; Но зажег во мраке Минин факел свой. / Орды Бонапарта Нам ковали ков; Но со снегом марта Стаял след врагов. / Для великих далей Вырастает Русь; Что мы исчерпали Их, — я не боюсь! / Знаю: ждет нас много Новых светлых дней: Чем трудней дорога, Тем привал милей. — В.Брюсов («Полно», июнь 1917).

№60. Загуди сильнее, Красный, вольный звон! Злого чародея Взяли мы в полон! / Вековые раны Вылечит народ, Будет сердце пьяно Радостью свобод... / Буйно-огневая Посреди песков Бьет вода живая Новых родников. / Песенные гулы, Красный звон шальной. — Веселись, Микула, Царь земли родной! — А.Ширяевец (1917).

№61. Тучи — как озера, Месяц — рыжий гусь. Пляшет перед взором Буйственная Русь. / Дрогнул лес зеленый, Закипел родник. Здравствуй, обновленный Отчарь мой, мужик! / Голубые воды — Твой покой и свет, Гибельной свободы В этом мире нет. / Пой, зови и требуй Скрытые брега; Не сорвется с неба Звездная дуга! / Не обронит вечер Красного ведра; Могутные плечи — Что гранит-гора. <...> — С.Есенин (из поэмы «Отчарь», 1917).

№62. Волен ветер в поле, Сам себе закон; А на вольной воле Я — в себе волен. / В сердце ль накипело, Час ли бьет тоске, — В путь-дорогу смело Выйдешь налегке; / Позади покинешь Бремя дум лихих, — / Взглядом не окинешь, Сколько было их. / Мне — чего жалеть ли, Гонит не вражда, — Вырвался из петли И — прощай, нужда! / Ни угла, ни дома, Ничего-то нет, Бобылю — хорома Бел-широкий свет!.. <...> — Ап. Коринфский («На воле», 1909).

№63. Вечер. Стенька Разин, Верный атаман, На веселый праздник Гонит караван. / С моря волны-сестры, Как снега, белы. Отточились остро Отмелей углы. / К городу пристали Лодки и челны — У царя в опале Гордые сыны. / Чарка атамана В поднятой руке. Весело и пьяно Стало на реке. / — На Руси ли мало Доброго вина? — Много! — отвечала Синяя волна. / И упала с кручи, И ушла к лугам. И струной певуче Прозвенела там. — П.Орешин («Волна», 1914).

№64. Барка жизни встала На большой мели. Громкий крик рабочих Слышен издали. Песни и тревога На пустой реке. Входит кто-то сильный В сером армяке. Руль дощатый сдвинул, Парус распустил. И багор закинул, Грудью надавил. Тихо повернулась Красная корма, Побежали мимо Пестрые дома. Вот они далеко, Весело плывут. Только нас с тобою, Верно, не возьмут! — А. Блок (1904).

№65. Прежнее истлело, Новое живет. Там, где плыло тело, Лодка поплывет. / Кто-то слезы ронит. Пусть тоскует, пусть! Никого не тронет Старческая грусть. / Снесена ограда И разрушен дом, — Никому не надо Вспоминать о том. / Плохо ль новоселье Мертвому в гробу? Хочется веселья Каждому рабу. / Цепкую кручину Прогони в кабак, Надевай личину, Надевай колпак. / Бубенцами звякай, Бубном грохочи, Шут, перед звякай Громче хохочи. — Ф.Сологуб (1923).

У И.С.Никитина, «классика» 3-ст. хорез (в темах природы и быта), есть известное стихотворение про вольного бобыля: «Дай взгляну веселей: Дума не подмога. Для меня ль, бобыля, Всюду не дорога?..» Оно написано не 3-ст. хореем, а строчным логоздом, но в этом логозде четные строки представляют собой 3-ст. хорей (а нечетные?); через это сходство тема воли могла связаться ассоциациями и со сплошным 3-ст. хореем. По-видимому, именно поэтому Ап. Коринфский написал свое стихотворение на точно ту же тему 3-ст. хореем (№62; ср. у Коневского №7), а затем это подхватили «крестьянские поэты» Орешин, Ширяевец и Есенин. Так совершилась неожиданная, казалось бы, перемена эмоционального знака: рядом со стихами о народе убогом и бедствующем (тема быта) в нашем размере явились стихи о народе вольном и сильном (тема бунта).

Стихотворение Коринфского написано по следам революции 1905 г., стихотворение Орешина — на волне предвоенного революционного подъема, стихотворения Ширяевца и Есенина приветствуют фев-

раль 1917 г. Революция в России была последствием войны; тема войны входит в 3-ст. хорей в стихах Волошина и Лапина. В ней знакомая 3-ст. хорейю тема смерти расширяется от личных до общих масштабов. Любопытно, что в конце стихотворений Брюсова 1917 г. возникает в метафоре одна из самых традиционных тем 3-ст. хорейя — путь, «дорога» и «привал». Несомненной аллегорией революции является стихотворение Блока с его концовкой о собственной судьбе. Поздним откликом на стихотворение Блока (через образ лодки) может быть воспринято и стихотворение Сологуба (№65, тоже с концовкой о себе), хотя это и не так: в нем говорится о смерти жены поэта, утонувшей в 1921 году.

Возрождение

№66. Вновь закат оденет Небо в багрянец. Горе, кто обменяет На венок — венец. / Мраком мир не связан. После ночи — свет. Кто миропомазан, Доли лучшей нет. / Утренние зори — Блеск небесных крыл. В этом вечном хоре Бог вас возвестил. / Времени не будет, Ночи и зари... Горе, кто забудет, Что они — цари! — В.Брюсов («Гимн» из трагедии «Земля», 1902).

№67. «In hoc signo vinces». Витязь Тайной Дали, Стоек я в бою — Древний щит из стали Кроет грудь мою... / В поясе середины Выкован на нем Строгий лик орлиный, Дышащий огнем... / И над ним чеканно — мой старинный герб — Свиты вязью странной Лилия и Серп. / И вокруг них, вдоль края, Как венец литой, Тянутся, сверкая Огненной чертой — / Ярче, чем средь мрака Ожерелье звезд, Три великих знака — Молот, Посох, Крест. — Ю.Балтрушайтис («Мой щит», 1912).

№68. — Тихо льется в чашу Жертвенная кровь. Звезды славят нашу Кроткую любовь. / В жертвенной могиле, Где Иной почил, Мы соединили Токи алых сил. / Нож священно острый В быстром круге рук. Вы не бойтесь, сестры, Острых быстрых мук. / И не бойтесь, братья, В чашу кровь струя, Разрушать заклатья Злого бытия. / — Отрок непорочный, Между вами — Я. В чаше полуночной Это кровь — Моя. / Кто ж боится боли, В чашу кровь струя? Тайной вечной воли Эта боль — Моя. / — Сердце не трепещет. Неразрывен круг. Вкруг безмерность блещет Лучезарных дуг. / — Обольщенья тела — Легкий сон ночной. Нет нигде предела Меж Тобой и Мною. / Вас, как мир, Я движу. Только плоть Мою В

хороводе вижу. Кровь Мою Я пью. — Ф.Сологуб (из «Литургии Мне», 1907).

№69. Зыбля дым свой сизый В поле, в тайный срок, В пламенные ризы Вечер даль облек... / В час их кроткой славы, Искрясь, ввысь простер Огненные главы Огненный собор... / Во врата святые Шествуют толпой Митры золотые К службе мировой... / И в святые горней Светится потир — И поник соборне Вещий звездный клир... / И воскресла в Боге, Лаской звезд дыша, На земном пороге Смертная душа... / Пламя разрешило Плен ее в пыли — Вскинуло кадило К небу дым земли! — Ю.Балтрушайтис («Видение вечера», 1915).

№70. Лестница золотая Прянула с небес. Вижу, умирая, Райских кринов лес. / В куцах духов клиры, — Светел лик, крыло... Хмель вина и мирры Ветром донесло. / Лоскуты рубахи Треплются у ног... Камни шепчут в страхе: Да воскреснет Бог. — Н.Клюев («На кресте», 1913).

№71. Тучи с ожереба Ржут, как сто кобыл. Плещет надо мною Пламя красных крыл. / Небо словно вымя, Звезды как сосцы. Пухнет Божье имя В животе овцы. / Верю: завтра рано, Чуть забрезжит свет, Новый под туманом Вспыхнет Назарет. / Новое восславят Рождество поля, И, как пес, пролает За горой заря. / Только знаю: будет Страшный вопль и крик, Отрекутся люди Славить новый лик. / Скрежетом булата Вздыбят пасть земли... И со щек заката Спрыгнут скулы-дни. / Побегут, как лани, В степь иных сторон, Где вздымает длани Новый Симеон. — С.Есенин (1916).

№72. <...> Слава в вышних Богу И на земле мир! Месяц синим рогом Тучи прободил. / Кто-то вывел гуся Из яйца звезды — Светлого Иисуса Проклевать следы. / Кто-то с новой верой Без креста и мук Натянул на небе Радугу, как лук. / Радуйся, Сионе, Проливай свой свет! Новый в небосклоне Вызрел Назарет. / Новый на кобыле Едет к миру Спас. Наша вера — в силе. Наша правда — в нас. — С.Есенин (из поэмы «Инония», 1918).

Смерть, итоговая тема русского 3-ст. хорейя, для поэтов начала века была не только тихим бессилием или горьким отчаяньем — она была также священнодействием, приобщением к другому миру и воскресением в Боге. Сам поэт уподобляется Христу, своей смертью открывающему людям «после ночи — свет». Таким образом, тема возрождения — это тоже

как бы перемена эмоционального знака в теме смерти.

Отсюда торжественная интонация царственного «Гимна» Брюсова (миропомазание — обряд посвящения на царство). Отсюда религиозные образы в (традиционной для 3-ст. хорей) картине вечера у Балтрушайтиса. Отсюда же аллегоризм его стихотворения «Мой щит» (эпиграф его означает «Этим знаком победишь» — с такими словами римскому императору Константину в видении был показан крест с монограммой Христа). Лилия и Серп означают молитву и труд, Молот, Посох, Крест — труд, путь, смерть и воскресение; «Лилия и Серп» назывался последний сборник стихов Балтрушайтиса. Особое положение занимает «Песнь крови» из мистерии Ф.Сологуба «Литургия Мне»: это диалог между хором и отроком, который приносит себе в жертву и причащает хор своею кровью в чаше; но так, как, по Сологубу, мир есть лишь порождение творческой воли и фантазии человека, то отрок этим совершает жертву самому себе и сам причащается своею кровью. Тема Христова воскресенья прямо возникает в 3-ст. хорее у молодого Есенина в стихотворении 1914 г.:

№73. Колокол дремавший Разбудил поля. Улыбнулась солнцу Сонная земля. / Понеслись удары К синим небесам. Звонко раздается Голос по лесам. / Скрылась за рекою Белая луна, Звонко побежала Резвая волна. / Тихая долина Отгоняет сон, Где-то за дорогой Замирает звон. — С.Есенин («Пасхальный благовест», 1914).

Здесь поэт еще не отождествляет себя с Христом. Но это делает в своем стихотворении Клюев; а его интонацию подхватывает Есенин в стихах революционных лет об обновлении мира, «новом Назарете». Обновленный мир для Есенина — прежде всего крестьянский мир; отсюда образы рожающих кобыл и овцы, вылупляющегося звездного гуся, бодающегося месяца.

Заключение

№74. Хрупкой прялки трепет Как отрадно прасть! Робко резвый лепет Кроет ритма власть. / Рук незримых пряжа Размеряет путь; Разве радость та же? Разве ноет грудь? / Разве двери рая Не раскрылись вновь? Разве не играя Разгорелась кровь? / Розы крови, рея, Дали красный нимб... Ровный бег хорей Подарил Олимп. — Черубина де Габриак (1915).

Е.Васильева (Черубина де Габриак) была приверженкой антропософии — мистической науки о божественном единении человека с мирозданием. Одно из средств к достижению этого единения — ощущение общего ритма; занятия этой «эвритмией» были неременной частью упражнений в антропософском обществе. Для занятий и написала она стихотворение «Хорей», а также два аналогичных — «Дактиль» и «Амфибрахий».

Интересно, что в качестве образца хорей она выбрала именно 3-ст. хорей, а не гораздо более распространенный 4-ст. хорей, например. Может быть, это оттого, что в более коротком стихе более прост ритм и более однообразны сочетания слов.

В самом деле, около трети всех строк 3-ст. хорей полноударны, состоят из трех слов, а около двух третей содержат пропуск ударения, состоят из двух слов. Так как более слабые синтаксические связи обычно приходятся между стихами, а более сильные — внутри стиха, то большинство двусловных стихов образуются четырьмя самыми прочными синтаксическими конструкциями:

1) определение и определяемое: «полная луна», «желтая луна», «белая луна», «резвая волна», «поздние слова» и пр.;

2) глагол и дополнение: «размеряет путь», «надрывает грудь», «озаряя снег», «кроет голытьбу», «к всенощной зовет» и пр.

3) глагол и обстоятельство: «медленно ложится», «звонко раздаются», «неумело ловят», «и щемит невольню», «стану для забавы» и пр.;

4) подлежащее и сказуемое: «метеор зажжется», «шорох пронесется», «теплится ночник», «умирал старик», «разгорелась кровь» и пр.

Такие синтаксически схожие словосочетания в ритмически схожих стихах называются ритмико-синтаксическими клише. Попробуйте выделить эти четыре ритмико-синтаксических клише во всех двусловных строках этого раздела и присмотритесь, какие еще ритмико-синтаксические клише можно в таких строках найти.

Обратите внимание, как редки в 3-ст. хорее анжамбеманы, особенно в середине строфы, потому что четверостишие 3-ст. хорей стремится распасться на два замкнутых двустышия. Наиболее заметные анжамбеманы — в стихотворениях: «Что мы исчерпали / Их, я не боюсь» (№59), «Оглянулся — свет / Лунный воцарился» (№15), «Тут же так, что небу / Жарко, начудишь» (№7); где еще?

* * *

Мы просмотрели 74 стихотворения, написанных 3-ст. хореем и сгруппированных тематически. (Может быть, вы предпочли бы сгруппировать их иначе? Попробуйте.) Каждую из этих определяющих тем можно назвать семантической окраской этого размера, а совокупность этих окрасок — семантическим ореолом этого размера. Не все ученые признают эти понятия: некоторые считают, что семантическая традиция между стихотворениями неощутима и каждое стихотворение пишется так, как если бы оно использовало данный стихотворный размер впервые. Решите сами, достаточно ли убедительно для вас предлагаемая подборка текстов доказывает, что семантическая традиция все же существует.

У стихотворений, написанных 3-ст. хореем, за редкими исключениями (№48, 49), один семантический исток: переложение Лермонтова из Гете «Горные вершины / Спят во тьме ночной...» В других стихотворных размерах у начала семантических традиций стоят два или три таких же известных и всем памятных стихотворения; их перекрещивающиеся влияния дают более сложную картину. Может показаться, что в конечном счете все размеры одинаково открыты для всех тем. Это не совсем так: мы видим, что в почти исчерпывающем своде 3-ст. хореем начала века отсутствует гражданская лирика (исключение — №59), счастливая любовь, юмористическая поэзия. Но еще важнее, что даже наличествующие темы по-разному окрашиваются соседними. Тема несчастной любви возможна едва ли не во всех размерах. Но в 3-ст. хореем сквозь нее будут просвечивать путь, природа, тоска, смерть и т.д., а в 3-ст. амфибрахиях, например, в ней будут отзвуки балладной романтики, воспоминаний, видений, сна, интонации раздольной песни и т.д.

Соотношение между формой и содержанием стиха — сложный предмет, и наука только начинает подступать к его исследованию. Для тех, кого заинтересовала наша книга, здесь — широкое поле для приложения приобретенных знаний.

Примечания

1. Чролли (наст. фам. Тарасов Константин Фавстович, даты и обстоятельства жизни почти неизвестны), родом из Красноярска, выпустил в 1915-1916 гг. две книжечки «Сын Фауста» (по своему отчеству) и «Гуингм» (племя мудрых лошадей у Дж. Свифта). На обложках были высказывания А.Блока, А.Белого и др. о том, что эти стихи очень плохи. Изобрел «диминуенду»: стихотворение из постепенно укорачивающихся строк.

2. Палей Владимир Павлович (1897-1918) — князь, внебрачный сын великого князя Павла Александровича, корнет гвардии, царскоевельский житель и литератор-дилетант; выпустил в 1916 г. роскошно изданную книгу легких любительских стихов. Казнен вместе с другими членами царской семьи в Алапавске.

3. Лозина-Лозинский Алексей Константинович (псевд. Я.Любар, 1886-1916) был близок к акмеистам, долго жил в Европе, писал стихи (хвалебные!) о Парижской Коммуне; сознательно стилизовал себя под «проклятого поэта», несколько раз покушался на самоубийство; приняв в последний раз яд, вел дневник до минуты смерти.

4. Майзельс Дмитрий Львович (даты жизни неизвестны) был типографским рабочим, уезжал на заработки в США, единственный сборник его стихов, мрачных и шероховатых, называется «Трюм» (1918). Перед революцией примыкал к группе молодых поэтов из Петербургского университета (Вс. Рождественский и др.); последние его публикации — в Рязани в начале 1920-х гг.

5. Годин Яков Владимирович (1887-1954), сын фельдшера, профессиональный литератор с 16 лет, печатавшийся во множестве невысокопробных изданий, был для современников нарицательным образцом новой «массовой поэзии», усвоившей (и неплохо) поэтическую технику символизма. Друг юности С.Я.Маршака. В 1915 поселился в деревне, там женился и постепенно выпал из литературы.

6. Арсенева Клара Соломоновна (1889-1972) училась писать у Ахматовой, упрощая ее темы и интонации, но достаточно умело избегая при этом как манерности, так и небрежности («Стихи о жизни». 1916); таких поэтов в 1910-х гг. явилось много («...Я научила женщин говорить...» — писала Ахматова). После революции — преимущественно переводчица грузинских и других поэтов.

В.В.Попов, Б.Я.Фрезинский

Материалы к библиографии И.Г.Эренбурга

Стихи, переводы, статьи о поэзии. Литература об И.Г.Эренбурге

Литературное наследие Ильи Эренбурга до сих пор не собрано и по существу всерьез не описано. В 1969 г. Государственная публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина в Ленинграде предприняла первую и доныне единственную попытку издания библиографии Эренбурга¹. Однако эта библиография оказалась крайне неполной — в нее не вошло большое количество эренбургских публикаций и даже некоторые книги писателя (прежде всего — по цензурным обстоятельствам). Так, если говорить о стихах Эренбурга, то в этой библиографии отсутствует около пятидесяти их публикаций, в десяти случаях неверно указаны первые издания и факты включения стихов в те или иные сборники. Еще в большей степени это относится к эссеистике Эренбурга.

Готовя настоящую публикацию, мы стремились хотя бы частично восполнить эти недостатки в разделе, относящемся к поэзии Эренбурга.

Так, в разделе «Несобранные стихи» приводятся сведения лишь о тех стихах, публикации которых не были описаны в библиографии ГПБ и которые не включались в прижизненные сборники Эренбурга и в наиболее полные посмертные издания — «Библиотека поэта» («Большая серия»)² и первый том нынешнего собрания сочинений³. Некоторые особенности издательской практики Эренбурга здесь следует оговорить. Живя в Париже в 1908-1917 гг. в отрыве от русских издательств, молодой Эренбург испытывал понятные трудности с печатанием своих стихов. Поэтому стихотворения, которые ему удалось напечатать в русской периодике, он, как правило, старался не включать в свои небольшого объема стихотворные сборники, выходившие малыми тиражами примерно раз в год.

Не лишним будет упомянуть и о рукописных книгах Эренбурга, выпущенных им в конце 1920 г. в Москве в Книжной Лавке писателей. Эти книги в числе многих других изданий Лавки были впервые описаны М.А.Осоргиным; в этом описании перечислены тринадцать рукописных книжек поэта⁴ (четыре из них сохранились и находятся в собраниях РГАЛИ, ИМЛИ и РГБ). Ряд детских стихов Эренбурга из рукописного сборника «В раю» впервые опубликовал М.Левин⁵; перечень рукописных книг Эренбурга содержится также в статье Н.А.Богомолова и С.В.Шу-

михина ««Книжная лавка писателей» и автографические издания 1919-1922 годов»⁶.

Перечислим и невышедшие книги стихов и переводов, сведения о которых извлечены нами из различных источников:

Noli me tangere. Париж, 1914.

Поэты старой Испании: [Гонсало де Берсео, Хуан Руис, Хорхе Манрике и др.]. М., 1918.

Заячья елка: Детские стихи. Киев, 1919.

Поэты старой Испании. Гомель: Века и дни, 1919.

Повесть о жизни некой Наденьки. 2-е изд. Гомель, 1919.

Про разных зверей / Илл. Л.Козинцевой-Эренбург. Берлин: Геликон, 1921.

Отреченные стихи. Берлин: Геликон, 1923.

Из испанских поэтов. Берлин: Геликон, 1923.

Не переводя дыхания. Пг., 1923-1924.

Статьи и заметки И.Эренбурга, посвященные поэзии и поэтам, — значительная часть его эссеистики (первая статья датирована 1911 г.) И если ранние статьи и рецензии Эренбурга вызывали интерес лишь в среде любителей поэзии, то его поздние работы часто становились значительным событием в общественной жизни (так было, например, со статьями о поэзии Цветаевой, Бориса Слуцкого и др. — архивы ЦК КПСС хранят множество доносов, возмущенных отзывов и секретных распоряжений, вызванных ими).

Переводами Эренбург занимался всю жизнь — с 1913 г. до 1960-х гг. Он переводил стихи лишь с двух языков — французского и испанского. И если вначале он ставил перед собой антологические цели (так, в 1913 г. им была создана знаменитая антология «Поэты Франции»), то впоследствии переводил лишь то, что было ему особенно близко — Вийона, Дю Булле, старинные французские песни, Неруду, Гильена. Поэтические переводы Эренбурга с исчерпывающей полнотой собраны Л.А.Зониной в книге «Тень деревьев»; несобранных его переводов практически не осталось.

Критика была исключительно внимательна уже к самым первым шагам Эренбурга в поэзии; рецензия на его малотиражные парижские сборники повлияла не только в столичных, но и в провинциальных изданиях. О первых сборниках стихов и переводов Эренбурга писали Брюсов, Волошин, Мандельштам, Ходасевич, Гумилев, Белый, Эйхенбаум, Жирмунский. Отклики же на поздние и самые зрелые стихи Эренбурга (начиная со сборника «Зрелость») были куда малочисленнее и скромнее. О последней прижизненной книге стихов Эренбурга (тираж которой

разошелся мгновенно) не было напечатано ни одной рецензии (что, конечно, свидетельствует и об общем понижении — сравнительно даже с предвоенными годами — культуры рецензирования). В 1940-50-е годы утвердилось откровенно снисходительное отношение критики к поэзии Эренбурга — ее как бы прощали автору за всю его прочую деятельность. Отметим, что только после смерти Эренбурга были тщательно собраны и относительно полно переизданы его стихи и переводы. В нашей библиографии описаны публикации, не учтенные в единственной опубликованной библиографии Эренбурга; звездочкой

отмечены позиции, в этой библиографии уже фигурировавшие.

1. Русские советские писатели: Прозаики: Библиографический словарь. М., 1969. Т.4. Ч.2. С.217-337.
2. Эренбург И. Стихотворения. Л., 1977.
3. Он же. Собрание сочинений. М., 1990. Т.1.
4. Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1932. Вып.3. С.49-60.
5. Русская филология: Третий сборник научных студенческих работ. Тарту, 1971.
6. Ново-Басманная, 19. М., 1990. С.129-130.

1. КНИГИ

Молитва о России. — М., 1918. — 48 с. — Тираж не указан.

В смертный час: (Молитва о России). — Киев: Летопись, 1919. — 52 с. — Тираж не указан.

Раздумия. — Рига, 1921. — 31 с. — Тираж не указан.

Золотое сердце: (Мистерия). Ветер: (Трагедия). — Берлин: Геликон, 1922. — 196 с. — Тираж не указан.

Тень деревьев: Стихи зарубежных поэтов в переводе Ильи Эренбурга / Сост. Л.Зониной; Предисл. Б.Слуцкого. — М.: Прогресс, 1969. — (Мастера

поэтического перевода). — 303 с. — Тираж не указан.

Стихотворения / Предисл. Б.Слуцкого. — М.: Художественная литература, 1972. — (Библиотека советской поэзии). — 215 с. — Тираж 25000 экз.

Стихотворения / Сост. Б.М.Сарнова; Вступ. ст. С.С.Наровчатова; Примеч. Н.Г.Захаренко. — Л.: Советский писатель, 1977. — (Библиотека поэта. Большая серия). — 478 с. — Тираж 40000 экз.

Стихотворения / Предисл. С.Наровчатова; Сост. и примеч. Г.А.Белой. — М.: Советская Россия, 1982. — 176 с. — Тираж 25000 экз.

2. НЕСОБРАННЫЕ СТИХИ

Матери // Студенческая жизнь. — 1910. — 17 января. — Подп.: И.Э.

Довольно // Возрождение. — 1910. — №4. — С.1.

«Мне снилось, что все мы усталые дети...» // Кривое зеркало. — 1910. — №21. — С.10.

«Глядя же скорее, как ярко расшиты луга...» // Жизнь для всех. — 1910. — №6. — С.28. — (На чужбине).

Старые девушки // Кривое зеркало. — 1910. — №26. — С.10.

«Вечером долины серебром одеты...» // Студенческая жизнь. — 1910. — 19 сентября.

«Я хочу быть в Вашей свите...» // Голос студенчества. — 1910. — 30 сентября. — (Из серии «Колье»).

В черном небе // Там же.

«Мой поэт и паладин...» // Денди: Журнал искусств и моды. — 1910. — №3. — С.10. — Сообщено Е.И.Ландау.

«Я говорил стихи маркизе...» // Московская газета. — 1910. — 18 октября.

Объяснение в любви // Студенческая жизнь. — 1910. — 28 ноября.

То же с доп.: *Сатирикон. — 1911. — №22. — С.13.

«Я люблю к Вам, маленькая мама...» // Восточная заря. — Иркутск, 1910. — 5 декабря. — Место и дата написания: Париж, 1910.

Фокс-терьер // Утро. — Харьков, 1910. — 5 декабря. — (Собачьи стихи).

То же: Барс. — Петрозаводск; СПб., 1993. — №1(2).

*Моему духовнику // Голос Сибири. — Иркутск, 1910. — 12 декабря.

То же: Сибирь. — Иркутск, 1974. — №5. — С.92. — Без заглавия.

«Она молилась возле статуи...» // Студенческая жизнь. — 1910. — 19 декабря.

*«Возвещая о скорой победе...» // Голос Сибири. — Иркутск, 1910. — 25 декабря.

То же: Сибирь. — Иркутск, 1974. — №5. — С.92.

«Там, где травка серебрилась...» // Утро. — Харьков, 1910. — 25 декабря.

То же: *Сатирикон. — 1912. — №24. — С.7.

Нечистая месса // Студенческая жизнь. — 1910. — 26 декабря.

«Пускай не твердят ей с укором...» // Там же. — 1911. — 30 января.

«Когда от Ваших слов все радостью зажглось...» // Там же.

То же: *Московская газета. — 1911. — 26 марта.

*«В детстве любила она на кровати...» // Всеобщий журнал литературы, науки и общественной жизни. — 1911. — №2. — [Стлб.] 47.

То же: Подольские известия. — Каменец-Подольск, 1913. — 1 января.

«Простерши худые ладони...» // Новая жизнь. — 1911. — №3. — С.6.

«Печальны и убоги...» // Там же.

Женщина // Сибирская мысль. — Иркутск, 1911. — 2 июня.

То же: Сибирь. — 1974. — №5. — С.92.

«Он уехал. Ни стона...» // Сибирская мысль. — Иркутск, 1911. — 8 июня.

То же: Сибирь. — 1974. — №5. — С.92.

«В комнате запах лекарства...» // Всеобщий журнал литературы, искусства, науки и общественной жизни. — 1911. — №9. — [Слб.] 8.

Sainte Genevieve // Там же. — 1912. — №2. — [Слб.] 92.

То же: Наш друг. — 1912. — №2.

«За лесами в болоте...» // Утро России. — 1912. — 20 мая. — (Старые песенки).

«Этих щечек мой неверный...» // Там же. — (Старые песенки).

Шкатулка // Там же.

«Если за день усталые жницы...» // Новый журнал для всех. — 1912. — №9. — С.71-72.

То же: Чтец-декламатор. — Киев, 1913. — С.606.

«Родная, после дней печали...» // Жизнь для всех. — 1913. — №3/4. — С.1.

В Версале // Ежемесячное литературное и популярно-научное приложение к «Ниве». — 1914. — №11. — С.449-450.

Осел // Ковер-самолет. — Киев, 1919. — №1. — С.21. — Сообщено Я.З.Берманом.

«Группы. Грубые гроба...» // Знамя. — 1939. — №7/8. — С.230. — (Испанские стихи).

Опять // Там же. — 1940. — №10. — С.156. — (1940).

«О чем молчат арденские леса...» // Новый мир. — 1941. — №5. — С.148.

То же: Там же. — 1977. — №11. — С.13.

«Та заморская чужая сырость...» // Там же. — С.114. — (Из литературного наследия).

3. СТАТЬИ О ПОЭЗИИ

М.Кузмин. «Сети», «Куранты любви»: [Рец.] // Голос Сибири. — Иркутск, 1911. — 30 марта.

То же: Сибирь. — Иркутск, 1974. — №5. — С.93-94.

Могила Шарля Пегги // Биржевые ведомости. — 1916. — 21 декабря.

Бальмонт // Понедельник Власти народа. — 1918. — 19 марта. — (Силуэты).

Льстецы его величества // Новости дня. — 1918. — 9 апреля.

То же с изм. и доп.: Киевская жизнь. — 1919. — 14 сентября.

О пролетарской культуре.

Четыре // Там же. — 1918. — 13 апреля.
О Н.Крандиевской, М.Цветаевой, В.Инбер и В.Меркурьевой.

Завсегда блодулизы // Киевская жизнь. — 1919. — 23 октября.

О В.Маяковском, В.Каменском и Н.Клюеве.

В.Я.Брюсов // Слово. — Тифлис, 1920. — 26 сентября.

Бальмонт // Слово. — Тифлис, 1920. — 17 октября.

А.А.Блок // Там же. — 1920. — 24 октября.

В.В.Маяковский // Там же. — 1920. — 31 октября.

Предыдущие четыре статьи с изм. и доп.:

*Эренбург И. Портреты русских поэтов. — Берлин: Аргонавты, 1922. — С.25-30, 36-39, 48-52, 113-117; 2-е изд. под назв. «Портреты современных поэтов». — М.: Первина, 1923.

Au-dessus de la melee // Русская книга. — Берлин, 1921. — №7/8. — С.1-2.

Ответ на выпады эмигрантских критиков против поэтов, оставшихся в Советской России.

О некоторых признаках расцвета русской поэзии // Там же. — 1921. — №9. — С.1-5.

Письмо в редакцию // Там же. — С.5-6.

Ответ на статью А.Койранского «Поэтический иммунитет» в «Последних новостях» (Париж) от 29 сентября 1921 г., направленную против статьи «Au-dessus de la melee».

Сергей Есенин. «Трерядница», «Исповедь хулигана»: [Рец.] // Новая русская книга. — Берлин, 1922. — №1. — С.17-18.

То же: Нева. — 1991. — №1. — С.200-202.

Александр Кусиков. «Искандер Намэ»: [Рец.] // Новая русская книга. — Берлин, 1922. — №1. — С.24. — Подп.: И.Э.

Сергей Есенин. «Пугачев»: [Рец.] // Там же. — 1922. — №2. — С.15-16. — Подп.: И.Э.

То же: Звезда. — 1987. — №3. — С.177.

Марина Цветаева. «Разлука»: [Рец.] // Там же. — С.17.

То же: Звезда. — 1987. — №3. — С.178.

Осип Мандельштам. «Tristia»: [Рец.] // Новая русская книга. — Берлин, 1922. — №2. — С.19.

То же: Звезда. — 1987. — №3. — С.178-179.

Ирина Одоевцева. «Двор чудес»; Елизавета Полонская. «Знамения»: [Рец.] // Новая русская книга. — Берлин, 1922. — №3. — С.8-9. — Подп.: И.Э.

О некоторых критиках // Там же. — 1922. — №6. — С.7-8.

О поэтических публикациях в альманахе «Утренники» (Пб., 1922. Кн.11).

Борис Пастернак. «Сестра моя — жизнь»: [Рец.] // Новая русская книга. — Берлин, 1922. — №6. — С.10-12.

То же: Звезда. — 1987. — №3. — С.179-178.

Николай Тихонов. «Орда»: [Рец.] // Новая русская книга. — Берлин, 1922. — №7. — С.11. — Подп.: И.Э.

То же: Звезда. — 1987. — №3. — С.181.

Поэты в концлагере // Известия. — 1939. — 14 февраля.

Об испанских поэтах, эмигрировавших во Францию после падения Испанской Республики и там интернированных.

На могилу Мачадо // Известия. — 1939. — 24 февраля. — Подп.: П.Жослен.

Песни Кубы // Знамя. — 1949. — №8. — С.108.

*Предисловие // Гильен Н. Стихи. — М.: Изд-во иностр. лит., 1952. — С.3-6.

То же: Гильен Н. Избранное. — М.: Правда, 1955. — С.3-5. — (Библиотека «Огонек». №19).

Поэзия Марины Цветаевой // Литературная Москва. — М.: ГИХЛ, 1956. — Сб.2. — С.709-715.

*Мертвые остаются молодыми // Коммунист. — Ереван, 1957. — 28 сентября.

То же: Эренбург И. Об Армении и армянской культуре. — Ереван, 1988. — С.30-33.

О Е.Чаренце.

О поэзии Поля Элюара // Элюар П. Стихи. — М.: ГИХЛ, 1958. — С.3-12.

То же: *Эренбург И. Французские тетради. — М.: Советский писатель, 1958. — С.196-206.

*О Данте // Литературная газета. — 1965. — 30 октября.

То же: Курьер Юнеско. — 1966. — №1. — С.16-21.

Выступление на торжественном заседании Юнеско в Париже, посвященном 700-летию Данте.

И.П.Уткин: [Воспоминания] // В ногу с тревожным веком. — М.: Советский писатель, 1971. — С.59-60.

Виктор Гюго // Иностранная литература. — 1983. — №10. — С.220-221.

Выступление на вечере в Колонном зале Дома союзов 26 февраля 1952 г.

Поль Элюар // Там же. — С. 221-222. Статья 1957 г. из архива писателя.

Моряк на земле // Там же. — 1986. — №7. — С.200-201.

Выступление 19 декабря 1962 г. на вечере в ЦДЛ, посвященном 60-летию Р.Альберти.

Смерть Есенина // Литературная Россия. — 1990. — 5 октября.

4. СТАТЬИ О ПОЭЗИИ И.Г.ЭРЕНБУРГА.

РЕЦЕНЗИИ НА СБОРНИКИ СТИХОВ И ПЕРЕВОДОВ И.Г.ЭРЕНБУРГА

Мартынов Л. Поэзия Ильи Эренбурга // Литературная Россия. — 1966. — 28 января.

Слуцкий Б. Предисловие // Эренбург И. Тень деревьев. — М., 1969. — С.5-12.

Петрова И.В. Поэзия И.Эренбурга: (Начало пути. Испания, Париж в поэзии И.Эренбурга) // Вопросы истории и теории литературы. — Челябинск, 1970. — Вып.5: Советская литература. — С.137-158.

Слуцкий Б. Илья Эренбург — поэт // Эренбург И. Стихотворения. — М., 1972. — С.5-9.

Наровчатова С. Илья Эренбург — поэт // Эренбург И. Стихотворения. — Л., 1977. — С.5-35.

То же с изм. и сокр.: Эренбург И. Стихотворения. — М., 1982. — С.5-22.

Вайферберг М. Стихи И.Г.Эренбурга последних лет жизни // Художественный мир писателя и литературный процесс: (Сборник научных трудов). — Тамбов, 1980. — С.17-26.

Стихи (Париж, 1910)

Б. // Московская газета. — 1910. — 13 сентября.

[Б.п.] // Студенческая газета. — 1910. — 26 сентября.

Вл. В. // Утро. — Харьков, 1910. — 1 октября.

Л.В. [Войтоловский Л.Н.]. Парнасские трофеи // Киевская мысль. — 1910. — 1 октября.

Чужак Н. Воскресший рыцарь бледный // Восточная заря. — Иркутск, 1910. — 1 октября.

Н.А. // Наш журнал. — 1910. — №5. — С.32.

М.К-кий // Минский голос. — 1910. — 27 ноября.

Волькенштейн В. // Современный мир. — 1910. — №10. — С.159-160.

[Б.п.] // Литературное и популярно-научное приложение к «Ниве». — 1910. — №10. — С.296.

[Б.п.] // Всеобщий журнал литературы, науки и общественной жизни. — 1911. — №2. — [Слб.] 221-222.

М.Д. // Обзорение театров. — 1911. — 31 августа.

Иванов И. // Сибирская жизнь. — Томск, 1912. — 21 марта.

Я живу (СПб., 1911)

Кадмин Н. // Новая жизнь. — 1911. — №11. — С.265.

Заботкин Н. Пришелец из иного стана // Вестник литературы. — 1911. — №11. — С.295-297.

Кречетов С. Заметки о текущей русской литературе // Утро России. — 1912. — 12 апреля.

То же: Бюллетени литературы и жизни. — 1912. — №17. — С.336.

Одуванчики (Париж, 1912)

Ам-и [Шетлин М.О.]. Заметки любителя стихов // Заветы. — 1912. — №1. — С.96-97.

М. [Мандельштам О.Э.] // Гиперборей. — 1912. — №3. — С.30.

То же: Мандельштам О. Соч. в 2 т. — М.: Художественная литература, 1990. — Т.2. — С.256.

Кречетов С. Заметки о текущей русской литературе // Утро России. — 1912. — 22 сентября.

Станкевич А. Литературные заметки // Юго-западный край. — Винница, 1913. — 11 июля.

Будни (Париж, 1913)

В.Лоб-нов. Замалчиваемый поэт // Руль. — 1913. — 13 мая.

Н. // Современный мир. — 1913. — №6. — С.18.

Никонов Б. // Литературное и популярно-научное приложение к «Ниве». — 1913. — №7. — С.466.

С.З. // Московские ведомости. — 1913. — 14 июля.

Брюсов В. Новые течения в русской поэзии // Русская мысль. — 1913. — №8. — С.74.

То же: Брюсов В. Среди стихов: 1894-1924. — М.: Советский писатель, 1990. — С.407-408.

Франсис Жамм. Стихи и проза (М., 1913)

Нарбут В. // Новый журнал для всех. — 1913. — №5. — С.149.

Ирецкий В. // Речь. — 1913. — 27 мая.

[Б.п.]. Стихи и проза Жамма // Русская молва. — 1913. — 20 июля.

Н.Л-рь [Лернер Н.О.] // Литературное и популярно-научное приложение к «Ниве». — 1913. — №9. — С.142.

Веселовский Ю. // Русские ведомости. — 1913. — 18 сентября.

Крючков Д. // Приложение к газете «День». — 1913. — 16 декабря.

Гиляровская Н. По следам Св. Франциска // Голос Москвы. — 1914. — 14 февраля.

Венгров Н. // Современник. — 1914. — №13/15. — С.300.

Детское (Париж, 1914)

Ц. [Цензор Д.М.] // Злагодет. — 1914. — №10. — С.18.

Сапожникова Т. Стихи И.Эренбурга: // Сибирская жизнь. — Томск, 1914. — 20 мая.
О книгах «Одуванчики», «Будни» и «Детское».

**Поэты Франции: 1870-1913
(Париж, 1914)**

К.Н. // Приазовский край. — Ростов-на-Дону, 1914. — 10 марта.

М. // Раннее утро. — 1914. — 29 марта.

Альвинг А. // Новь. — 1914. — 5 апреля.

Н.Г. // Голос Москвы. — 1914. — 12 апреля.

Н.А. // Путь. — 1914. — №4. — С.65.

Эйхенбаум Б. // Северные записки. — 1914. — №7. — С.193-194.

Астров С. // Современник. — 1914. — №13/15. — С.304.

Стихи о канунах (М., 1916)

Айхенвальд Ю. // Речь. — 1916. — 25 апреля.

Волошин М. Илья Эренбург — поэт // Речь. — 1916. — 31 октября.

О книгах «Стихи о канунах», «Повесть о жизни некой Наденьки» и переводах из Ф.Вийона.

Франсуа Вийон. Отрывки из «Большого завещания», баллады и разные стихотворения (М., 1916)

М.С. // Биржевые ведомости. — 1916. — 19 апреля. — Веч. вып.

Альдов М. // Утро России. — 1916. — 23 мая.

Борис Г. [Гусман Б.]. Поэт-бродяга // Журнал журналов. — 1916. — №17. — С.7.

В.Б. // Известия Литературно-художественного кружка. — 1916. — №14/15. — С.84.

Смирнов А. // Северные записки. — 1916. — №6. — С.226-227.

Жирмунский В. // Русская мысль. — 1916. — №7. — С.3-4.

Выгодский Д. // Летопись. — 1916. — №8. — С.308.

Переверзев В. // Современный мир. — 1916. — №11. — С.136.

Жак де Безье. О трех рыцарях и рубахе (М., 1916)

Ходасевич В. // Утро России. — 1916. — 4 июня.

То же: Ходасевич В. Собр. соч. — Ann Arbor, 1990. — Т.2. — С.244.

О жилете Семена Дрозда. Молитва (Париж, 1917)

Айхенвальд Ю. // Речь. — 1917. — 8 февраля.

Молитва о России (М., 1918)

Б. // Мысль. — 1918. — 12 февраля.

W. [Ходасевич В.Ф.] // Русские ведомости. — 1918. — 20 февраля.

То же: Ходасевич В. Собр. соч. — Ann Arbor, 1990. — Т.2. — С.282.

Н.В. // Дело народа. — 1918. — 28 апреля.

Большаков К. Стихи за зиму 1917-18 г. // Жизнь. — 1918. — 7 июня.

П.Х. В час смертельного страха // Известия. — Киев, 1919. — 27 марта.

Волошин М. Поэзия и революция: Александр Блок и Илья Эренбург // Камена. — Харьков, 1919. — Кн.2. — С.10-28.

То же: Волошин М. Россия распятая. — М.: ПАН, 1992. — С.124-146.

Эйзлер М. Распятая Россия. — Вена, 1921. — С.16-17.

Волошин М. На весах поэзии // Волошин М. Россия распятая. — М.: ПАН, 1992. — С.121-122.

**Стихи в альманахе
«Весенний салон поэтов» (М., 1918)**

Сморodin А. Сорок восемь поэтов // Понедельник. — 1918. — 3 июня.

Ауслендер С. // Наш век. — 1918. — 14 июля.

С.З-ов // Свободный час. — 1918. — №4. — С.14.

М.И. // Знамя труда. — 1918. — №1. — С.32.

Огонь (Гомель, 1919)

З.Д. [Давыдов З.] // Русь. — Киев, 1919. — 26 сентября (9 октября).

В звездах (Киев, 1919)

Крыжицкий Г. Романтик в роли импресарио: (О последних произведениях И.Г.Эренбурга) // Современное слово. — Одесса, 1919. — 26 декабря.

О романе в стихах «В звездах» и неопубликованных мистерии «Золотое сердце» и трагедии «Ветер».

Кануны (Берлин, 1921)

Гуль Р. // Новая русская книга. — Берлин, 1922. — №2. — С.18-19.

Раздумия (Пг., 1922)

Лелевич Г. // Молодая гвардия. — 1923. — №1. — С.273-274.

Зарубежные раздумия' (М., 1922)

Мещераков Н. Кривое зеркало // Правда. — 1922. — 2 апреля.

**Стихи в альманахе «Костры»
(М., 1922. Кн.1)**

Рашковская А. // Литературные записки. — 1922. — №2. — С.12-13.

Неверов А. // Красная новь. — 1922. — №3. — С.71.

**Портреты русских поэтов
(Берлин, 1922)**

Д.В. [Выгодский Д.И.] // Россия. — 1922. — №2. — С.28.

Вольский А. // Накануне. — Берлин, 1922. — 8 апреля.

Э.Бик [Бобров С.П.] // Печать и революция. — 1923. — №2. — С.220-222.

М.О. [Осоргин М.А.] // Звено. — Париж, 1923. — №5.

Опустошающая любовь (Берлин, 1922)

[Б.п.] // Утренники. — Пг., 1922. — Кн.П. — С.150-151.

Черняк Я. // Печать и революция. — 1922. — №8. — С.229-230.

[Б.п.]. Книга ненависти // Веретеныш. — Берлин, 1922. — №1. — С.14.

Звериное тепло (Берлин, 1923)

Белый А. // Дни. — Берлин, 1922. — 17 декабря.
Ю.О. [Офросимов Ю.В.] // Руль. — Берлин, 1923. — 21 января.

Гуль Р. // Новая русская книга. — Берлин, 1923. — №1. — С.17.

Лурье В. // Сполохи. — Берлин, 1923. — №15/16. — С.42-43.

Верность (М., 1941)

Мартынов Л. // Омская правда. — 1941. — 25 июня.

Стихи о войне (М., 1943)

Поляк Л. // Знамя. — 1943. — №9/10. — С.299.

Тень деревьев (М., 1969)

Портнов В. // Новый мир. — 1970. — №6. — С.283.

Соловьев В. // Звезда. — 1970. — №8. — С.217.

Алигер М. В тени деревьев // Иностранная литература. — 1970. — №9. — С.270-273.

5. РЕЦЕНЗИИ НА ИЗДАНИЯ, ВЫХОДИВШИЕ ПОД РЕДАКЦИЕЙ ИЛИ СОСТАВЛЕННЫЕ И.Г.ЭРЕНБУРГОМ

Вечера (Париж, 1914. №1-2)

[Б.п.] // Приложение к газете «День». — 1914. — 19 июня.

С.П.Б. [Бобров С.П.] // Современник. — 1914. — №13/15. — С.302-303.

[Б.п.]. Об искусствах и литературе // Голос жизни. — 1914. — №4. — С.12.

**Поэзия революционной Москвы
(Берлин, 1922)**

В.Кор. // Голос России. — Берлин, 1922. — 2 апреля.

Чернов В. Эолова арфа революции // Там же. — 1922. — 16 апреля.

Книжные, журнальные и газетные обзоры «DV» информируют о материалах в текущей печати, относящихся к русской литературе 1890-1930-х гг.

Аннотации составляются на основе данных, сообщаемых в обозреваемых изданиях. «DV» не несет ответственности за неточные сведения, ошибки публикаторов и авторов.

КНИГИ

Потаенный сад: Новокрестьянские поэты. В 3 т. — Ставрополь: Кн. изд-во. 1992. — Тираж 1000 экз. — Формат 70×100.

Азадовский К.М. Новокрестьянские поэты: [Вступит. ст.]. — 48 с.

Клюев Н. Стихотворения и поэмы / Сост. и предисл. А.И.Михайлова. — 236 с.

Клычков С. Стихотворения / Сост. и предисл. А.И.Михайлова. — 190 с.

Ширияевец А. Стихотворения и поэмы / Сост. и предисл. А.И.Михайлова. — 222 с.

Вступительная статья К.Азадовского к этому трехтомнику (трудно поддающемуся библиографическому описанию) приложена отдельной брошюрой. Этот краткий очерк развития «новокрестьянской литературы» охватывает преимущественно дореволюционный период и посвящен творчеству представленных в трехтомнике поэтов.

Клюевский том — наиболее, пожалуй, интересный в этом издании. В него вошли стихотворения и поэмы 1908-1932 гг.; впервые в полном объеме воспроизводится обращенный к А.Яр-Кравченко цикл «О чем шумят седые кедр», две части («Ты бормотала, что любишь деда...» и «У пихты волосата лапа...») печатаются впервые. Тому предпослан биографический очерк (с.5-23).

В клычковском томе — стихи 1911-1937 гг., некоторые из которых еще не входили в книги поэта. Биографический очерк (с.5-20).

Том Ширияевца — едва ли не самое полное издание его произведений за последние десятилетия; некоторые стихотворения также не перепечатывались в книгах. Биографический очерк (с.5-19).

Издание богато иллюстрировано фотографиями и другими изобразительными материалами. В Ставрополе, как нам сообщили, оно уже разошлось, так и не дойдя до Москвы.

Гальский В. Путь усталости / Сост., подгот. текста, предисл. К.В.Гальского. — Вологда: Грифон, 1992. — 200 с. — Тираж 10000 экз.

Первый сборник стихотворений Владимира Львовича Гальского (1908-1961) практически в полном объеме представляет творчество этого «поэта русского

зарубежья, доселе неизвестного в России» (из издательской аннотации). В книгу вошли стихотворения 1928-1960 гг., распределенные составителем (сыном поэта) по четырем разделам. Первые три: «Путь усталости», «Urbi et orbi», «Зеркала» — соответствуют авторскому плану сборника, над составлением которого он работал незадолго до смерти. Четвертый раздел «Поэмы, другие стихи и мысли» составили поэмы (в том числе две шуточные), разрозненные стихотворения и два прозаических фрагмента «Земщина и бюргерство» и «О браке». Краткое предисловие К.В.Гальского содержит биографические сведения о роде и семье Гальских и вехах жизненного пути поэта: Орел, Киев, эмиграция в Сербию в годы гражданской войны, обучение в Белградском университете, жизнь в Германии и Австрии в военные и первые послевоенные годы в качестве «перемещенного лица», наконец, жизнь в Марокко, где он и умер. Подстрочные примечания составителя указывают на основные разночтения по рукописным и печатным источникам, содержат данные о весьма немногочисленных прижизненных публикациях (белградский альманах «Литературная среда»; коллективный сборник «Стихи», Мюнхен, 1947; журналы «Грани», «Русские записки» и «Возрождение»), сведения об адресатах и обстоятельствах написания некоторых стихотворений. В книге помещено 10 фотографий автора и его родственников, а в оформлении использованы подлинные документы (из семейного архива автора).

Издание осуществлено при участии историко-этнографического музея «Усадьба Гальских — Горка», созданного в Череповце в 1991 г.

Волошин М.А. Из литературного наследия. — СПб.: Наука, 1991. — [Вып.] I. — 336 с. — Тираж 4700 экз.

Этот сборник, подписанный в печать еще в августе 1991 г., вышел в свет, как сообщил нам один из его авторов, 19 января 1993 г. Однако, по-видимому, это недостаточный повод для того, чтобы изменить дату на титульном листе. Эта книга является «первым выпуском в задуманной серии книг, посвященных публикации неизданного творческого и эпистолярного наследия Максимилиана Александровича Волошина» (из редакционного предисловия). Неизвестно, дождемся ли мы хотя бы второго тома этого интересного начинания.

Большую часть сборника занимают письма Волошина к А.М.Петровой (1871-1921) — знакомой поэта еще с гимназических лет. В течение многих лет Волошин регулярно переписывался с ней (сохранилось 173 письма поэта, 91 из них и составили настоящую публикацию). Письма охватывают 1895-1910 гг. и являются своеобразным эпистолярным дневником Волошина. Письма подготовлены к печати и прокомментированы В.П.Купченко, работа которого заслуживает самого серьезного отношения (с.5-215).

А.В.Лавров публикует под названием «Итальянские заметки М.А.Волошина» записи из «Журнала путешествия» и «Записной книжки» поэта 1900 г., а также его статью «Италия — страна развалин» (с.216-301). Материалы предваряет содержательнейшая статья об образе Италии в русской культуре начала века и в творчестве М.Волошина.

Завершает том публикация неизданных волошинских переводов из Анри де Ренья и статьи «Анри де Ренья» 1919-1922 гг. (с.302-324). Публикация подготовлена П.Р.Заборовым.

В конце тома помещен именной указатель.

Цветаева М. Письма В.Булгакову / Музей Чешской литературы. — Прага, 1992. — 72 с.

Книга подготовлена и издана Г.Ванечковой на основе материалов Архива Музея национальной литературы в Праге на Страгове. Именно в этом архиве сохранились копии цветаевских писем, сделанные В.Ф.Булгаковым и прокомментированные им перед возвращением на родину. Переписка охватывает 1925-1927 гг.; большая часть писем уже печаталась в России и за рубежом, четыре письма публикуются впервые. В качестве приложения печатается письмо А.Тесковой В.Булгакову (о смерти М.Цветавой). Особый интерес представляют воспроизведенные в книге комментарии В.Ф.Булгакова, содержащие интересные подробности жизни литературной эмиграции в Праге, воспоминания о встречах с поэтессой.

Письма Б.Л.Пастернака к жене З.Н.Нейгауз-Пастернак / Вступ. ст. С.Л.Прокофьевой; Предисл., сост., подгот. текстов и коммент. К.М.Поливанова. — М.: Дом, 1993. — 248 с. — Тираж 10000 экз.

В книге впервые в полном объеме публикуются письма 1930-1957 гг., являющиеся не только ценнейшим биографическим документом, своеобразным дневником поэта, но и образцом русской прозы. Во вступительной статье рассказывается о судьбе автографов пастернаковских писем. Издание сопровождается подробным реальным комментарием. Книга богато иллюстрирована.

Греко-Латинский кабинет / Museum Graeco Latium. — [М., 1992]. — Вып.1. — 80 с. — Тираж 2000 экз.

Издание, подготовленное Греко-Латинским кабинетом, почти полностью посвящено проблемам классической филологии и классического образования. Среди авторов — А.И.Зайцев, Ю.А.Шичалин, Е.Ф.Шичалина, Б.Л.Фонкич, К.А.Вах и др. Под шапкой «Из истории Поливановской гимназии» — неподписанная заметка «Рукописный журнал "Арго"», содержащая краткие сведения об истории гимназии Л.И.Поливанова в Москве и о рукописном

журнале «Арго», «издававшемся» воспитанниками гимназии в 1909-1911 гг. Здесь же перепечатываются некоторые материалы из этого журнала 1909-1910 гг.: «путевые впечатления» С.В.Шервинского «В Заре», его же стихотворения «Ахилл и Пепесилея». Будущему поэту и переводчику было тогда 17-18 лет, и его юношеская фотография (в группе с другими членами редакции «Арго» Л.Остроумовым и В.Топлениновым) воспроизводится в книге вместе с его рисунками.

Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia III: Проблемы русской литературы и культуры / Под ред. Л.Бюклинг и П.Песонена. — Helsinki: Helsinki University Press, 1992. — 242 с. — (Slavica Helsingiensia. [Vol.] 11).

Очередной том хельсинкской «Славики» представляет материалы Третьего семинара исследователей с кафедры русского языка и литературы Хельсинкского университета и кафедры русской литературы Тартуского университета. Первый семинар состоялся в 1987 г. в Хельсинки (его материалы см. в 6-м томе хельсинкской «Славики», вышедшем с подзаголовком «Проблемы русской культуры XX века»), второй — в 1989 г. в Тарту (см. вып. 897 «Ученых записок Тартуского университета»), а третий прошел опять в Хельсинки 4 и 5 июня 1991 г.

Сборник открывается статьей Ю.М.Лотмана «Механизм смуты: К типологии русской культуры», основывающейся на историческом материале от XVI в. до периода «военного коммунизма» (с.7-23).

В сообщении Г.М.Пономаревой «Воспоминания С.В.Штейна о поэтах-царскоселах» (с.83-91) привлечен малоизвестный материал из эстонских русскоязычных газет «Свободная Россия» и «Последние известия» за 1919-1927 гг.: воспоминания и статьи С.В.Штейна об И.Ф.Анненском, Н.С.Гумилеве, А.А.Ахматовой. На основе этих публикаций предпринята попытка реконструкции взаимоотношений мемуариста с поэтами-царскоселами.

А.А.Данилевский в статье «Из комментариев к "Кукхе" А.М.Ремизова» (с.93-102) определяет известную книгу не как «мемуарное повествование», а как «пародию на мемуарное повествование», насквозь «игровое» и мистифицирующее читателя.

Фундаментальная работа С.Г.Исакова «Начало нового этапа: Русская общественная и культурная жизнь в Эстонии в 1919-1921 гг.» (с.103-154) — первый, насколько нам известно, очерк истории русской эмиграции в Эстонии. В широком историческом контексте восстанавливается деятельность общественных и литературных организаций, издательств, театральная жизнь. Большая часть работы посвящена русским журналам и газетам «Ревельское слово», «Свободная Россия», «Последние известия», «Свободное слово» и мн. др. Хочется верить, что начатая работа будет доведена до конца и мы дождемся выхода отдельной монографии.

Близка работе С.Г.Исакова статья Н.Башмаковой «Мы говорим на разных языках...», посвященная литературной жизни русской эмиграции в Финляндии в 1910-1930-х гг. (с.155-179): издательства, периодика и т.д. Особое внимание исследователь уделяет творчеству В.Гарднера (1880-1956), И.Савина (Саволайнен, 1889-1927) и В.Булич (1898-1954).

В сборнике опубликованы также статьи П.Тамми «Заметки о полигенетичности в прозе Набокова» (с.181-194) и Л.Бюклинг «Американские кинороли Михаила Чехова» (с.195-224), а также работы Е.Хеллберг-Хирн, Л.Н.Киселевой, Ю.Пярли, П.Торпа, М.Ю.Лотмана.

Эстетическая природа художественного текста, типы его изучения и их методическая интерпретация: Международная конференция-семинар: Тезисы докладов. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1993. — 116 с. — Тираж 200 экз.

«DV», к сожалению, не удалось получить отчета об этой конференции, прошедшей в Санкт-Петербургском университете 11-14 мая 1993 г. Постараемся восполнить этот пробел, хотя бы перечислив материалы по нашей тематике, вошедшие в книгу. В сборнике напечатаны тезисы докладов: Александров А.А. «Повесть Д.Хармса "Старуха" на фоне "петербургского текста"» (с.3-4); Жукова М.Ю. «М.Волошин о "духах русской революции" (на материале стихотворения "Гражданская война")» (с.4-6); Рачкова Е.Г. «Изучение творчества О.Мандельштама в свете достижений западного литературоведения» (с.13-14); Шкурина Н.В. «Воплощение художественных принципов Е.Замятина в "Рассказе о самом главном"» (с.18-19); Эндриус Э., Лахузен Т., Максимова Е. «Синтетизм в художественном тексте: Роман "Мы" Замятина» (с.20); Анненкова И.В. «Типы сложного синтаксического целого в дневниковой прозе М.М.Пришвина» (с.22-23); Вомперский В.П. «Е.Замятин как теоретик языка художественной литературы» (с.26-27); Крюкова Г.М. «Негативная оценка в структуре художественного текста: (По пьесе М.Булгакова "Дни Турбиных")» (с.38-39); Пинежанинова Н.П. «Звуковая организация стиха в системе идиостилей А.Блока и М.Цветаевой» (с.44-45).

Научные труды Московского педагогического государственного университета им. В.И.Ленина: К 120-летию основания университета. — М.: Прометей, 1993. — 288 с. — Тираж 300 экз. — Серия: Социально-исторические науки.

В разделе «История» напечатаны, в частности, статьи: Запорова И.П. «В.В.Вересаев — "Нестор русской интеллигенции"» (о романе «В тупике», с.188-197); Кулешова Н.Ю. «Об отношении большевистских лидеров к использованию буржуазного культурного наследия» (сопоставление позиций В.И.Ленина и Н.И.Бухарина, с.220-222); Степнова Л.В. «Пролеткульт и проблема культурного наследия прошлого» (с.225-227).

Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: Материалы 7-ой Тверской межвузовской конференции ученых-филологов и школьных учителей 9-10 апреля 1993 г. — Тверь, 1993. — 165 с. — Тираж 250 экз.

В сборнике опубликованы, в частности, тезисы докладов: Мирюшкин В.Д. «Художественное своеобразие повести М.Булгакова "Роковые яйца"» (с.137-138); Николаев С.Ю. «"Степь" А.П.Чехова как источник романа И.А.Бунина "Жизнь Арсеньева"» (с.138-140); Ерошкин В.Н., Ружицкий И.В., Строганов М.В. «Волошин или Бахтин? (К вопросу об авторстве "Марксизма и философии языка")» (с.148-149); Сергеев Е.В. «Коммуникативные возможности

тропов: (На материале цикла А.Блока "Стихи о Прекрасной Даме")» (с.153); Степанов А.Г. «Совмещенность точек зрения как основа "полифонизма" в "Стихотворениях Юрия Живаго"» (с.154-155); Субботина М.В. «Блоковские аллюзии в цикле М.Цветаевой "Стихи к Блоку"» (с.155-156); Топильская Е.Е. «Словесное воплощение мотива песни в лирике А.Ахматовой» (с.156-157).

Чудаков А. Слово — вещь — мир: От Пушкина до Толстого. Очерки поэтики русских классиков. — М.: Современный писатель, 1992. — 320 с. — Тираж 2500 экз.

Книгу составили известные работы о Пушкине, Гоголе, Некрасове, Тургеневе, Достоевском, Чехове и Толстом, публиковавшиеся в 1973-1990 гг. в различных научных сборниках, а также работы о ученых-литературоведах: «Теория словесности: А.А.Потебня» (с.148-182); «Виктор Шкловский: Два первых десятилетия» (с.183-218); «В.В.Виноградов и его теория поэтики» (с.219-262); «Живое русское слово и его собиратель» (о Е.П.Иванове, с.263-295). Все статьи, вошедшие в книгу, частично дополнены и переработаны.

Струве Н. Православие и культура / Предисл. Н.Позднякова. — [М.:] Христианское изд-во, [1992]. — 338 с. — Тираж не указан.

Сборник составлен из статей, опубликованных в парижском «Вестнике Русского христианского движения» в 1957-1990 гг. В частности: «К столетию Блока» (с.74-76); «К юбилею Н.С.Гумилева» (с.99-101); «Памяти Ф.А.Степуна» (с.135-136); «На смерть Ахматовой» (с.136-139); «Памяти Корнея Чуковского» (с.139-140); «Писатель-праведник» (о Б.К.Зайцеве, с.142-143); «Русская эмиграция и Пушкин» (с.206-211); «Трагическое неверие» (о М.И.Цветаевой, с.221-228); «Творческий кризис Цветаевой» (с.228-234); «О Пастернаке» (с.234-235); «О "Полночных стихах" Анны Ахматовой» (с.235-243); «Бог Ахматовой» (с.243-245); «Встречи с писателями: Ремизов. Бунин» (с.245-251); «Незамеченный юбилей» (о Е.И.Замятине, с.252-253); «Символика чисел в романе Замятина "Мы"» (с.253-258); «В.Ходасевич и В.Набоков» (с.259-264).

Книга снабжена реальным комментарием с библиографическими данными о месте первой публикации статей; автор комментария не указан.

Поэтика: Хрестоматия / Сост. Б.А.Ланина. — М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1992. — 168 с. — Тираж 5000 экз.

Хрестоматия адресована слушателям филологического факультета Российского открытого университета. Составлена из литературоведческих работ преимущественно 1910-1920-х гг., некоторые из которых давно не переиздавались: Лотман Ю. «О содержании и структуре понятия "художественная литература"»; Шкловский В. «Искусство как прием»; Шенгели Г. «О лирической композиции»; Жирмунский В. «К вопросу об эпитете»; Петровский М. «Морфология новеллы»; Эйхенбаум Б. «Как сделана "Шинель" Гоголя»; Зунделович Я. «Поэтика гротеска: (К вопросу о характере гоголевского творчества)»; Якобсон Р. «Пушкин в свете реализма»; Барт Р. «С чего начать».

Литературные кафе Москвы и Санкт-Петербурга: Фрагменты из книг. Библиография / Сост. Т.М.Корзинкина. — М.: Рудомино, 1992. — 16 с. — Тираж 500 экз.

Книга издана под эгидой французского культурного центра в России и Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И.Рудомино. Сведены воедино мемуарные и библиографические сведения о московских кафе «Бом», «Грек», «Домино», «Кафе поэтов», «Красный петух», «Стоило Пегаса», Санкт-петербургских «Бродячая собака» и «Привал комедиантов». Использованные источники немногочисленны и хрестоматийны: воспоминания И.Эренбурга, В.Шкловского, И.Грузинова, А.Мариенгофа, Г.Иванова и др. Однако, в «Библиографии» не указаны хрестоматийные же работы А.Парниса и Р.Тименчика о «Бродячей собаке» (Памятники культуры: Новые открытия... 1983. Л., 1985) и А.Конечного, В.Мордерера, А.Парниса и Р.Тименчика о «Привале комедиантов» (Там же. Л., 1989). Мы уверены, что читателям «DV» не стоит напоминать об этих работах. Но, быть может, эти сведения, хотя бы таким образом, пусть и с опозданием, дойдут до издателей курьезной брошюры. Не понятно, с какой целью вообще была издана книга.

Золотой век художественных объединений в России и СССР: (1820-1932): Справочник / Сост. Д.Я.Северюхин, О.Л.Лейкинд. — СПб.: Издательство Чернышева, 1992. — 400 с. — Тираж 5000 экз.

«В Справочнике сведены профессиональные объединения художников (союзы, товарищества, артели), а также общества, ассоциации, кружки, ставившие своей целью заботу о развитии искусств и художественных ремесел, устройство выставок, выпуск искусствоведческих изданий, художественно-педагогическую и музейную деятельность, благотворительность в отношении художников. Наряду с официально учрежденными обществами в него включены объединения, не имевшие официального статуса, в том числе выставочные группировки, связанные общей эстетической платформой, выступавшие с программными заявлениями и манифестами. Описаны также общества, деятельность которых в силу тех или иных причин ограничилась принятием декларативных документов» (из предисловия составителей). В книге представлены не только объединения Москвы, Петербурга, Киева, но и Козлова, Калуги, Казани, Вильно, Саратова, Хабаровска, Тифлиса, Баку, Иваново-Вознесенска, Тамбова, Ярославля и мн. др.

Этот уникальный справочник (больше подошло бы слово «энциклопедия») содержит не менее 500 статей энциклопедического типа, содержащих самые необходимые сведения об объединениях: время существования, учредители или основатели, состав, формы и основные этапы деятельности. В тексте статей цитируются уставы, декларации и другие программные документы, многие из которых не опубликованы и были разысканы составителями в ходе работы над книгой. Средний объем справки — полторы книжных страницы; к каждой статье прилагается краткая библиография. Сборник включает указатель объединений, именной и топографический.

Безусловно, это издание станет настольной книгой историков и искусствоведов. Сам факт выхода такого

издания сегодня не может не удивить. Между тем, издательская аннотация извещает, что «Золотой век...» только открывает серию «Справочники по русскому искусству», которую будет выпускать издательство Чернышева.

* * *

Помещая ниже справки о двух сравнительно недавно вышедших книгах, редакция вынуждена отойти от принципа, заявленного в самом названии журнала. Книги, аннотации на которые поступили от наших читателей из Парижа, остались нам, к сожалению, недоступны.

Каннак Е. Верность: Воспоминания, рассказы, очерки / Сост., подгот. текста и коммент. А.Клементьева и С.Клементьевой; Предисловие А.Клементьева. — Париж: YMCA-Press, 1992. — 256 с. — Тираж не указан.

В появившейся в конце 1992 года книге парижской журналистки Евгении Каннак собраны произведения, написанные за полвека жизни в эмиграции. Она начала печататься еще в берлинских газетах «Руль» и «Наш век» в середине 1920-х гг., а после переезда в Париж почти сорок лет сотрудничала в газете «Русская мысль». В эти годы читатели знакомятся с десятками ее рецензий на книги французских авторов, с интересными воспоминаниями о встречах с современниками в Берлине и Париже.

Во вторую часть книги вошли воспоминания о Н.Евреинове, О.Глебовой-Судейкиной, Г.Адамовиче, Н.Гончаровой и М.Ларионове, В.Набокове, Саше Черном, Б.Пастернаке, об издательстве «Геликон», в котором автор работала машинисткой. Особый интерес представляют, на наш взгляд, материалы о жизни в эмиграции талантливого поэта Рэйса Блох и ее мужа Михаила Горлина, более известного своими работами по древнерусской литературе, чем поэтическим творчеством. Эти воспоминания сопровождается подробный комментарий: сведения о поэтах составителям удалось разыскать с помощью некоторых ныне здравствующих знакомых Р.Блох и М.Горлина. Укажем, что воспоминания Е.Каннак и сопровождающий их комментарий — первая научная публикация, в которой сообщаются сведения о жизни двух поэтов в эмиграции. В другой редакции и с куда более кратким комментарием эти материалы были опубликованы в недавно вышедшем в Иерусалиме сборнике «Евреи в культуре русского зарубежья» (Иерусалим, 1992. Вып.1).

О самой Евгении Каннак читатели могут узнать из небольшого предисловия к книге.

Л.Р.

Карсавин Л. Глубины сатанинские / Подготовка материала; послесловие А.Клементьева и С.Клементьевой. — СПб.: Scriptorium, МСМХСН. — 72 с.

Эта небольшая книжка вышла в петербургском издательстве «Scriptorium», планирующем сосредоточить свою публикаторскую деятельность, в основном, на историко-философских и литературоведческих работах. Под общим заглавием «Глубины сатанинские» Л.Карсавин в свое время предполагал объединить несколько статей, посвященных философии гностиков. Опубликовать он успел лишь первый очерк

— «Офиты и Василиды» — в альманахе «Феникс» (М., 1922. С.95-118). 16 ноября того же года он вынужден был покинуть Петербург вместе с группой ученых, высланных новой властью за границу.

Следующий очерк этого цикла — «Валентин» — был передан автором Г.И.Чулкову, участвовавшему в подготовке второго, так и не появившегося, номера «Феникса». В архиве Чулкова издателям удалось разыскать эту, долгое время остававшуюся неизвестной, рукопись Карсавина. Таким образом, читатели

получили возможность ознакомиться с этими очерками.

Из послесловия становится ясно, что издателям удалось разыскать и другие работы ученого, продолжающие этот философский цикл.

Изящно оформленная книга издана небольшим тиражом. В ближайшее время должно появиться второе ее издание.

К.Чалеев

ЖУРНАЛЫ

Журналы, просмотренные «De Visu» (январь 1993): Библиография, Вестник МУ: Серия 7. Философия, Вестник МУ: Серия 8. История, Вестник МУ: Серия 9. Филология. Вестник МУ: Серия 10. Журналистика, Военно-исторический журнал, Волга, Вопросы истории, Вопросы литературы, Вопросы философии, Детская литература, Дружба народов, Журналист, Звезда Востока, Знамя, Известия РАН: Серия литературы и языка. Т.52, Иностранная литература, Искусство кино, Литература в школе, Литературная учеба, Молодая гвардия, Москва, Московский журнал, Московский наблюдатель, Музыкальная жизнь, Наука и жизнь, Наука и религия, Наш современник, Нева, Неман, Новое время, Новый мир, Общественные науки и современность, Огонек, Октябрь, Отечественная история, Отечественные архивы, Простор, Работница, Родина, Россияне, Русская речь, Свободная мысль, Север, Сельская молодежь, Славяноведение, Смена, Согласие, Социологические исследования, Столица, Театральная жизнь, Человек.

В обзоре описаны и отдельные публикации в изданиях, не просмотренных комплектами.

Библиография:

В №1 — публикация статьи В.Н.Муравьева, последователя Н.Федорова, «Научное преобразование организмов» (отрывок из работы «Культура будущего»); написано предположительно в 1925-1926 гг., с приложением библиографии работ и статей В.Н.Муравьева и литературы о нем; вступительная статья, публикация и составление библиографии Г.П.Аксенова.

Там же — статья В.Г.Семенович «Носитель культуры: Павел Федорович Беликов (1911-1982)» о библиографе и исследователе жизни и творчества Н.К.Рериха; прилагается краткая библиография Н.К.Рериха, составленная П.Ф.Беликовым.

Вестник МУ: Серия 7. Философия:

В №1 — статья В.Д.Диденко «Искусство в пнемотологии Н.Бердяева».

Там же — письмо в редакцию О.В.Вишняковой «Концептуальна ли этика Н.Л.Бердяева?»

Там же — статья З.В.Кагановой и П.Е.Сивоконя «Питирим Сорокин: Пути истории, итоги жизни, результаты деятельности», предваряющая публикацию отрывков из работы П.А.Сорокина «Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в

больших системах искусства, истины, этики, права и социальных отношений» (New Brunswick; Oxford, 1957); перевод с английского З.В.Кагановой и П.Е.Сивоконя.

Вестник МУ: Серия 9. Филология:

В №1 — статья Н.П.Дворцовой «М.Пришвин и русское религиозное возрождение XX в.: (К постановке проблемы)».

Там же — статья Н.Т.Чернейко «Движение мира у А.Блока» (анализ цикла «Три послания»).

Там же — под заглавием «Н.С.Трубецкой: Опыт праистории славянских языков» начало публикации отрывков из писем Н.Трубецкого Р.Якобсону и Н.Дурново, связанных с работой Трубецкого по восстановлению и продолжению его труда «Опыт праистории славянских языков». В этом номере публикуются фрагменты из семи писем Р.Якобсону 1920-1924 гг.; составление и комментарии О.С.Широкова.

Вопросы литературы:

В выпуске III за 1992 г. — под заглавием «Последняя Франция (1937 — июнь 1939)» к 100-летию со дня рождения М.Цветаевой публикуется глава из новой книги А.Саакянц «Марина Цветаева. Жизнь и творчество. 1910-1941».

Там же — статья Е.Эткинда «Флейтист и крысы: (Поэма Марины Цветаевой «Крысолов» в контексте немецкой народной легенды и ее литературных обработок)».

Там же — статья О.Клинга «Поэтический стиль М.Цветаевой и приемы символизма: Притяжение и отталкивание» (о поэзии Цветаевой до 1915 г.)

Там же — Женя Киперман, статья «Пророк» Пушкина и «Сивилла» Цветаевой: (Элементы «поэтической теологии и мифологии»)».

Там же — статья Г.Белой «Авангард как богоборчество» (в частности, об авангардизме раннего Б.Пастернака).

Там же — статья Р.Нойхаузера (Германия) «Авангард и авангардизм» об «авангардности» в русской литературе XIX в.

Там же — статья Л.Клеберга (Швеция) «К проблеме социологии авангардизма» (в частности, о русском футуризме, В.Хлебникове, В.Маяковском, О.Брике).

Там же — статья И.Хольтузена (Германия) «Модели мира в литературе русского авангарда» (в

частности, в творчестве В.Маяковского и В.Хлебникова).

Там же — статья Х.Гюнтера (Германия) «Художественный авангард и социалистический реализм» (о связи русского авангарда и «социалистического реализма»).

Там же — статья И.Есаулова «Генеалогия авангарда» (о воздействии русского авангарда на социалистическое искусство).

Там же — статья З.Ворожейкиной и А.Шахвердова «Сотворение русского рубля: (И.Тхоржевский — переводчик и интерпретатор Омара Хайяма)».

Там же — статья Б.Фрезинского «Эренбург. "Вещь". Маяковский» (о взаимоотношениях Эренбурга и Маяковского, сотрудничестве В.Маяковского в журнале «Вещь» в 1922 г.).

Там же — обзор А.Красноглазова «Психоанализ и русская литература»: рецензируются работа М.Люнгрена «Психоаналитический "взрыв" в России накануне первой мировой войны» (Russian literature and psychoanalysis, Amsterdam; Philadelphia, 1989) и работы Д.Ранкур-Лаферрьерера, (в том числе «Пять русских стихотворений», 1977 (о Пушкине, Тютчеве, Фете, Блоке, Мандельштаме); «Из-под гоголевской шинели: Психоаналитическое исследование», 1982; «Сознание Сталина», 1988).

Там же — под заглавием «И все-таки узнают голос мой» рецензия Т.Дубинской-Джалиловой на книгу: Чуковский К. Дневник. М., 1991.

Вопросы философии:

В №1 — под общим заглавием «М.М.Бахтин и его круг» печатаются: статья Е.А.Богатыревой «М.М.Бахтин: Этическая онтология и философия языка», отрывки из книги В.Н.Волошинова «Марксизм и философия языка» (Л., 1929; предисловие Е.А.Богатыревой; обзор В.Л.Махлина «Бахтин и Запад: (Опыт обзорной ориентации)».

Там же — статья С.Г.Семенович «Паладин вечности», предваряющая публикацию «Из материалов к третьему тому "Философии общего дела"» Н.Ф.Федорова (материалы взяты из книги, подготовленной к печати в 1910-е гг.); публикация и примечания С.Г.Семенович и А.Г.Гачевой.

Детская литература:

В №1 — статья В.Акимова «Оглядываясь из тупика», критически оценивающая творчество классиков советской детской литературы, в частности, В.Катаева, С.Маршака, А.Гайдара, В.Маяковского и др.)

Там же — статья В.Чайковской «Детство женщины: Интерпретация детства в прозе Б.Пастернака».

Журналист:

В №1 — статья В.Скорятина «"Зевс" осведомляет...: Документы ОГПУ о гибели В.Маяковского», в которой на основании материалов «Дела» поэта высказываются сомнения в том, что Маяковский ушел из жизни добровольно.

Звезда Востока:

В №1 — эссе А.Грачева «Дом Андрея Платонова» о творчестве писателя.

Известия РАН: Серия литературы и языка. Т.52:

В №1 — статья В.И.Кулешова «Ученый и учитель: (К 100-летию со дня рождения Д.Д.Благого)».

Там же — рецензия С.И.Кормилова на книгу: Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе: Очерки истории и теории. Воронеж, 1991.

Иностранная литература:

В №1 — под заглавием «Вглубь одного стихотворения» помещены переводы стихотворения Шелли «Jo» («One world is too often profaned...»); в том числе — К.Бальмонта и Б.Пастернака; предисловие А.Гиривенко.

Литературная учеба:

В книге I — анонс книги: С.А.Есенин. Материалы к биографии. М.: Историческое наследие, 1992.

Там же — статья В.В.Розанова «Бог и смертные» (1914), публикуемая по изданию: Розанов В.В. Черный огонь. Paris, 1991.

Там же — анонимная рецензия на книгу: Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб.: Наука, 1991.

Москва:

В №1 — стихотворения Б.Зубакина «Печально-речивый Овидий...» (1929), «Полевая невеста», «Елене» (1926); публикация О.Сушковой.

Московский наблюдатель:

В №1 — рецензия Н.Добролютова на постановку во МХАТе пьесы М.Булгакова «Батум» (режиссер С.Кургинян).

Там же — рецензия Е.Алексеевой «Оппозиция узкого круга: "Шутка Мецената" в Театре Ларисы Малеванной» на спектакль по произведениям А.Аверченко.

Музыкальная жизнь:

В №1 и 2 — статья Я.Платека «Апостол духовности» (о роли музыки в жизни и творчестве Андрея Белого).

Наука и религия:

В №1 — продолжение работы А.Никитина «Тамплиеры в Москве» (начало — в №№ 4-12 за 1992 г.), в частности, об истории возникновения Ордена Света, возглавлявшегося «анархомистиком» А.А.Карелиным.

Наш современник:

В №1 — впервые полностью публикуется поэма Н.Клюева «Каин»; предисловие и публикация С.Волкова.

Нева:

В №1 — рассказ Б.Пильняка «Заштат» (1937); впервые опубликованный в 1979 г. в нью-йоркском «The New Review»^{*}.

Там же — статья В.Лаврова «Есть ли у нас литература?», о «Дневнике» К.Чуковского, «Дневнике моих встреч» Ю.Анненкова, «Некрополе» В.Ходасевича.

* «Новом журнале» (англ.)

Там же — статья С.Носова «Гений воображения» (к 140-летию со дня рождения Вл.С.Соловьева), в частности, о Соловьеве — литературном критике.

Там же — сказка Саши Черного «Кавказский черт».

Там же — под заглавием «Необходимое дополнение» письмо в редакцию Л.Резникова, дополняющее эпизод в книге В.Каверина «Эпилог» о предсмертном письме в ЦК КПСС А.Фадеева.

Неман:

В №1 — под заглавием «Памятные книжки 1919 года» печатаются публицистические статьи А.Куприна по гельсингфорским газетам «Русская жизнь» от 24 ноября и 1 декабря 1919 г. и «Новая русская жизнь» от 5, 10, 19, и 22 декабря 1919 г.; публикация, подготовка текста и примечания Ф.Кулешова.

Новое время:

В №4 — статья Л.Млечина «Вечный доброволец», пытающаяся доказать непричастность С.Я.Эфрона к деятельности советской разведки.

Новый мир:

В №1 — под заглавием «Клюев в Италии» рецензия Т.Николеску на книгу: Simcic O. Isba e Universo: Vita e poesia di Nikolay Klyuev. Roma, 1991.

Там же — под заглавием «Письма М.И.Цветаевой. Из архива П.П.Сувчинского» восемнадцать писем поэтессы к П.П.Сувчинскому, В.А.Сувчинской и Л.П.Карсавину (5 ноября 1922 г. — лето 1928 г.); публикация и комментарий Ю.Клюкина, В.Козового и Л.Мнухина (печатаются впервые, параллельная публикация — в журнале «Revue des etudes slaves»).

Там же — рецензия И.Слюсаревой на книги: Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. М., 1991; Дон-Аминадо. Парадоксы жизни: Стихотворения, воспоминания, афоризмы. М., 1991.

Огонек:

В № 4/5 — театральный обзор А.Вислова «...А корабль плывет, или Последнее прощание в декабре» (в том числе, о постановке в Театре Романа Виктюка пьесы Э.Олби «Лолита» по роману В.Набокова).

Октябрь:

В №1 — продолжение работы Д.Мережковского «Иисус Неизвестный» (начало — в №11-12 за 1992).

Там же — рассказы В.Шкловского 1930-х гг.: «О жизни и смерти», «Зависть», «В Марьиной Роще» (печатаются по рукописям 1936 г.); «Свидание», «История женщины, вернувшейся на родину», «Загс», «О часах», «О пшавской любви», «Роды», «О стене», «Нико Пироманишвили» (печатаются по книге В.Шкловского «Поиски оптимизма» и журналам и газетам «30 дней», 1934, №10, «Литературная газета», 1934, 12 ноября и 2 декабря, «Звезда», 1933, №5); предисловие, подготовка текста и публикация О.Панченко.

Отечественные архивы:

В №1 — статья Н.Б.Волковой «Российский государственный архив литературы и искусства к 100-летию Марины Цветаевой» (описание архива М.Цветаевой в РГАЛИ и рассказ о выставках и научных конференциях, подготовленных с участием РГАЛИ).

Там же — статья П.Гримстеу (США) «Зарубежная архивная Россия и Советика», описывающая основные указатели по архивохранилищам русских рукописей за рубежом.

Простор:

В №1 — подборка произведений М.Булгакова, опубликованных в бакинских журналах и газетах: репортаж о прощании с телом Ленина «В часы смерти» (Бакинский рабочий. 1924. 1 февраля), рассказ «Попутчица» (Там же. 1924. 16 апреля), фельетон «40 казенных червонцев» (Желонка. 1924, февраль) Вступительная статья «Михаил Булгаков: Газетная подешина» и публикация Ф.Балонова.

Родина:

В №1 — отрывок из работы В.Соловьева «Россия и вселенская церковь»; предисловие И.Исаева.

Русская речь:

В №1 — статья Е.Ф.Груздевой «Слово — серебро, молчание — золото» (о фигуре умолчания в «Голом годе» Б.Пильняка, «Петербурге» Андрея Белого, «Мастере и Маргарите» М.Булгакова и «Приглашении на казнь» В.Набокова)

Там же — статья Л.Л.Бельской «Когда был написан “Черный ангел” О.Мандельштама?»

Там же — публикация доклада Д.С.Лихачева о старой орфографии, прочитанного в 1928 г. в «Космической Академии наук».

Там же — статья Е.Замятина «О языке» (1920-1921). Печатается по «Новому журналу» (Нью-Йорк. 1964. Кн.77); публикация и комментарий В.П.Вомперского.

Сельская молодежь:

В №1 — рассказ И.И.Савина (1899-1927) «Правда о семи тысячах расстрелянных»; предисловие Е.Данилова.

Славяноведение:

В №1 — воспоминания С.Б.Бернштейна «О Луначарском: (По данным дневниковых записей)» о встречах в 1920-х гг.

Столица:

В №1 — рецензия И.Л. «Зарубка на память» на спектакль «Зангези» «Чет-Нечет-Театра» по «сверхповести» В.Хлебникова (режиссер А.Пономарев).

Странник:

В №1 (вышел в январе) — публикация различений к опубликованному в «Литературной учебе» (1989, №2) предисловию В.Розанова к своей книге «В сахарне» (по наборной рукописи 1916 г. из собраний Н.И.Харджиева); подготовлено Н.И.Харджиевым.

Человек:

В №1 — начало публикации глав из книги Г.П.Федотова «И есть и будет: (Размышления о России и революции)» (Париж, 1932); публикация, примечания и послесловие Д.Бона.

Там же — в рубрике «Поэты русского зарубежья — соотечественникам» эссе А.А.Салтыкова (1873-1943?) «День русской культуры» (из газеты «Возрождение», 1931, 7 июня) и его стихотворения: «1917: Август», «1918», «В темный безверия век ты верил...», «Русская гармония», «Язык», «В дни оны, в праздной

Византии...», «Тайна расы, чудо нации...», «Всадник Черный», «Ужель Каиафа были с Анной...», «Делюны — космократоры»; предисловие А.Н.Богословского.

* * *

В январе 1993 г. в Москве вышел №1/2 журнала «Культура и свобода» с подзаголовком — «Журнал российского культурного пореформенного движения» (тираж 5000 экз.). Главный редактор — Г.Сорокина, в редакционный совет входят: А.Гангнус, С.Зимовец, Е.Короткова, И.Красотова, В.Липатов, Н.Любомирова, Н.Попова, В.Проталин, В.Соловьев, М.Шапошников, С.Шевердин, Ю.Шищенко, Г.Ярославцев. Название журнала и некоторые положения редакционных заявлений удивительно совпадают с названием и программой известного культурно-просветительского общества «Культура и свобода», созданного в феврале 1918 г. в Петрограде в память Февральской революции (активное участие в его деятельности принимал М.Горький). «Нашему журналу близка та точка зрения, что культура представляет собой золотой ключ от источника станных жизненных сил человека. Иначе сказать — эвристический инструмент, стереоскоп, голограф, с помощью которого многоликое человечество отыскивает, моделирует, уточняет образ главной своей потребности — образ доброкачественного, достойного человека житья. <...> Культура — великолепный, поистине божественный дар, питающий посредством полифонии форм неутомимость ответственности людей перед людьми. <...> Мы считаем: важнее всего понять, что только свобода культуры в конечном счете плодоносит жизнеобеспечивающей культуре свободы».

В рубриках и подрубриках журнала («Собирание себя», «Искусство», «Образование», «Свое — чужое», «Моя особенность — моя опора», «Опыт удивления», «Версии», «Публикации», «Раритеты», «Дети вершин» и — просто «Рассказы») находим разнообразные по тематике и жанру материалы, большая часть которых написана редакторами и членами редакционного совета журнала. Так, номер открывает беседа С.Зимовца, Н.Любомировой и Г.Сорокиной «Воля к нищете и воля к жизни», состоявшаяся, как извещает редакционное предисловие, в молодом Секторе этно-философии Института философии РАН (в недрах которого, по-видимому, и зародилась идея издания нового журнала). Спектр обсуждаемых проблем довольно широк: современная социальная ситуация, судьбы интеллигенции и пр. В этой беседе определяется одна из задач журнала — информировать о «новых гуманитарных образованиях, сформированных, оформленных в рамках закона». В.Алимов, президент Фонда Личности, знакомит с возглавляемой им организацией в статье «Каждый может быть и сильнее себя сегодняшнего, и удачливее вчерашнего». О существовании частного Университета истории культур (УНИК) мы узнаем из диалога Г.Померанца и З.Миркиной, лекторов УНИКА.

«Установочными», очевидно, являются статьи С.Шевердина «Батраки культуры» и В.Проталина «Пятое измерение». Сразу за ними (в рубрике «Угол зрения») идет почему-то статья Г.Флоровского о Н.Федорове «Проект мнимого дела» (из «Современных записок», 1935, кн.ЛІХ). Среди авторов других статей и эссе: М.Кулаков, В.Липатов, Г.Калинин,

Т.Грум-Гржимайло (о композиторе Вяч. Артеме) и М.Фотиев (о художнике В.Яковлеве). Художественная литература представлена стихами Н.Григорьевой и Н.Ванханен, прозой В.Овчарова, Н.Пичугиной, Б.Василевского, Е.Короткова. По-видимому, к этому жанру следует отнести и отрывки из книги А.Немировского «Мифы и легенды Ветхого Завета».

Интереснее нам показались историко-культурные публикации: перепечатка дневников Генри Амиеля (1821-1881), отрывки из книги Н.П.Великанова «Наше заграничное путешествие» (1891), «исторические афоризмы» М.П.Погодина (предисловие В.Соловьева).

Особо отметим публикацию М.Шапошникова «Каким мне коснуться словом...» (с.88-106). Под этим заглавием перепечатан цикл из девяти статей З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковского из петроградской газеты «Новые ведомости» за 1918 г. Гиппиус принадлежат статьи: «Люди и нелюди» (6 апреля), «Призраки» (18 апреля), «Лучезарный год» (3 июня), «Стыд и преступление» (5 июня), «Бабская зараза» (22 июня) и «Ясное об ориентациях» (1 июля); Мережковскому — «Чортовы пожарки» (15 апреля), «Тля» (4 июня) и «Революционная демократия: Аристократия» (6 июня). В предисловии высказывается ряд критических замечаний в адрес новейших переизданий сочинений Гиппиус — «личности из будущего, явившейся в наш здешний, неизменно-прекрасный и пошло-святой Божий мир Второго Завета, чтобы возвестить нам грядущее царство Третьего Завета» (с.89). Мы же укажем, что — вопреки утверждениям автора предисловия — публикации статей Гиппиус в «практически неизвестной даже специалистам» газете «Новые ведомости» были учтены как раз в новейших изданиях ее произведений (см.: Гиппиус З.Н. Сочинения. Л., 1991) и более того — уже перепечатывались (в частности, А.Лавровым в «Независимой газете» в 1990 г.)

* * *

В январе появился и №1 «международного журнала» «Форум», учрежденного Международной ассоциацией фондов мира. Главный редактор — В.Муссалитин (не так давно возглавлявший издательство «Советский писатель»). Тираж не указан. В редакционном совете: А.Алексин, А.Алимжанов, Б.Бедзик, А.Белявский, В.Ганичев, М.Егоров, М.Кабатченко, Д.Мамлеев, В.Маслин, А.Паков, Г.Свиридов, Ю.Торсуев, А.Улитин, А.Чугунов.

В «Слове к читателю» В.Муссалитин, сетуя на трудности, переживаемые страной, удивляется: «Трудно поверить, что все это творится с нами, у нас. Ибо все мы хорошо помним иное: когда запросто ходили и ездили в гости друг к другу, сидели тесным кругом за общим столом, ели, пили, пели прекрасные песни». «Пора братья за дело, — заключает главный редактор, — восстанавливать то, что порушено, разорвано. По глупости ли, злобе, незнанию. Работа предстоит долгая, тяжкая. Нужно преодолеть взаимное отчуждение, возникшие этнические, религиозные и прочие разногласия <...>. И только тогда противостояние, что пронизало нашу прежнюю, необъятную страну, <...> уступит место сотрудничеству, дружбе. <...> «Форум», разумеется, вместе с вами намерен

активно включиться в эту благородную, созидательную, миротворческую работу».

Собственно «миротворческой работе», однако, в первом номере журнала посвящено не так уж много страниц: беседа президента Международной ассоциации фондов мира Анатолия Карпова с журналистами и краткая хроника деятельности Ассоциации. Отдав дань своему учредителю, журнал затем поворачивается лицом к «изысканной словесности», которую представляют хорошо знакомые нам бывшие «советские» (а ныне «современные») писатели. В «Форуме» мы находим стихи Л.Котюкова и В.Чобан-заде, прозу С.Золотцева, С.Иванова, очерк В.Ганичева.

Неуверенность редакции в читательском интересе к авторам «Форума» выразилась, по-видимому, в том,

что почти половину номера занимают Дейл Карнеги и Агата Кристи.

Наиболее интересный, на наш взгляд, материал номера — публикация воспоминаний Е.К.Горбова (из его архива в Орловском государственном музее И.С.Тургенева) о встречах с М.Пришвиным в 1920 г. (подготовлено В.Д.Почечикиным). В следующих номерах «Форум» планирует опубликовать статью В.Клименко о «любимых женщинах Михаила Булгакова», отрывки из романа П.Краснова «От Двуглавого Орла к красному знамени», поэму Г.Шенгели «Стыд» и др.

Роспись публикаций последующих номеров журналов «Культура и свобода» и «Форум» будет включаться в журнальные обзоры «DV».

ГАЗЕТЫ

Газеты, просмотренные «De Visu» (январь 1993 г.): Аргументы и факты, Век, Ветеран, Вечерний клуб, Вечерняя Москва, Восточный экспресс, Гласность, Голос, Голос Родины, Гудок, 24, Деловой мир, День, Домашнее чтение, Домострой, Досье ЛГ, Еврейская газета, Известия, Книжное обозрение, Комсомольская правда, Крестьянская Россия, Крестьянские ведомости, Криминальная хроника, Культура, Куранты, Литературная газета, Литературная Россия, Литературные новости, Московская правда, Московские новости, Московский комсомолец, Московский литератор, Народ мой — Ами, Народная газета, Начало, Неделя, Независимая газета, Патриот, Подмосковные известия, Подмосковье, Правда, Рабочая трибуна, Российские вести, Россия, Русский вестник, Семья, Собеседник, Совершенно секретно, Советская Россия, Сын Отечества, Третье сословие, Труд, Учительская газета, Федерация, Цирк, Час пик, Экран и сцена, Эмиграция.

В обзоре описаны и отдельные публикации в изданиях, не просмотренных комплектами.

Вечерний клуб:

В №3/4 — статья Ю.Безелянского «Темные аллеи Ивана Бунина» (о женщинах в жизни писателя).

В №5/6 — под заглавием «Не просите позировать» воспоминания Б.Виленкина о том, как он делал фотопортрет А.Ахматовой к ее 75-летию; впервые публикуется одна из ее последних фотографий.

Вечерний Петербург:

В №8 — под заглавием «Судьбы ужасные черты» подборка из пяти стихотворений В.А.Смоленского (1902-1906): «Стансы», «Луч зари позолотил окно...», «А все-таки нет выше на Земле...», «Любимая моя живет в Китае...», «Душа во мгле проснулась...»; предисловие С.Ивановой.

В №19 — стихотворение А.Ахматовой «27 января 1944», печатаемое к 49-й годовщине прорыва блокады Ленинграда.

Там же — под заглавием «Валентина Биличенко: «И вдруг разрешили любить!»» беседа М.Рутмана с

директором народного музея А.Ахматовой в Петербурге.

В №20 — под заглавием «Сотки мне книгу из огня» подборка из семи стихотворений В.В.Гиппиуса (1876-1941): «Все звери столпились ко мне...», «Ты слышишь — как в реке холодной...», «Плетется ночи старой тишина...», «Я понял, что ты умирала...», «Один ли я в краю глухом...», «Чья охлажденная надежда...», «Есть одиночество в страдании...»; предисловие В.Зельченко.

Голос Родины:

В №2 — статья В.Шлеева «Иллюстрированная Россия» (о журнале, выходившем в Париже в 1924-1939 гг., в составе редакционного комитета: А.Куприн, И.Бунин, З.Гиппиус, Б.Зайцев, Д.Мережковский, И.Шмелев).

Домашнее чтение:

В №7 — стихотворение А.Куприна «Навсегда» (из ревельского журнала «Гамаюн», 1925, №1).

Там же — статья И.Шмелева «Пути мертвые и живые» (из «Русской газеты», 1924, 23 апреля).

Там же — статья З.Гиппиус «Большевистские тайны» (1920-1921?), печатаемая по газете «Последние известия» (Ревель), 1921, 6 июня; предисловие и публикация О.Фигурновой.

Домострой:

В №3 и 4 — начало эссе М.Волошина «Пророки и мстители: Предвестия Великой революции» (из журнала «Перевал», 1906, №2).

Досье ЛГ:

В №1 — под заглавием «Грозные пророчества Питирима Сорокина, сделанные 70 лет назад» републикация отрывка из его книги «Современное состояние России» (Прага, 1922; журнал «Новый мир», 1992, №4,5); предисловие В.Шубкина.

Еврейская газета:

В №1 — статья Л.Борисова о К.Чуковском «Этот детский писатель».

Известия:

В №4 — статья К.Кедрова «Пламя Набокова» (о романе «Бледное пламя»).

Книжное обозрение:

В №1 — статья И.Кузьмина «Феникс Рины Бадовой» о скульптурном портрете М.Цветаевой и его авторе Р.Бадовой.

Там же — воспоминания Н.Бианки «Московские встречи» (в частности, о К.Чуковском, Н.Мандельштам).

В №2 — заметка А.Кожурина «Тихие юбилеи» о 100-летних юбилеях К.Паустовского, И.Соколова-Микитова, И.Эренбурга.

В №3 — заметка А.Герчикова «Народный музей Ахматовой ждет вас» (о музее в Петербурге на основе личного собрания В.А.Биличенко).

В №4 — заметка К.Черного «Спасение от позора» (о выходе 2-го тома словаря «Русские писатели 1800-1917»).

Там же — статья В.Баранова «Новые маршруты старого “критического парохода”» (к 125-летию со дня рождения А.М.Горького), автор которой пытается оградить Горького от незаслуженных, по его мнению, нападков в печати (в частности, В.Войновича, В.Пьецуха).

В №5 — статья Н.Старшинова «Тихо прожил я жизнь человеком...» (к 80-летию со дня рождения Я.Смелякова).

Криминальный вестник Санкт-Петербурга:

В №4 (январь) — под заглавием «Нет, бескорыстные жертвы не тщетны!» отрывок из готовящейся к печати книги А.Михайлова и И.Б.Западалова о Н.Клюеве; судя по тексту этой публикации, издание книги предполагается в серии «Жизнь замечательных людей».

Культура:

В №2 — заметка А.Офицерова «Константиново... снег тропу не припорошит» о впервые отмечаемом на родине С.А.Есенина Дне памяти поэта.

В №3 — статья Ал.Михайлова «Вольные стрелки» (полемика с нападками на Горького и Маяковского в современной прессе).

Там же — статья В.Осипова «Третье безмолвие» (о «замалчивании» имени и творчества Я.Смелякова).

Там же — под заглавием «Я, сильный человек, бессилён» к 100-летию со дня рождения В.Б.Шкловского публикуется его письмо к М.Шагиняну от 21 сентября 1971 г., вступление, примечания и подготовка текста А.Галушкина.

Литературная газета:

В №1 и 2 — письма А.Вознесенского и С.Рассадины о №9 «Досье ЛГ» за 1992 год, посвященном 100-летию со дня рождения М.Цветаевой.

В №4 — статья Д.Данина «Зайцы не должны бегать с фонарями» (к 100-летию со дня рождения В.Шкловского).

Там же — некролог К.Ф.Тарановскому, подписанный С.Аверинцевым, М.Гаспаровым, С.Гиндиным, Ю.Левиным, А.Прохоровым, В.Топоровым, Б.Успенским, Ю.Фрейдным, В.Холщевниковым.

Там же — заметка И.Фонякова «Как “нашлась” библиотека Петра Струве» (в петербургском Техническом университете).

Литературная Россия:

В №1 — статья В.Ходасевича «Все — на писателей!» (1922).

В №3 — статья И.Шмелева «Крест просвещения» (1929) к 175-летию Московского университета; предисловие А.Райхцаум.

В №4 — статья И.Ильина «Когда Россия была республикой?» (из его книги «Наши задачи», Париж, 1956); предисловие М.Филина.

Литературные новости:

В № 21-22 — заметка А.Егорова «Разговор о Горьком» (о собрании объединения критиков и литературоведов Москвы, посвященном юбилею А.М.Горького).

Там же — интервью с Анастасией Цветаевой (подготовлено М.Батшевым и А.Карого).

В №23 — начало публикации полного текста «Автобиографических заметок» И.Буннина; предисловие Ю.Рябинина.

Там же — рецензия В.Литвинова на книгу: Ивинская О. Годы с Борисом Пастернаком. В плену у времени. М.: Либрис, 1992.

Московская правда:

В №15 — статья Л.Фомина «Васисуалий и сейчас не гасит свет» (о неопубликованных рукописях И.Ильфа и Е.Петрова, истории семьи Е.Петрова, его потомках).

В №18 — под заглавием «Совсем по Зошенко?» рецензия Т.Сереевой на спектакли по произведениям М.Зошенко в Театре им. Станиславского (режиссер А.Славуцкий) и во МХАТе (режиссер Р.Сирота).

Московские новости:

В №1 — статья Л.Наврозова «Замятин и Оруэлл: 2×2-4?» (о различии антиутопических романов этих авторов).

В №4 — заметка М.Чегодаевой «Велимир Хлебников в Малых Дербетах» об открытии памятника поэту на его родине в Калмыкии.

В №5 — заметка О.Мартыненко «Москва — Лондон — Воронеж» о подготовке третьих Мандельштамовских чтений, которые состоятся летом 1994 г. в Воронеже.

Народная газета:

В №2 — заметка В.Семененко «Мой друг Марина Цветаева» о литературном празднике в г. Александрове, посвященном поэте.

В №16 — заметка И.Комарова о журнале «Мир Паустовского» (аннотацию см. в №3(4) «DV»).

Невское время:

В №37 — заметка Э.Романовской «Имени Рериха» об открытии мемориальной доски Н.К.Рериху на здании Петербургского художественного училища (бывшей Школы Императорского общества поощрения художеств).

Независимая газета:

В №5 — под заглавием «Печать имени над бездной: Страницы наследия В.Н.Муравьева» публикуются статьи философа и публициста В.Н.Муравьева (1885-1931?): «Граждане» (из газеты «Заря России», 1918, 22 мая), «Национальная идея» (там же, 1918, 14 мая), «Мысли и афоризмы» (впервые); предисловие Г.Аксенова.

В №9 — рецензия К.М. на спектакль екатеринбургского ТЮЗа «Человек рассеянный» по мотивам стихотворений С.Маршака (режиссер А.Праудин, инсценировка Н.Скорород).

Там же — отклик В.Свинцова «Неизвестный Розанов» на впервые опубликованные в №3 журнала «Начала» за 1992 г. фрагменты книги В.Розанова «Мимолетное. 1915 год».

В №11 — анонс книги «Вспоминая Ахматову» (диалоги И.Бродского и С.Волкова) издательства «Независимой газеты».

В №13 — статья В.Новикова «Гениальный неудачник» (к 100-летию со дня рождения В.Шкловского).

Там же — рассказы В.Шкловского 1930-х гг.: «О трамвайном фольклоре» (Звезда. 1933. №5), «Еще о любви» (печатается по рукописи 1936 г., хранящейся в РГАЛИ), «Конец любви» (источник не указан); предисловие и публикация О.Панченко.

Там же — письмо В.Шкловского к М.Горькому (весна 1922); предисловие, публикация и комментарии А.Галушкина (полный текст писем Шкловского к Горькому 1917-1923 гг. см. в №1(2) «DV»).

В №14 — анонимная заметка «Музей Николая Федорова» об открытии музея-читальни философа в Москве.

Там же — рецензия И.Егоровой «По Бахтину» на сборник «М.М.Бахтин как философ» (М., 1992).

В №16 — «На полустанках: Заметки поэта» Г.Адамовича (Звено. 1923. 8 октября); предисловие С.Федякина.

Там же — републикация «параллельных» стихотворений Дон-Аминадо «Верховный Совет» (Последние новости. Париж. 1937. 3 февраля) и В.Лебедева-Кумача «В Кремлевском дворце» (Русский голос. Нью-Йорк. 1940. 16 сентября); предисловие Р.Янгирова.

Открытое образование:

В №1 — заметки А.Галкина «Дневник дневников» по поводу книг: Лукницкий П. Встречи с Анной Ахматовой: Дневник 1924-1925 гг. Paris, 1991; Пришвин М. Дневник: 1914-1917. М., 1991; Чуковский К.И. Дневник: 1901-1929. М., 1991.

Подмосковные известия:

В №3 — статья А.Кузовкина «Старый доктор и его сыновья» (о В.Д.Шервинском и его сыне, поэте и переводчике С.В.Шервинском).

В №11 — статья Е.Андрианова «Письмо в ногинский музей», в которой приводится письмо А.Н.Толстого в Ногинский краеведческий музей (1940?), написанное в ответ на сообщение директора музея А.Смирнова о находке надгробного камня Квирина Кульмана, немецкого поэта XVII века.

В №17 — статья О.Уваровой «Смотрю на мир беспощадно коротким взором...» (к 140-летию со дня рождения Вл.Соловьева).

Российские вести:

В №10 — под заглавием «...И тихий свет православия засветился в душе» печатается очерк А.Цветаевой «Мой путь к религии».

Россия:

В №5 — театральное обозрение А.Соколянского «Спасибо всем» (в частности, о спектакле «Зангези» «Чет-Нечет-Театра» по В.Хлебникову).

Русская мысль (Париж):

В №3961 — начало публикации дневниковых записей Б.Зайцева «Дни» за 1939-1945 гг.; публикация Н.Б.Зайцевой-Соллогуб, предисловие О.Ростовой.

Там же — письмо в редакцию А.Носова по поводу публикации Т.Лаптевой в №3954 материалов В.Соловьева, ранее уже неоднократно публиковавшихся в России и за рубежом.

В №3962 — статья Л.Аннинского «Конец строки? (Из ответов на записки)» (в частности, интерпретация строк В.Ходасевича «Привить классическую розу // Советскому дичку», приписанных, впрочем, О.Мандельштаму).

Там же — продолжение публикации «Дней» Б.Зайцева; начало в №3961.

Там же — рецензия Н.Порфиренко на вып. 3 альманаха «Русское прошлое» (СПб., 1992), посвященный архивам парижской эмиграции.

Там же — рецензии О.Медведковой «Россия, которую мы открываем» на книгу: Думова Н. Московские меценаты. М., 1992.

В №3963 — продолжение публикации «Дней» Б.Зайцева.

Там же — под заглавием «Тэффи рассказывает о Бальмонте» воспоминания Тэффи о К.Бальмонте (впервые в нью-йоркской газете «Новое русское слово», 1948); публикация и предисловие А.Иванова.

Там же — под заглавием «Неизвестное стихотворение о Гумилеве» печатается стихотворение М.А.Тарловского (1902-1952), «Воспоминание о Коктебеле», написанное в 1929 г.; публикация и предисловие В.Купченко.

Семья:

В №3 — статья В.Баранова «Женщины буревестника» о женщинах в жизни А.М.Горького.

Славяне:

В №1 (помечен декабром 1992 г., вышел в январе 1993 г.) — под заглавием «Последняя любовь Марины Цветаевой» отрывок из подготавливаемой к изданию книги А.Лаврина и П.Педиконе «Тарковские: Отец и сын в зеркале судьбы» (публикация посвящена взаимоотношениям А.Тарковского и М.Цветаевой в 1939 г.)

Слово и дело:

В №5 (январь) — перепечатка статьи Л.П.Карсавина «Рождество Христово» из журнала «Евразия», 1929, №7.

В №1(6) — письма В.В.Шульгина В.А.Степанову, помощнику Шульгина по разведывательно-осведомительной организации Белого движения «Азбука» (в частности, о гибели старшего сына писателя Василия); хранится в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира, Стэнфорд, Калифорния; публикация В.Бортневского.

Там же — воспоминания А.И.Цветаевой «Сравнение двух домов» о доме в Трехпрудном и квартире, где поселились М.Цветаева и С.Эфрон сразу после женитьбы.

В №2(7) — маленькие рассказы А.Самукова «Нестандартно о фотографии» (о любительских фотографиях, сделанных И.Эренбургом и А.Куприным; о том, как фотографировались В.Стасов, С.Есенин, С.Маршак).

Советская Россия:

В №3 — статья Г.Орехановой «Пророчество счастья: Спустя 10 лет после столетия Алексея Толстого».

В №12 — стихотворение А.Блока «Скифы» (1918).

Труд:

В №19 — под заглавием «Кто же вы, Антон Семенович?» отклики В.Кумарина и А.Горелова на статью Ю.Азарова об А.Макаренко «Великий педагог ГУЛАГа» (Труд. 1992. 17 октября).

Там же — заметка Г.Сазонова «Любил поэт Онегу» о решении властей г. Вытегра назвать одну из улиц именем Н.Клюева.

Учительская газета:

В №2 — заметка И.Шулинского «В Сергиевом Посаде создан Дом-музей Розанова».

Там же — статья В.Дядичева «Татьянин день», в которой, в частности, стихотворение С.М.Третьякова «Татьянин день» (из его книги «Железная пауза», Владивосток, 1919).

Modus Vivendi:

В №1 — под заглавием «Первая снится любовь» изложение одной из глав книги Вл.Орлова «Гамаюн» (о возлюбленной А.Блока К.М.Садовской).

Там же — монтаж отрывков из работ П.Сорокина «Листки русского календаря» (1917), «Система социологии» (1922), выступления по случаю 103-го юбилея Санкт-Петербургского университета и др.; подготовлено Р.Лытневым.

Первая цветаевская конференция в Польше

21 октября 1992 г., Краков

Конференция была организована к столетию со дня рождения М.Цветаевой по инициативе Комиссии славяноведения Краковского филиала Польской Академии наук. Заседания проходили в необычно оформленном зале, украшенном ветками рябины и фотографией поэтессы. Среди докладчиков преобладали те из русистов, которые уже занимались изучением цветаевского творчества, а их выступления были обращены к таким проблемным комплексам как цветаевская биография (в свете недавно изданных документов), отношения Цветаевой с поэтами-современниками, поэтика цветаевского творчества и т.д.

Проблемам биографии и личности был посвящен доклад Ядвиги Шимака-Рейфер (Краков) «Письма Марины Цветаевой к Ариадне Берг (1934-1939)». Докладчица остановилась в основном на двух моментах: во-первых, сравнила эти письма с более поздними письмами Цветаевой к Анне Тесковой и высказалась в пользу документальной значимости первых; во-вторых, попыталась определить характер отношений между отправителем и адресатом, отметив тождество их жизненных позиций, читательских увлечений и пр.

Следующий проблемный комплекс был представлен в докладах Гражины Бобилевич-Брысь (Варшава) и Збигнева Мацеевского (Люблин). В первом из них — «Культурные моды: От оккультизма и магии к поэтической хиромантии на примере творчества Марины Цветаевой и Максимилиана Волошина» — содержался, среди прочего, тезис, согласно которому цветаевские произведения, посвященные или адресованные Волошину (эссе-воспоминания «Живое о живом», стихотворения из цикла «*Cl-haut*»), а не только, как утверждалось до сих пор, волошинские, адресованные Цветаевой (например, «Раскрыв ладонь, плечо склонила...») отсылают к указанным культурным модам, возобновленным в России на рубеже веков. Во втором докладе — «Цветаева и Бальмонт: Из диалога между поэтами» — рассматривалась цветаевская проза, обращенная к Бальмонту («Чердачное», «Бальмонту», «Слово о Бальмонте»), и бальмонтская («Где мой дом?») как фиксирующая самый выразительный момент в этом диалоге: момент опознания одного из своих современников. В докладе говорилось, что Бальмонт дан у Цветаевой преимущественно в контексте культуры: как поэт, причем в конечном итоге как «поэт-адекват»; Цветаева же в

бальмонтском очерке возникает как проекция подавленного эдипова комплекса автора-рассказчика, лишенного, в отличие от субъекта цветаевских вещей, какой-либо надтекстовой устремленности.

Два доклада были посвящены поэтике цветаевского творчества.

Первый из них — «Метафоризм как структурная категория лирики Цветаевой» (Анна Маймескулова, Быдгощ) — явился продолжением исследований, начатых ею в книге «Провода под лирическим током» (Быдгощ, 1992). Развивая некоторые положения, разработанные Ежи Фарино, докладчица убедительно показала, что цветаевская лирика в своих глубинных текстообразующих механизмах имеет тенденцию к постоянной трансформации. Материалом для анализа послужило стихотворение М.Цветаевой «В седину — висок...», обращенное к Б.Пастернаку. Каждая из его строк оказывается вариантом семантико-мотивного комплекса, который мобилизован в «стихотворении как целом» и опознан как «попытка общения» между лирическими «я» и «ты», моделированная парадигмой меняющихся пар «понятий» («море» — «небо», «небо» — «море», «свет» — «око») с мифопоэтическими коннотациями. Эта парность имеет эквивалент на уровне синтаксиса, в парадигме двучленных конструкций с меняющимися предикатами, посредством которых участники лирического сюжета определены также с указанием на конкретные мифологемы и которые соединены (иногда неслучайно) палиндромическим отношением («перемалываюсь» — «перелжываюсь»). Из доклада следует, что пары понятий и предикаты возникают в стихотворении в линейно-возрастающем порядке. В результате «я» и «ты» из взаимопротивопоставленных (в пределах оппозиции между мужским началом как активно-созидательным и женским как пассивно-отражающим, но наделенным способностью к превращениям — первая строфа) становятся равноправными (завершающая строфа), пройдя раньше фазис самораспада, дематериализации (третья строфа).

Доклад Гинтера Вытженса (Вена) — «Замечания о пражских поэмах Марины Цветаевой» — был посвящен «Поэме горы» и «Поэме конца». Эти поэмы уже рассматривались им ранее. На этот раз предметом анализа стала рифма. Было отмечено, что в поэмах присутствует четыре типа точных созвучий и столько же типов неточных и приблизительных.

Проблемой связи цветаевских произведений с произведениями иностранных писателей прошлых столетий заинтересовалась Стелла Гольдгарт (Краков), выступившая с докладом «Прочтение Мариной

Цветаевой «Гамлета». В докладе содержался анализ стихотворений М.Цветаевой «Офелия — Гамлету», «Офелия — в защиту королевы» и «Диалог Гамлета с совестью». По мнению исследовательницы, Цветаева «прочла» эту трагедию, переосмыслив шекспировские характеристики названных героев. Такое «прочтение» шекспировской вещи было истолковано С.Гольдгарт в связи с конкретным образом личности М.Цветаевой.

Проблема связи творчества поэтессы с отечественной литературной традицией исследовалась также в докладе студентов русистики Ягеллонского университета в Кракове. Они представили результаты коллективного анализа последнего цветаевского стихотворения «О, черная гора...», выполненного под руководством научной сотрудницы названного университета Халины Вашкелевич. Затем были прочитаны студенческие переводы этого стихотворения, которые явились своеобразной его интерпретацией, выразившей отношение переводчиков — носителей молодежной субкультуры.

Результаты конференции покажутся довольно скромными по сравнению с итогами других цветаевских мероприятий, таких, к примеру, как 1-й международный симпозиум в Лозанне в 1982 г. или совсем недавняя международная конференция «Поэт и Время», состоявшаяся в Москве в октябре 1992 г. Это объясняется прежде всего финансовыми возможностями организаторов, о которых лучше всего свидетельствует тот факт, что единственным печатным воплощением конференции станет издание тезисов докладов, причем эти тезисы, строго ограниченные по своему объему, будут изданы не отдельной книгой, а в рамках «Отчетов из заседаний комиссии славяноведения краковского филиала ПАН». Поэтому, если бы пришлось оценивать роль польских русистов в развитии цветаеведения, то такую оценку следовало провести с учетом уже изданных в Польше и за рубежом многочисленных книг и статей, посвященных цветаевскому творчеству.

З.Мацевский

«Наследие М.Горького в контексте времени»

30 марта — 1 апреля 1993 г., Москва

Научная конференция под этим названием состоялась в ИМЛИ им. М.Горького РАН. (Несколькими днями раньше, 26 и 27 марта юбилейная горьковская комиссия провела чтения «Максим Горький и литературный процесс XX века» в Нижнем Новгороде. Горьковские чтения проходят в Нижнем каждые два года, но в этом году в связи с 125-летием писателя периодичность была нарушена и чтения провели на год раньше.)

География участников московской конференции изменилась. С одной стороны, она сузилась до пределов фактически одной Москвы, хотя горьковеды работают во многих городах России. Не приехали на конференцию даже те ученые из Санкт-Петербурга и Нижнего Новгорода (за малым исключением), доклады которых были заявлены в программе. С другой стороны, приняли участие специалисты из «дальнего зарубежья», что раньше бывало не часто.

Профессор Э.Клюс прилетела из США всего на один день — чтобы прочитать доклад «Пародийные аллюзии на Горького в неофициальной беллетристике 1960-1980-х гг.» Она отметила, что целью этого пародирования была критика «советско-сталинской идеологии». Сейчас, когда идет процесс «отталкивания» от Горького, эти аллюзии помогают прояснить меру его влияния на русскую письменную культуру последней трети XX в. Выступил на конференции профессор И.Уайл (США); его книга «Максим Горький: Взгляд из-за рубежа» вышла недавно в Москве. Он рассказал о неизвестных фактах жизни Горького в Америке. Профессор Г.Хьетсо (Норвегия) уже несколько лет работает над книгой о Горьком. Его доклад «Горький сегодня» можно резюмировать так: сегодня на Западе интересуются творчеством

Горького прежде всего как талантливого писателя, интересует его необыкновенная биография и судьба. Однако до сих пор нет научной биографии Горького; восполнить этот «пробел», по мнению Г.Хьетсо, «первая необходимость в горьковедении». Политические взгляды Горького, по мнению норвежского ученого, сегодня мало кого волнуют на Западе. «Были ли он сталинистом? — Это неинтересно». Разговоры о «конце Горького» на Западе — в отличие от сегодняшней России — уже прекратились. Г.Хьетсо отметил, что в России о нем говорят с поразительной «злой радостью» и пренебрегают «правом Горького на уважение».

На протяжении последних ста лет Горького, по выражению Л.А.Спиридоновой (Москва, «Новые аспекты изучения творчества Горького: 30-е годы»), «хоронят» уже третий раз. Прежняя концепция — «основоположник социалистического реализма, признанный глава советской литературы» — сменилась прямо противоположной: Горький помогал правящей верхушке втискивать литературу в прокрустово ложе несуществующего «соцреализма», а сам не смог создать ни одного значительного произведения. Писателю, говорила Л.А.Спиридонова, вменяют в вину прямое подстрекательство к террору, называют его «певцом колоний, лагерей, товарищем шефа ОГПУ-НКВД зловещего Ягоды и охранников, обосновавшихся в его доме». Л.А.Спиридонова резко возражала против такой переоценки — ведь Горького упрекают даже в том, чего он не сделал, но, по мнению критиков, мог бы сделать (в частности, «воспеть» 1937-й год).

В.В.Кожин (Москва, «М.Горький и И.А.Бунин») убеждал, что многие из нынешних критиков Горького

следуют моде. Невозможно, по его мнению, верить в объективность позиции тех, кто «вчера восторгался Горьким и ругал Бунина, а сегодня — наоборот: лгали за страх, теперь лгут за совесть, что еще хуже». (Это высказывание В.В.Кожина вызвало сочувственную реакцию у присутствующих на имлийской конференции.) Не правы, по мнению В.В.Кожина, и те, и другие: оба писателя «виноваты перед Россией», как и вся либеральная интеллигенция (на совести Бунина — «Деревня»). Но Горький, с точки зрения докладчика, оказался «порядочнее» Бунина: он вернулся на родину, потому что «всегда был верен себе». Такая «защита» Горького представляется нам настолько «оригинальной», что всякие возражения на нее излишни.

В уже упоминавшемся выступлении Г.Хьетсо отмечалось, что «многие переоценки Горького вызваны невежеством». Подробнее он эту мысль не развил. Однако выступавшие на конференции ученые констатировали, что советская власть добилась своего: Горького сегодня почти не читают, о его общественно-политической деятельности создаются мифы. Об этом говорили В.А.Келдып (Москва, «О системе ценностей в творчестве Горького»), С.С.Лесневский (Москва, «М.Горький и А.А.Блок»), М.Ф.Пьяных (Москва, «Горький и суд над Достоевским в советской литературе 30-х годов: Проблема трагического в искусстве этого времени»), И.А.Ревакина (Москва, «М.Горький и В.И.Ленин: Неизданная переписка»), С.И.Субботин (Троицк, «Горький в апреле-июле 1922 г.: Статья “Русская жестокость”, беседа с Ш.Ашем, письмо к А.Франсу. Хроника откликов») и др. Многие документы Горького оказались в спецхранах, немалая часть его публицистики была изъята из обращения, как, впрочем, и большая часть зарубежной исследовательской литературы о нем.

Сегодня специалисты впервые получили доступ ко многим документам Горького, хранящимся в архивах страны и за рубежом. С.В.Зайка (Москва), под руководством которого в ИМЛИ готовятся к изданию письма Горького, сообщил на конференции в Нижнем Новгороде, что группа по изданию Полного собрания сочинений располагает десятками тысячами писем, а это примерно половина горьковского эпистолярия. На московской конференции Е.Р.Матевосян (Москва, «Новые материалы Архива А.М.Горького») рассказала о новых поступлениях в Архив: в 1991 г. сюда были переданы документы из Центрального архива КГБ СССР, в 1992 г. — из Архива Президента России.

На конференции стало ясно, что произошел «первый прорыв» (по выражению И.А.Ревакиной) к научно-документированному изучению переписки Горького. Суть такого изучения внешне проста. Письмо предполагает ответ на него. Если ответа нет, исследователь должен выяснить — почему? Он должен изучить переписку Горького со всеми корреспондентами, различить все голоса и даже реплики, восстановить все то, что изымалось цензурой из горьковских текстов. «Даже небольшое количество рассекреченных писем, — говорила И.А.Ревакина, —

позволяет говорить, что изымалось самое существенное. Например, в переписке Горького с Лениным — спор о социализме, о типах социализма, свидетельства своеобразия и неортодоксальности социалистических убеждений Горького, о драматизме его сотрудничества с большевиками, стоящими у власти, оппозиции им».

Л.Н.Смирнова (Москва, «Горький и Ленин: Разрушение легенды») доказала, что увлечение Горького идеями А.Богданова не было ни временным, ни просто ошибкой. На основе ставшей доступной теперь переписки Горького с Лениным и другими политическими деятелями в 1909-1910 гг. (в период Каприйской рабочей школы и сразу после нее) Л.Н.Смирнова пришла к выводу, что «между Горьким и Лениным согласия не было ни по одному пункту». Горький явно симпатизировал «впередовцам», оставаясь вне партийной структуры. Попытки Ленина выправить «серьезные ошибки философского и политического характера» не имели успеха. Л.Н.Смирнова опровергла расхожее мнение, что Горький легко поддавался влиянию, в данном случае — Ленина (в качестве доказательства было впервые без купюр приведено письмо Горького к Е.П.Пешковой от 3 марта 1922 г.)

В.Н.Чернухина (Москва, «Поездка Горького на Соловки») опровергла версию Г.Мороза о том, что очерк Горького о Соловецких островах чуть ли не целиком был переписан редакторами: «Там карандаш редактора не коснулся только моей подписи — все остальное совершенно противоположно тому, что я написал, и неузнаваемо» (Социалистический вестник. 1954. №1. С.18). В Архиве А.М.Горького хранятся редакции очерка, написанные самим Горьким и свидетельствующие, что за Горького этот очерк никто не переписывал. Отсутствие документов из архива СЛОНа не позволяет окончательно опровергнуть обвинение, предъявленное А.Солженицыным М.Горькому, в гибели мальчика, рассказавшего ему правду о Соловецком лагере. Однако материалы, которые разыскала В.Н.Чернухина, говорят в пользу версии, что «мальчика не было».

Л.Н.Июкар (Москва, «К истории публикации первого варианта очерка Горького “В.И.Ленин”») прояснила историю публикации этого произведения. Изучение автографа рукописи первого варианта очерка и переписки Горького с издателем А.Н.Тихоновым (все документы находятся в Архиве Горького) показало, что редакторы журнала «Русский современник», где впервые в России был напечатан очерк, правили и сокращали его без согласия автора. Они сократили примерно три с половиной страницы рукописного текста, причем, что самое главное, «изъяли чрезвычайно важные концептуально строки».

Научно-документированный подход к изучению наследия Горького помог Н.В.Корниенко (Москва, «М.Горький и А.П.Платонов: Диалог в русской прозе 20-х годов») разобраться, почему именно Горькому принес А.Платонов свой новый роман «Чевенгур», а Н.Н.Примочкиной (Москва, «Горький и РАПП»), по-новому оценить отношение Горького к пролетар-

скому направлению в литературе во второй половине 20-х гг. По мнению докладчика, «общественно-политическая деятельность Горького оставалась прежней: он выступал против подавления творческой свободы, против грубого нажима и администрирования в области литературы».

Еще совсем недавно в науке о Горьком существовали темы, от которых принято было отрешиваться. Некоторые из них оказались в поле зрения ученых, выступивших на конференции. Так, С.Г.Семенова (Москва, «Тема смерти и бессмертия в творчестве Горького») говорила о странном происхождении горьковского гуманизма, во многом предвосхитившего открытия В.И.Вернадского и Тейяра де Шардена. П.В.Басинский (Москва, «К вопросу о «нищезанстве» молодого Горького») опроверг официальное мнение советского литературоведения о том, что вопрос о «нищезанстве» Горького является легендой, созданной народником Н.К.Михайловским. Докладчик отметил: «это часть серьезной научной темы «Горький и мировая философия», по существу, еще не поднятой. И хотя писатель, особенно в последние годы, резко отводил этот вопрос в сторону, произведения его говорят сами за себя». Мы согласны, заявил П.В.Басинский, с мнением критика М.Гельрота, писавшего в 1903 г.: «...доживи сам Ницше до наших дней, он к своему «единственному психологу», у которого еще можно чему-то поучиться (Достоевскому) присоединил бы с обычным для него страстным увлечением и г.Горького» (Русское богатство. 1903. №6. С.68).

О драматизме судьбы Горького у нас открыто заговорили тоже лишь в последние годы. В прессе появились статьи, авторы которых называют разные версии. В.С.Барахов (Москва, «Трагедия Горького в интерпретации современных критиков») предложил свою версию — Горький с молодости был привержен социалистической идее, всю жизнь верил в свои идеалы, всегда, подчеркнул В.С.Барахов, оставался верен самому себе. Но реальность разрушала его веру — «в этом человеческая и творческая трагедия Горького».

В.И.Баранов (Москва) выступил на конференции с докладом «Горький и Сталин: Попытка противостояния». Точка зрения В.И.Баранова хорошо известна, он напечатал уже немало статей на эту тему. В частности, докладчик считает, что Горький в 30-е годы «сперва поддержал вождя», а затем «перешел в оппозицию ему». Трудно предположить, что отношения писателя и вождя складывались по такой простой схеме (да и новые изыскания это опровергают).

В последнее время появилось большое количество работ на тему «Убил ли Сталин Горького, и как он это сделал». Но можно ли говорить о серьезном изучении этой темы без таких, к примеру, документов, как история болезни с «мого Горького и его сына? (Эти документы Архив М.Горького уже получил от Центрального Архива КГБ, но не выдает исследователям, так как они находятся в обработке). А пока все сводится к изысканиям типа: «отравил ли Сталин

Горького конфетами или, переодевшись Ягодой, шмякнул большого человека трубкой по голове». Свою версию предложил И.И.Вайнберг (Москва, «Тайна убийства П.А.Столыпина в художественном изображении Горького»). «Все предположения и сопоставления: мол, Горький Сталину мешал, Горький умер очень «вовремя» — перед началом массовых процессов, — все это, тем не менее, досужие рассуждения. На это я отвечаю: Горький в то время был достаточно болен, чтобы умереть собственной смертью. Последний месяц жизни в Тессели — беспрерывное недомогание, кровохарканье, постоянные кислородные подушки и т.д. Приехал в Москву, в гриппозный дом, заразился и уже не смог оправиться от болезни». В своем докладе И.И.Вайнберг доказал, что горьковская гипотеза в «Жизни Климата Самгина» об убийстве Столыпина вполне убедительна и имеет право на существование. «Горький считал, что убийца Столыпина — «раскаявшийся провокатор», разочаровавшийся в жизни человек, пытающийся вернуть к себе уважение, в любом случае — «жертва собственной опустошенности», орудие в руках каких-то темных сил, а само «дельце», связанное с деятельностью департамента полиции, говорит о «развале» власти».

Чтобы там ни было, главное — художественные произведения писателя. На конференции горьковеды пришли к согласию, что прежде всего необходимо предложить новую целостную концепцию творчества Горького. По мнению В.А.Келдыша, следует говорить о «трех определяющих началах в духовном мире писателя, которые находятся в сложных отношениях... Первое начало связано с трагедийным переживанием феномена жизни в ее отчуждении от человека. Второе начало противостоит первому и, однако, столь же органично. Это — вырастающее из глубин инстинкта радостное ощущение бытия, стихийной игры ег: природных сил и близкой причастности к ним человека. Здесь — своеобразное соприкосновение «традиционного» и «современного», возникающее уже в мироощущении молодого Горького... А позднее оформится и третье, «мифотворческое» начало, которое предстанет уже иным измерением мысли — рациональной конструкцией, опирающейся на определенную идеологическую концепцию». Высшей ценностью горьковского художественного мира долгое время считали «положительного героя», между тем, по мнению В.А.Келдыша, «основным художественным завоеванием писателя стал образ человека «пестрой» души». В.А.Келдыш коснулся также темы «Горький-стилист»: «Еще в 10-е годы критики заметили в творчестве писателя импульс новой, нереалистической поэтики, связанной с модернистскими течениями. Но эта критическая заявка оказалась почти невостребованной в последующем горьковедении... Именно такого рода пересмотры Горького и нужны теперь».

О некоторых проблемах творчества Горького на конференции говорили: Л.Ф.Гаранина («Гуманистическая сущность художественной правды Горького 1930-х гг.»), Н.К.Гей (Москва, «М.Горький и В.В.Розанов»), Л.Ф.Киселева («Роман Горького «Жизнь

Клима Самгина" в зеркале современности»), А.М.Ми-
накова («Мифопоэтика Горького: К постановке про-
блемы»).

В последний день состоялся «Круглый стол». Одним из первых выступил критик И.Золотусский (Москва). Он «выдал» Горькому по всем статьям, заявив, что «как человека» Горького не осуждает, но совсем не приемлет как публициста и как писателя: «Горький страшен своей отвлеченностью, напыщенностью, неточностью... Слово Горького часто плоско, однозначно, книжно». Судя по выступлениям других

участников, объяснения И.Золотусского аудиторию не убедили.

Закончилась конференция в Музее М.Горького, в доме Рябушинского. Собрались в столовой, где почти 60 лет назад Сталин и другие руководители правительства учили писателей уму-разуму. Были заслушаны сообщения Н.Л.Пэнэжко («Шехтель — Рябушинский — Горький: К истории дома на Малой Никитской») и Е.Н.Никитина («Письма Горького к В.И.Анучину: История одной публикации»).

Т.И.Дубинская-Джалилова

XXVI Випперовские чтения

29-31 марта 1993 г., Москва

Очередные Випперовские чтения, традиционно проходящие в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С.Пушкина в Москве, на сей раз были организованы ГМИИ совместно с «Институтом сновидений и виртуальных реальностей». Тема чтений — «Язык сновидений» — объединила искусствоведов, литературоведов, киноведов, психологов различных направлений и школ. Перечислим лишь темы некоторых докладов, заявленных в программе: «Сновидение. Психофизиологический анализ», «Искусство и сновидение в православной традиции», «Сновидение как источник изобразительной метафоры», «Сновидения в эмигрантском кино 1920-х гг.», «Изменение событийной реальности человека посредством магического воздействия на реальность сновидения», «Язык сновидений и психосоматика здоровья». Анализу было подвергнуто творчество Дюрера, Гойи, Кальдерона, Пушкина, Чехова, Кафки, Тарковского

и др. Три доклада, в частности, касались литературы 1910-1930-х гг.: Е.А.Бобринская «Механизм работы сна в футуристическом взаимодействии поэзии и живописи», Л.М.Ельницкая «Сновидения в художественном мире Лермонтова и Блока», М.О.Чудакова «Сон в сочинениях русских писателей советского времени».

За две недели до конференции в Третьяковской галерее была открыта выставка «Сон раскрывает природу вещей», продолженная затем выставкой в ГМИИ «Искусство и сновидение: Открытие подлинной реальности». Финансовую поддержку последней оказал Фонд Антонио Мадзотты (Милан); этот фонд и ГМИИ планируют до конца года опубликовать на русском и итальянском языках тексты всех 26 докладов.

DV

«Органы безопасности и литература»

6-7 апреля 1993 г., Москва

Российско-германский семинар «Органы безопасности и литература» прошел в Овальном зале Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И.Рудомино. Организаторами его выступили Библиотека иностранной литературы, Немецкий культурный центр им. Гете (Москва), Фонд им. Генриха Белля (Кельн).

В семинаре приняли участие В.Упман (Германия), Е.Эткинд, А.Ваксберг, М.Браун, В.Шенталинский, О.Калугин, Н.Охотин и А.Рогинский, А.Даниэль, К.Михазль (Германия), И.Вальтер (Германия), Э.Эрт (Германия), А.Приставкин.

Для историка русской литературы первой трети XX в. наибольший, пожалуй, интерес представляют доклады «Арестованные рукописи» В.Шенталинского и «Дела КГБ на Анну Ахматову и Ольгу Берггольц» О.Калугина.

В.Шенталинский рассказал о работе созданной в 1988 г. при Союзе писателей Комиссии по литературному наследству репрессированных писателей. Благодаря работе комиссии удалось уточнить ряд исторических фактов (в частности, установить точную дату гибели П.А.Флоренского). Однако многое еще остается невыясненным. В архивах органов безопасности и прокуратуры царит неразбериха. Были найдены доносы на Бабеля и его предсмертная записка. Поиски же его творческих рукописей успехом не увенчались (правда, члены комиссии смогли ознакомиться только со следственными делами, к агентурным делам их не допустили).

Были найдены: копия, снятая сотрудниками НКВД с дневника М.Булгакова, подлинник булгаковского письма в правительство с пометами Г.Ягоды, письма Короленко, Шалапина, неизвестное письмо Л.Толстого, фрагменты «Технического романа»

А.Платонова. Были установлены имена многих репрессированных литераторов, ранее комиссии не известных. В частности — молодых поэтов, учеников М.Волошина, арестованных еще до смерти своего учителя.

«Союз писателей, — утверждал докладчик, — был филиалом НКВД. Литсекретарь М.Горького служил на Лубянке, доноски были и среди творческих работников. Авербах, сестра которого была замужем за Г.Ягодой, был литсоветником наркома. Павленко настаивал на ссылке О.Мандельштама».

Многие материалы, найденные комиссией, уже опубликованы; многое еще ждет своего часа.

Доклад О.Калугина был основан на материалах дела, заведенного на Анну Ахматову, и посвящен почти исключительно этой теме; об О.Берггольц докладчик сказал только, что за ней наблюдали как за «злостной антисоветчицей». Дело Анны Ахматовой, по сведениям О.Калугина, насчитывает 900 страниц, составляющих 3 тома. О.Калугин сделал выписки из него, когда служил в КГБ. Некоторые доносы можно оценить как «образцы соцреализма особого жанра»: «среди доносчиков были люди, имевшие вкус, хорошо писавшие».

Агентурные сообщения об Ахматовой воспроизводят ее высказывания в частных беседах, содержат сведения о ее встречах, круге общения, увлечениях. Докладчик привел и некоторые выдержки из этих

сообщений: «Знакомств у Ахматовой множество, близких людей нет...»; «Дом писателей ненавидит как сборище чудовищ-склочников»; «пьет водку»; «нет никакой привязанности к деньгам и вещам. Подарки принимает как должное и дарит другим. Блестящий собеседник. В буйном настроении она отвратительна». С 1945 г. в комнате Ахматовой было установлено подслушивающее устройство. Из последнего доноса: «О правительстве Хрущева отзывается положительно, считая его милосердным...»

Дело на Ахматову, как сообщил О.Калугин, закрыли в 1958 г. по инициативе генерала Миронова, который после службы в спецорганах работал заведующим отделом административных органов ЦК КПСС.

В дискуссии по этим двум докладом выступил А.Рогинский, заявивший, что акцентировать внимание на доносах агентов не совсем правильно. По мнению историка, Ахматова достаточно хорошо контролировала ситуацию. Он также заметил, что «агенты бывают разные, и агентурное дело — очень сложный источник».

Был поднят также вопрос о судьбе архива Главлита. «Мне ничего не известно об этом, — сообщил В.Шенталинский, — наверное, его уничтожили».

А. Д. Александров

В редакцию «De Visu»

В описании кисловодской газеты «Грядущее» (De Visu. №2(3)), сделанном А.Л.Соболевым, приведены некоторые сведения о Морисе Джанумяне, эпизодически вошедшем в биографию Зинаиды Гиппиус (об этом юноше она вспоминала в своих позднейших парижских публикациях). Для исчисления контингента российского Парнаса 1910-х годов существенно, что помимо сборника «Опавшие лепестки. Первая книга стихов», выпущенного иждивением Т.М.Гукасовой в Кисловодске в 1915 году (анонсирующего,

между прочим, вторую книгу стихов «На алтарь красоты» и первый выпуск «Литературных заметок») и зарегистрированного А.К.Тарасенковым, он же издал книжку «Сонеты» (Шуша, 1918), русифицировав свой псевдоним — М.Двонин (Джанумян). Это издание мне, к сожалению, известно не de visu, а по рецензии Сергея Городецкого (Кавказское слово. 1918. №265. 7 (24) декабря).

Роман Тименчик
(Иерусалим)

**«Шпет в Сибири»
сборник**

Составители: М.К.Поливанов, Н.В.Серебренников, М.Г.Шторх, под редакцией Н.В.Серебренникова. Томск: Водолей, 1993 (III-IV кв.). 18 печ. л., фотографии. Ориентировочная цена 350 р.

Г.Г.Шпет (1879-1937) — феноменолог, эстетик, логик, историк, литературовед — один из крупнейших философов XX века. В 1935-37 гг. — в сибирской ссылке. Расстрелян. Настоящее издание представляет собой полный свод известных на сей день впервые публикуемых материалов о последних годах жизни Шпета. В книгу вошли Сибирские письма, переводы, документы, фотографии, воспоминания и статьи о философе.

Принимаются предварительные заказы. Книги высылаются наложенным платежом.

Адрес издательства: 634032, Томск, пер.Батенькава, 1, ОНБ им. А.С.Пушкина, издательство «Водолей».

26-28 октября сего года Институт мировой литературы им. М.Горького РАН совместно с Музеем Андрея Белого проводят в Москве Международную конференцию, посвященную жизни и творчеству Андрея Белого.

Заявки на участие в конференции с указанием темы предполагаемого выступления просьба присылать по адресу: 121069, Москва, Г-69, Поварская, 25а, Институт мировой литературы им. М.Горького РАН, Отдел русской литературы конца XIX — начала XX века, тел. 202-94-33.

Срок подачи заявок — до 10 сентября сего года.

Содержание предыдущих номеров:

№0 за 1992 год:

- И.Г.Эренбург. Статьи 1919 года
- Е.И.Замятин. Письмо А.К.Воронскому
- «Сборник контрреволюционных произведений» Д.Хармса, А.Введенского, И.Бахтерева и др. (из их следственного дела)
- А.Е.Парнис. Вячеслав Иванов и Хлебников
- Н.А.Богомоллов. Оккультные мотивы в творчестве Гумилева
- К.М.Поливанов. Марина Цветаева в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго»
- А.Т.Никитаев. Ничеговыки: материалы к истории и библиографии
- Тематическая текущая библиография за июль-август 1992 г.
- Хроника научной жизни

№1 за 1993 год:

- Ранние опыты Г.О.Винокура
- Р.О.Якобсон. Письмо Г.Г.Шпету
- Б.М.Эйхенбаум. Дневник 1917-1918 гг.
- В.Б.Шкловский. Письма М.Горькому 1917-1923 гг.
- И.Ю.Подгаецкая. Пастернак и Верлен
- А.Ю.Галушкин. Новые материалы к библиографии В.Б.Шкловского
- Тематическая текущая библиография за сентябрь 1992 г.
- Хроника научной жизни

№2 за 1993 год:

- Вокруг гибели Надежды Львовой: неизданные материалы
- Н.А.Бердяев. Письма Андрею Белому
- Инна Андреева. К истории отношений В.Ф.Ходасевича и Муни (С.В.Кисина)
- А.Л.Соболев. «Грядущее» Д.С.Мережковского и З.Н.Гиппиус
- О.С.Фигурнова. Игорь Северянин в Эстонии: материалы к библиографии
- Тематическая текущая библиография за октябрь 1992 г.
- Хроника научной жизни

№3 за 1993 год:

- Александр Ширяевец. Из переписки 1912-1917 гг. с Н.А.Клюевым, С.М.Городецким, В.Ф.Ходасевичем, М.Горьким и др.
- М.Горький и Ф.А.Степун. Переписка
- Ю.М.Каган. О еврейской теме и библейских мотивах у Марины Цветаевой
- В.Г.Сукач. Материалы к библиографии В.В.Розанова
- Тематическая текущая библиография за ноябрь 1992 г.
- Хроника научной жизни

№4 за 1993 год:

- В.Я.Брюсов. Стихотворения 1918-1921 гг.
- Борис Садовской. Кровавая звезда
- Леонид Андреев. Письма Н.К.Рериху
- М.П.Арцыбашев. Письма Борису Савинкову
- К.М.Поливанов. Заметки и материалы к «политической» биографии Бориса Пастернака
- А.Ю.Галушкин. В защиту свободы печати
- Тематическая текущая библиография за декабрь 1992 г.
- Хроника научной жизни

По вопросам подписки за рубежом
просим обращаться к нашему представителю:

Galina Zlotnikova,
PO BOX 1641 Madison Square Station
New-York, NY 10159-1641 USA

В 1993 г. "De Visu"

предполагает опубликовать:

Неизвестные стихотворения К.Вагинова, Ф.Коган, М.Кузмина, В.Соловьева, С.Укше; рассказы И.Бабеля, Л.Липавского, А.Ремизова; переписку В.Соловьева и С.Трубецкого; письма А.Кондратьева Б.Садовскому; письма Б.Божнева, М.Волошина, Г.Газданова, М.Горького, М.Гершензона, Л.Добычина, Е.Замятина, В.Комаровского, Ю.Никольского, И.Сельвинского, Ю.Тынянова, В.Ходасевича, В.Шкловского, И.Шмелева, И.Эренбурга, Б.Эйхенбаума, В.Яновского; воспоминания А.Богданова, О.Дымова, А.Кондратьева, В.Лурье, Е.Полонской; дневники Б.Поплавского, М.Пришвина; статьи И.Анненского, В.Брюсова, Вяч.Иванова, А.Куприна, М.Осоргина, Ф.Сологуба, А.Толстого, Р.Якобсона; рецензии К.Вагинова; стенограммы заседаний «Вольфила».

Статьи о творчестве В.Андреева, И.Аксенова, А.Ахматовой, М.Булгакова, К.Вагинова, А.Волынского, Л.Добычина, Вяч. Иванова, Г.Иванова, Н.Клюева, Д.Кнута, А.Крученых, О.Мандельштама, В.Маяковского, Д.Мережковского, В.Набокова, Б.Пастернака, А.Платонова, А.Ремизова, В.Розанова, Ф.Сологуба, Д.Хармса, В.Ходасевича, М.Цветаевой, К.Чуковского, Г.Шенгели.

Материалы к биографии Б.Пильняка.

Новые материалы к библиографии О.Мандельштама; материалы к библиографии М.Арцыбашева, О.Брика, Г.Газданова, С.Городецкого, Е.Замятина, Л.Лунца, В.Розанова, А.Тинякова; указатели содержания журналов и однодневных газет 1920-х гг.; «Свободный стих в критике 1900-1930-х гг.»

Материалы к истории и библиографии литературных групп «Серрапионовы братья», «экспрессионисты», «акоисты», «люминисты», «презантисты».

Материалы к истории раннего советского «самиздата».

Летопись литературной жизни Москвы и Петрограда 1918 года.

В каждом номере — тематическая текущая библиография (книги, журналы, газеты), хроника научной жизни (в ближайших номерах отчеты о конференциях в Вытегре, Коктебеле, Коломне, Москве, Перми, Петрозаводске, Таллинне, Ярославле и др.)

В декабре 1993 г. предполагается выпустить №13(14), в который войдут: указатель содержания вышедших номеров, именной указатель, библиографические справки об авторах «DV».